

111 1/2

ЛІТЕРАТУРНО-
БІБЛІОТЕКА
УДІЛНО-СТАЦІОНАРНО-ВІСНОВОЇ

ВПЬСЬ І

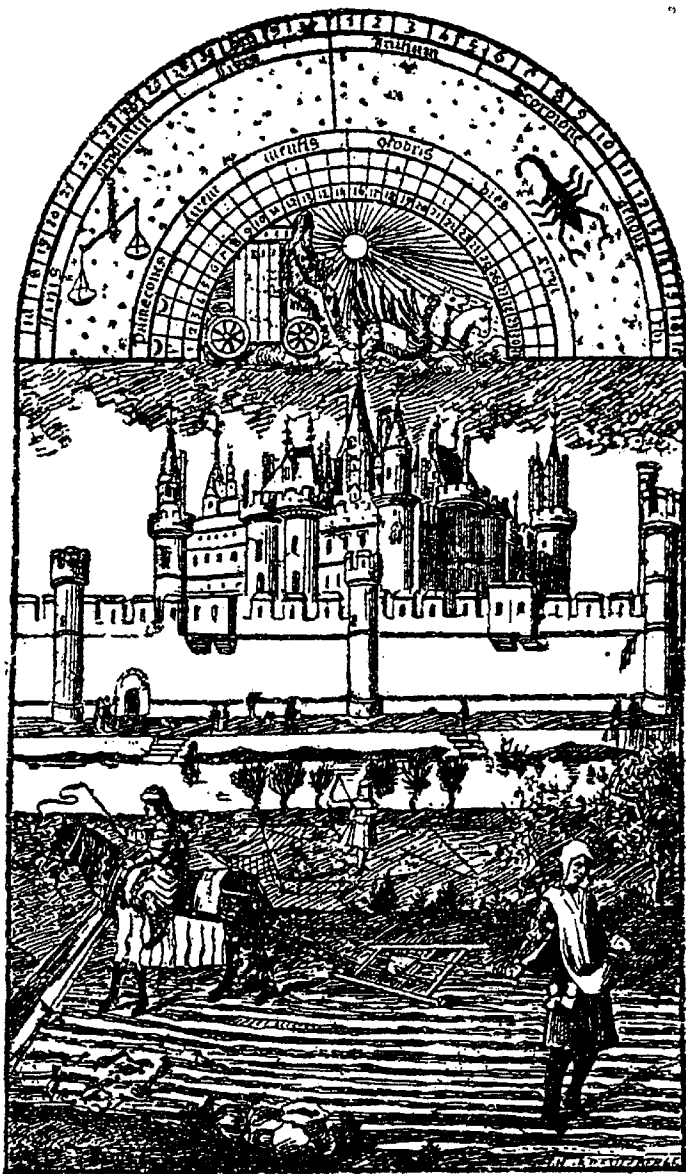

1909

ВѢСЫ © ЯНВАРЬ © 1909.

La Balance. Janvier. 1909.

Годъ изданія шестой. Sixième année.

Бигоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23
Moscou, . Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

«ВЪСЫ» ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

годъ изданія шестой. 1909. N 1, январь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, рассказы, драмы, статьи.

К. Бальмонтъ. 3 стихотворенія	7
Валерій Брюсовъ. 4 стихотворенія	9
Гр. Алексѣй Н. Толстой. 3 стихотворенія.	15
М. Кузминъ. Подвиги Великаго Александра. Повѣсть въ IV кни- гахъ. Кн. I и II	19
А. Ремизовъ. Жертва. Рассказъ	42

Матеріалы.

Вл. Соловьевъ. Незданное стихотвореніе	59
В. Жуковскій. Письма къ А. Пушкину	60

Литература. Русская литература.

Д. Мережковскій. Лермонтовъ. (Отрывокъ)	73
Эллисъ. О современномъ символизмѣ, о „дѣйствѣ“ и о „чортѣ“	75
О книгахъ. (Андрей Бѣлый. Пепель. — Г. Чулковъ. Покрывало Изиды. — XXV сборникъ „Знанія“)	
Обзоръ журналовъ. („Русское Богатство“—„Русская Мысль“— „Современный Міръ“—„Старые Годы“).	90

Иностранная литература.

Рэнэ Гиль. Итоги прошлаго года	96
А. Эліасбергъ. О дешевыхъ книгахъ.	101

Искусства.

И. Грабаръ. Московскія выставки. I. „Союзъ“	107
---	-----

Рисунки.

Два итальянскихъ примитива: Сано ди Піетро. Богоматерь. (Фототипія, работы К. Павлова, въ Москвѣ).	67
Неизвѣстный. Св. Николай Чудотворецъ. (Фототипія, работы К. Павлова, въ Москвѣ).	69
Обложки и фронтисписъ Н. Теофилактова. Общій фронтисписъ —миниатюра XIV вѣка.	

Приложенія.

Каталогъ № 8 к-ва „Скорпионъ“. Объявленія.	
---	--

СОДЕРЖАНИЕ.

SOMMAIRE.

C. Balmont, Valère Brussov, comte Al. N. Tolstoï. Poèmes.
— M. Kouzmine. Les gestes d'Alexandre le Grand. — A. Rémizoff. Le Sacrifice. — Vl. Solovieff. (1853-1900) Vers inédits. — Lettres inédits de V. Joukowsky à A. Pouchkine. (1836).

Littérature russe. D. Méréjkowsky. Lermontoff.—Ellis. Sur le symbolisme contemporain.—Bibliographie (Comptes-rendus sur les livres de M. M. André Biély, G. Tchoukov et sur l'almanach XXV de la société «Znanie»). —Revue des revues.

Littérature étrangère. René Ghil. Bibliographie. (A. Van. Bever et P. Léautaud. Poètes d'aujourd'hui.—E. Bellot. Notes sur le Symbolisme).—A. Elisabeth. Les livres à bon marché en Allemagne.

Beaux Arts. Igor Grabar. Les expositions d'art à Moscou.

Illustrations. Deux primitifs italiens: La Sainte Vierge par Sano di Pietro (phototypie).—St. Nicolas par un peintre inconnu (phototypie).

Couverture et frontispices par N. Théophilaktoff. Frontispice général — miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

C-XXIV-11-1640

Редакция обращает вниманіе читателей, что она не считает возможнымъ стѣснять своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ высказываніи своихъ мнѣній, хотя бы они и не совпадали со взглядами редакціи. Поэтому, по отдѣльнымъ, частнымъ вопросамъ и при оцѣнкѣ различныхъ частныхъ явленій, на страницахъ журнала возможно появленіе сужденій, рѣзко противорѣчивыхъ. Разумѣется, это не касается основныхъ взглядовъ редакціи, опредѣляющихъ все направленіе журнала: въ числѣ своихъ сотрудниковъ редакція можетъ считать только лицъ, этимъ взглядамъ не враждебныхъ.

*

Рукописи, доставленныя въ редакцію, какого бы онѣ размѣра ни были, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какую переписку не вступаетъ, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Лица, не получившія, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, извѣщенія, что доставленныя ими произведенія будутъ помѣщены въ журналѣ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

*

Подлинники двухъ картинъ, воспроизведенія которыхъ (фототипіи) мы даемъ въ этомъ N, находятся въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ. Извлекаемъ изъ описанія Музея слѣдующія объ нихъ свѣдѣнія: I. Ансано, по прозванію Сано ди Піетро (Сиенской школы). Богоматерь. Писано на деревѣ, конца XV или начала XVI в. Даръ Д. А. Хомякова (1901 г.). II. Неизвѣстнаго автора. Св. Николай Чудотворецъ въ облаченіи римскаго епископа, Итальянской школы XVI в. Даръ И. И. Бецкаго. — Обѣ картины воспроизводятся въ первый разъ.

*

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора «Вѣсовъ» покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, подписавшихся на годъ до выхода № 1 и имѣющихъ право получить бесплатно книги изъ списка, приложеннаго въ концѣ настоящаго №, заявить о своемъ выборѣ заблаговременно и никакъ не позже 20 февраля. Въ виду того, что нѣкоторые книги, вошедшія въ списокъ, остались въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, требованія гг. подписчиковъ будутъ удовлетворяться въ порядкѣ ихъ поступленія.

СТИХИ, РАВСКАЗЫ,
ПОВЕСТИ, ДРАМЫ

СТИХИ К. БАЛЬМОНТА.

1. ВОЗВЪЩЕННАЯ.

У высокаго окна
Златоокая жена,
Золотая, золотая,
Въ осіянности очей,
Золотая, золотая,
Въ шелковистости лучей,
Устремленныхъ Небесами,
И сплетенныхъ Небесами
Съ золотыми волосами,
Чтобъ дышалось горячѣй.

У высокаго окна
Будеть вѣкъ стоять она,
Молодая, молодая,
Чтобъ внизу была весна,
Золотая, золотая,
Какъ воздушный очеркъ сна,
Сонъ, который, разъ приснится,
Въ свѣтломъ взорѣ будетъ длиться,
И во вѣки не затмится,
Какъ вѣка горитъ Луна.

2. ДУША СЪ ДУШОЙ.

Душа съ душой—какъ ножъ съ ножомъ,
 И два колодца—взглядъ со взглядомъ.
 Коль скажемъ: „Любимъ“,—мы солжемъ,
 Коль скажемъ: „Нѣтъ“,—жизнь станетъ адомъ.
 И мы другъ друга—стережемъ,
 И мы всегда другъ съ другомъ—рядомъ.

3. ВСЕ БЛИЖЕ.

Все ближе, все ближе къ завѣтному краю, еще, и еще, и совсѣмъ.
 Иду ли я къ безднѣ, иль къ свѣтлому раю,—не знаю,—и слѣпъ
 я, и нѣмъ.
 И если бѣ я видѣлъ,—пойду необманно,—чтобъ только до края
 дойти.
 И если бы могъ вопрошать,—не спросилъ бы—другихъ—о послѣд-
 немъ пути.
 Я буду ли вѣчно глядѣть на повторность—всего—въ кругозданныхъ
 зрачкахъ?
 Я буду ли вѣчно вникать въ неземное — въ земныхъ и людскихъ
 голосахъ?
 Иду, и ужъ ноги скользятъ,—и секунды звенятъ о черту острія.
 Какъ радостно быть — безъ конца одинокимъ, — и вѣдать, что
 Вѣчность—моя.

К. Бальмонтъ.

СТИХИ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

1. ЧАСЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Воспоминанье, съ нѣжной грустью,
Меня въ глаза цѣлуешь. День
Струей чуть слышной льется къ устью,
И на душу ложится тѣнь.

Вновь, какъ морякъ носимый моремъ,
Всю жизнь я вижу предъ собой,
Съ ея надеждами и горемъ,
Съ ея безумствомъ и мечтой.

И, заслоня всѣ другія,
Чуть зримы въ чуткой тишинѣ,
Двухъ женщинъ облики нѣмые
Во мглѣ склоняются ко мнѣ.

То съ дерзкой дрожью сладострастья,
Съ безстыднымъ отблескомъ въ зрачкахъ,
Манять меня видѣнемъ счастья,
Забытаго въ холодныхъ дняхъ;

То смотреть нѣжно и любовно,
И, не ревнуя, не кляня,
О всемъ погибшемъ плачутъ, словно
И обо мнѣ и за меня!

И снова я изъ бездны черной
Стремлюсь къ далекимъ берегамъ,—
Но кто-то шепчетъ мнѣ упорно,
Что жребій мой я выбралъ самъ.

.....
День потонулъ во мглѣ безбрежной,
Кругомъ прибой грозящихъ струй...
Воспоминанье, съ грустью нѣжной,
Вновь близить страшный поцѣлуй.

2. ОЖИДАНИЕ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый другъ торопится
На томъ лихомъ конѣ
Изъ странъ чужихъ ко мнѣ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЬ.

Пусть желтый воскъ не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждате добра ему
Въ своемъ родномъ дому.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя,
Услышь ихъ ароматъ,
Лети ко мнѣ назадъ.

ВТОРОЙ ГОЛОСЬ.

На груди распаленныя
Лью масла благовонныя.
Ахъ! сквозь ночную тишь.
Ихъ запахъ не прослышь!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда жъ, какъ юный богъ,
Ты станешь на порогъ?

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Упавъ въ постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но въ тайнѣ темноты
Войдешь не ты! не ты!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пусть воскъ прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки въ ночь,
Мнѣ больше ждать не въ мочь!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Пусть милый не торопится,
Пусть въ омутѣ утопится,
Не видѣть бы ему
Грѣха въ своемъ дому!

3. БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Сіянье глазъ твоихъ благословляю!
Въ моемъ бреду свѣтило мнѣ оно.

Улыбку устъ твоихъ благословляю!
Она меня пьянила, какъ вино.

Твоихъ лобзаній ядъ благословляю!
Онъ отравилъ всѣ думы и мечты.

Твоихъ объятій серпъ благословляю!
Все прошлое во мнѣ имъ сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упалъ въ его костеръ.

Весь мракъ души твоей благословляю!
Онъ надо мной свое крыло простеръ.

За все, за все тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужасъ долгихъ дней,

За то, что влекся за тобою къ Раю,
За то, что стыну у его дверей!

4. ОПЯТЬ ВЪ ВЕНЕЦИ.

Опять встрѣчаю съ дрожью прежней,
 Венеція, твой пышный прахъ!
 Онъ величавѣй, безмятежнѣй
 Всего, что создано въ вѣкахъ!

Что нашихъ робкихъ дерзновеній
 Полетъ, лишенный крыльевъ! Здѣсь
 Посмѣлъ желать народный геній
 И замысль свой исчерпать весь.

Гдѣ грезять древнія палаты,
 Являя мраморные сны,
 Не горько вспомнить мнѣ не сжатый
 Посѣвъ моей былой весны,

И надъ руиной Кампаниле,
 Вѣнчавшей прежде обликъ твой,
 О всемъ прекрасномъ, что въ могилѣ,
 Мечтать съ поникшей головой.

Пусть гибнетъ все, въ чемъ время вольно,
 И въ краткой жизни и въ вѣкахъ!
 Я вновь цѣлую богомольно
 Венециі безсмертный прахъ!

Venezia, 1908.

Валерій Брюсовъ.

СТИХИ ГР. АЛЕКСѢЯ Н. ТОЛСТОГО.

1. САМАКАНЪ.

Въ кругъ дѣвичій посадите,
Гостя чаркой обнесите;
Ой, гусярь! Ой, гусярь!

Спой про сокола-финиста,
Про чеканное монисто;
Ой, гусярь! Ой, гусярь!

Ладомъ въ ладошки ударимъ,
Краснымъ золотомъ одаримъ;
Ой, гусярь! Ой, гусярь!

Струны мои, струны неурывчаты!
Пѣсни, мои пѣсни переливчаты!
Думы мои за море летять;
За моремъ три старицы стоятъ,
Старицы клубушныя, да мудрыя,
Спрятали царевну на Словуть-горѣ.

По морю, по камушкамъ пойду я,
Пѣснями царевну расколдую,
Струны мои серебромъ разсыпятся,
Встанетъ царь-дѣвица въ алой зыбицѣ,
Жемчугомъ расшитый сарафанъ...
Здравствуй ты, царевна-Самаканъ.

Не понять вамъ пѣсни, дѣвицы,
Золотой не разгадать,
И въ царевнинъ теремъ лѣстницы
Ни по что не отыскать.

Поклонился гуслирѣ до полу,
И пошелъ въ студеную ночь,
Отъ гостей отъ чарки прочь,
И запѣлъ, заплакалъ по полю.

Звѣзды, мои звѣзды, голубья,
Очи царь-дѣвицы золотья...
Синее ты, небо, запрокинулось,
Пѣсню мою смертную я кину въ высь
Пѣсню о царевнѣ-Самоканъ:
Сыпь же, вѣй же серебромъ, буранъ.

2. СЕМИКЪ.

Охъ, кукуется кукушкѣ во лѣсу!
Заплетите мнѣ тяжелую косу,
Свейте, дѣвушки, вѣночекъ не великъ,
Ожила береза-дерево на Семикъ.
Охъ, Семикъ, Семикъ, ты выгнать изъ бучиль
Водяницъ съ водою чистой разлучиль
И укрыль ихъ во березовый вѣнецъ.
Мы навѣсимъ много серегъ и колець,
Водяницы, молодежи,
Бѣлы утицы,
Погодайте по вѣнку,
Что бросаемъ на рѣку.
По водѣ вѣнокъ плыветь,
Парень сокола зоветь,
Принести велить вѣнокъ
Въ златоверхій теремокъ.
Ой, родненьки!
Ой, красныя!
Ой, страшно мнѣ,
Молоденькой!

3. КОСАРИ.

На косѣ роса горить,
Подъ косою трава свистить;
Коростель кричить въ болотѣ;
Въ пышномъ полѣ отъ зари
Распотѣшились въ работѣ,
Распотѣли косари.
Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенитъ трава подѣ жаломъ...
По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ.

Пѣсни долгія звенятъ,
Красны дѣвки ходятъ въ рядѣ;
Разстегнулись паневы,
Тѣло бѣлое горить...
Звонче пойте, чернобровы,
Только старый ночью спитъ.
Солнце пышитъ желтымъ жаромъ
И звенитъ трава подѣ жаломъ...
По кошнинѣ лапоткомъ
За переднимъ ходокомъ.

ПОДВИГИ ВЕЛИКАГО АЛЕКСАНДРА.

ПОВѢСТЬ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

Валерію Брюсову
преданно посвя-
щаетъ авторъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(Акростихъ).

Валы стремятъ свой яростный прибой,
А скалы все стоятъ неколебимо.
Летитъ орель, прицѣловъ жалкихъ мимо,—
Едва ли кто ему прикажетъ: „стой!“

Разящій мечъ готовъ на грозный бой
И зовъ трубы звучитъ неутомимо.
Ютятся въ тѣни, шипитъ непримиристо
Безсильный хоръ враговъ, презрѣнь тобой.

Ретивый конь взрываетъ прахъ копытомъ.
Юродствуй, рабъ, позоря Букефала!
Слѣди, казнясь, за подвигомъ открытымъ!

О леть царя, какъ яро прозвучала
Въ годахъ, вѣкахъ труба немолчной славы!
У ногъ враги, безгласны и безглавы.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Вступленіе. § 1. Нѣкоторыхъ къ прославленію подвижетъ добродѣтель излюбленныхъ ими героевъ, другихъ—славные воинскіе подвиги, третьихъ—мудрость, четвертыхъ, наконецъ,—чудесныя событія и знаменія, но, перебравъ всѣ имена прошлыхъ и болѣе близкихъ къ намъ вѣковъ, никого не найти, гдѣ бы всѣ эти достоинства такъ удивительно сочетались, кромѣ Великаго Александра. Я сознаю всю трудность писать объ этомъ послѣ ряда именъ, начиная отъ приснопамятнаго Каллисѳена, Юлія Валерія, Викентія изъ Бовэ, Гуалтерія де Кастильоне, вплоть до нѣмца Лампрехта, Александра Парижскаго, Петра де С. Клу, Рудольфа Эмскаго, превосходнаго Ульриха фонъ Ешинбаха и непревзойденнаго Фирдуси; но желаніе мое не столько возобновить въ памяти людей немеркнувшую славу Македонца, сколько облегчить преисполненную восторгомъ душу, заставляетъ меня дѣйствовать какъ богомольцы, которые, шепча слова молитвъ, не вспоминаютъ, какими великими святыми сложены эти пѣснопѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О царѣ Нектанебѣ въ Египтѣ. § 2. Въ древнемъ Египтѣ былъ царь Нектанебъ, кромѣ царской крови отличавшійся мудростью и большими знаніями въ магіи и звѣздочетствѣ. Его войска всегда одерживали побѣду, но никто не зналъ, что во время битвы царь волшбой предопредѣлялъ исходъ сраженій;

затворившись въ тайный покой, онъ облакался въ жреческія одежды, бралъ жезлъ и дѣлалъ изъ воска изображенія людей, если битва была на сушѣ, или лодокъ съ воинами, пустивъ которыя въ мѣдный тазъ съ водою, онъ ловко топилъ подъ заклинанья, сухопутныхъ же пронзалъ тонкою иглою. И производимое надъ бездушнымъ и мягкимъ воскомъ чудеснымъ образомъ отражалось на далекомъ полѣ брани. Но однажды, когда гонцы донесли царю о приближеніи новыхъ враговъ, духи воды и воздуха, вызванные искусствомъ вѣнчаннаго мага, объявили, что пробилъ часъ его пораженія и безсильна ихъ власть. Нектанебъ снялъ привязанную бороду и, надѣвъ простую одежду, отплылъ тайкомъ изъ Египта, такъ что, когда, непривыкшіе къ пораженіямъ, полководцы вернулись въ столицу, они нашли дворецъ пустымъ, и лишь опрокинутый тазъ, кусочки воска и борода, плавающая въ лужѣ воды, напоминали о недавнемъ присутствіи здѣсь царя. Смятенному народу богъ Сераписъ черезъ свой оракулъ отвѣтилъ:

Царь Нектанебъ васъ покинулъ на долгіе годы.

Снова вернется къ вамъ, юностью новой одѣтъ.

Эту надпись начертали на статуѣ пропавшаго царя, которую помѣстили въ пустой гробницѣ, и, подождавъ немного, выбрали новаго временнаго владыку.

Объясненіе Олимпіады съ магомъ. § 3. Межъ тѣмъ, царственный бѣглець, прибывъ въ Македонскую Пелу, долго жилъ, снискивая себѣ пропитаніе гаданіями и ворожбою и вскорѣ прославился, какъ искусный прорицатель и чудесникъ. Въ той странѣ царствовалъ тогда король Филиппъ, женатый на Олимпіадѣ, которая была неплодна. Однажды, гуляя въ отсутствіи мужа по дворцовому саду, королева повѣряла свое опасеніе старой вѣрной служанкѣ, какъ бы Филиппъ не развелся съ нею, не имѣя столько лѣтъ дѣтей, на что прислужница ей сказала о волшебной силѣ пріѣзжаго египтянина.

Послать за нимъ было дѣломъ немногаго времени. Придя въ садъ, онъ низко поклонился Олимпіадѣ и, вынувъ изъ-за пазухи золоченую дощечку съ изображеніемъ планетъ цвѣтными

камнями, причѣмъ Гермесу соотвѣтствовалъ изумрудъ, а госпожѣ Венерѣ—синій сапфиръ, долго молчалъ. Молчала и королева, опустивъ глаза въ ожиданіи. Наконецъ, египтянинъ сказалъ:

Филиппу не разрѣшить твоего неплодья. Только богъ Амонъ можетъ тебѣ помочь. Готова ли ты на все?

— Говори,—произнесла королева, не поднимая глазъ.

— Я помолюсь, а ты съ покрытой головою ожидай Ливійскаго бога; когда раздастся змѣиный шипъ, вышли всѣхъ вонъ и прими гостя; онъ будетъ съ золотыми кудрями и бородою, золотою грудью и съ рогомъ на лбу. Во время свиданья безмолвствуй. Тогда ты зачнешь и въ урочное время родишь себѣ мстителя и владыку вселенной.

Олимпіада, помолчавъ, остро глянула на кудесника и сказала: «Бойся, если ты лжешь». Поднявъ руки къ уже засвѣтившимся звѣздамъ, Нектанебъ воскликнулъ:—Клянусь!—«Я дамъ тебѣ отвѣтъ завтра». Магъ остановилъ ее, сказавъ:—Необходимо, чтобы я неустанно молился близъ тебя это время; нѣтъ ли тайнаго помѣщенія рядомъ со спальней?—«Тамъ есть гардеробный чуланъ, ты можешь находиться тамъ. Прощай. Никому не говори».

По уходѣ королевы, Нектанебъ сорвалъ гвоздику, прокололъ на ея лепесткахъ имя Олимпіады и, поднявъ къ звѣздамъ, долго взывалъ къ бѣсамъ, чтобы они склонили мысли и сердце жены Филиппа къ зачѣянному имъ, Нектанебомъ, обману.

Зачатіе Александра. § 4. Все совершилось по желанію египтянина, явившагося въ рогатой маскѣ къ безразсудной королевѣ, и такъ много разъ, пока она не почувствовала себя непраздной и стала ожидать короля съ радостью и съ тревогою.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Филиппъ возвращается домой. § 5. Межъ тѣмъ, король Филиппъ въ дальнемъ походѣ имѣлъ странное сновидѣніе, смутившее его покой. Вавилонскій толкователь, находившійся въ свитѣ, объяснилъ его такъ, что Олимпіада зачала отъ египет-

скаго бога. Не очень обрадованный такою новостью, король поспѣшилъ домой, гдѣ встрѣтившія его служанки сказали, что госпожа лежитъ въ болѣзни. Войдя въ полутемную опочивальню, Филиппъ подошелъ къ супругѣ и сказалъ: «Я все знаю, не огорчайся, волѣ боговъ мы должны покоряться». Олимпіада тихо заплакала, поцѣловавъ руку мужа и не зная въ точности, все ли ему извѣстно. «Позовите сюда астролога»—вымолвила она, наконецъ, и когда вошедшій Нектанебъ далъ объясненія, совершенно совпавшія съ толкованіями вавилонскаго мага, удивленный, хотя и сумрачный Филиппъ, обнялъ все плачущую супругу, и такъ они просидѣли молча до вечера, когда въ окно глянули нѣжные рога молодого мѣсяца.

Чудесныя знаменія. § 6. Такъ королевская чета въ мирѣ, но безъ радости ждала приближавшихся родинь. Королева была бодра, гуляла по саду съ дамами и изрѣдка присутствовала на пирахъ, покуда Филиппъ не напивался допьяна по обычаю македонцевъ. Однажды Олимпіада, пробывъ на пиру дольше, чѣмъ ей приличествовало, была наказана за свое безразсудство, такъ какъ упившійся король сталъ упрекать, что она беременна не отъ него. Оскорбленная королева поднялась, чтобы удалиться, какъ вдругъ изъ-подъ пиршественнаго стола появился огромный змѣй, подымавшій голову со страшнымъ шипѣніемъ. Гости повскакали съ мѣста, дамы, забывъ стыдливость, влѣзли на столъ, подбирая платья, самъ король готовъ былъ закрыть голову мантией, какъ змѣй, обернувшись орломъ, взлетѣлъ на грудь королевы и, трижды клянувъ ее въ помертвѣлыя уста, поднялся къ небу черезъ открытый потолокъ залы. Филиппъ, на колѣняхъ, вопрошалъ: «кто ты: Аммонъ, Аполлонъ, Асклепій?», межъ тѣмъ, какъ Олимпіада, окруженная нестройною толпою дамъ, направилась къ своимъ покоямъ. Никто не замѣтилъ, что это были не болѣе, какъ продѣлки египетскаго выходца.

Знаменіе второе. § 7. Но другія чудесныя знаменія, не менѣе удивительныя, но уже безъ фокусовъ хитраго мага, увѣряли Филиппа въ замѣчательности близкаго къ появленію младенца. Какъ-то разъ отъ скуки кормилъ король сво-

ихъ любимыхъ ручныхъ птицъ; королева вышивала на балконѣ, изрѣдка подымая голову, когда птицы взлетали вровень съ балкономъ и собачка у ея ногъ, настороживъ уши, ворчала и тявкала, пугая шумящія стаи. Королева вскрикнула, когда одна изъ бѣлыхъ птицъ вспорхнула къ ней на шитье и мигомъ снесла яйцо, которое покатилося сверху подъ звонкій лай собачки. Изъ разбитаго яйца выползъ змѣенышъ, медленно обползъ свое недавнее жилище, будто желая снова войти въ него, но только сунулъ голову въ скорлупу, какъ вздрогнулъ, издохши. Королева, перевѣсившись черезъ перила, не обращала вниманія на начавшійся дождикъ, слушая объясненія Антифонта, что сынъ Филиппа обойдетъ весь мѣръ и, вернувшись домой, умретъ молодымъ. Печально собрала королева свое золотое шитье, уходя ожидать чудеснаго сына.

Рожденіе Александра.

§ 8. Давно прошли сроки разрѣшенія, а королева все носила свой большой животъ и горько выговаривала Нектанебу, который нарочно задерживалъ роковой часъ, пока не сойдутся благоприятные небесные знаки. Съ утра садилась она на высокій родильный стулъ и даже спала на немъ, плача и жалуясь. Наконецъ, Нектанебъ съ башни крикнулъ: «пора!»—и Олимпіада взревѣла, какъ телка, не помня себя отъ боли, не слыша грома, не видя молніи, сверкнувшей изъ чистаго неба.

Бабка вынула изъ-подъ стула мальчика, не походившаго ни на отца, ни на мать: онъ былъ съ длинными волосами вродѣ львиной гривы, красенъ, одинъ глазъ внизъ, другой глазъ вбокъ, съ большой головой и прямымъ носомъ.

Таково было рожденіе Александра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе Александра.

§ 9. Филиппъ не очень любилъ не похожаго на него мальчика, рыжаго, необузданнаго и своенравнаго, но онъ успокоился на мысли о младенцѣ еще отъ первой жены, давно умершемъ, и получивъ предсказаніе отъ

Дельфійской Сивиллы, что послѣ него царствовать будетъ великій герой, сумѣвшій объѣздить коня съ воловѣй головой. Въ учителя отроку даны были: книгамъ—Полиникъ, музыкѣ—Левкиппъ, геометріи—Мелепъ, краснорѣчію—Аксименитъ, воинскому искусству—военачальники, пѣстуномъ—Леонидъ, кормилицей—сестра Мелантова, философіи—Аристотель. Съ послѣднимъ принцъ проводилъ большую часть своего времени, гуляя въ числѣ другихъ учениковъ, набранныхъ изъ дѣтей царедворцевъ, по аллеямъ дворцоваго сада.

Аристотель не разъ пророчилъ своему питомцу великую будущность и всемірную славу. Однажды старый философъ обратился къ дѣтямъ съ вопросомъ, что бы они дали ему, если бы стали царями; одинъ обѣщалъ то, другой—иное, а Александръ молчалъ, подбрасывая красный кожаный мячикъ. «А ты, принцъ, что бы сдѣлалъ мнѣ?» Тряхнувъ рыжей гривой, тотъ отвѣчалъ: «Что думать о будущемъ? придетъ часъ и ты увидишь самъ, что я найду надлежащимъ сдѣлать». Аристотель поцѣловалъ его въ лобъ и продолжалъ медленную прогулку.

Смерть Нектанеба. § 10. Олимпіада безпокоилась за божественнаго сына и часто заставляла Нектанеба читать въ звѣздахъ все ту же судьбу. Однажды принцъ, заставши египтянина за подобнымъ докладомъ, попросился самъ посмотреть на звѣзды. Нектанебъ согласился и въ слѣдующую полночь они вышли на городской валъ вдвоемъ. Египтянинъ объяснилъ сыну значеніе свѣтилъ, какъ вдругъ сильный толчокъ заставилъ его свергнуться съ высокаго вала въ глубокій ровъ, а надъ нимъ раздался громкій голосъ принца: «Какъ ты можешь читать далекую судьбу другихъ людей, не зная, что съ тобою случится сейчасъ?» На стоны упавшаго Александръ быстро спустился и, наклонясь надъ отцомъ, спросилъ: «Ты ушибся? Прости мою шутку!»—Ты не виноватъ, твоя судьба была стать отцеубійцей.—«Подлый рабъ, что ты говоришь?»—Я умираю, принцъ, и не солгу тебѣ. Слушай.—И, коснѣющимъ языкомъ, Нектанебъ разсказалъ Александру исторію и обстоятельства его рожденія. Долго смотрѣлъ принцъ при невѣрномъ свѣтѣ звѣздъ въ застывшее лицо мага, не зная, вѣрить ему или не вѣрить; нако-

нецъ, вздохнувъ, взвалилъ тѣло на плечи и понесъ въ покои королевы. Та еще не спала и, въ ужасѣ выслушавъ разсказъ сына, безъ стона опустилась въ глубокое кресло. Утромъ объявлено было о несчастномъ случаѣ съ прїѣзжимъ астрологомъ. Черезъ положенное число дней погребли египтянина, по греческому обычаю.

§ 11. Будучи пятнадцати лѣтъ, весною, проходя мимо отповскихъ конюшенъ, Александръ услышалъ ржанье, не похожее на ржанье другихъ коней.

«Кто это ржетъ такъ ужасно?»—спросилъ королевичъ у конюховъ. И, будто въ отвѣтъ, раздалось снова ржанье, такое же звонкое, но нѣжное и прїятное, какъ воркованье горлицъ, отданное далекимъ эхомъ. «Кто это ржетъ такъ прекрасно?»— снова воскликнулъ принцъ, нетерпѣливо сдвигая брови. Конюхи объяснили, что это ржетъ Букефаль, необъѣзженный конь, питающийся человѣческимъ мясомъ осужденныхъ на смерть преступниковъ и сидящій въ желѣзной конюшнѣ.

Александръ потребовавъ, чтобы открыли огромные засовы, вошелъ въ стойло, полное обглоданныхъ костей и схватилъ чудовищнаго коня за гриву, поставилъ его прямо глазами въ слѣпящее солнце, вспрыгнулъ сзади на спину, непривыкшую къ тяжести и стрѣлой полетѣлъ ко двору.

Конюхи съ крикомъ бросились за облакомъ пыли, но конь, весь въ пѣнѣ, стоялъ, косясь глазами, съ раскраснѣвшимся всадникомъ, у самаго дворцоваго крыльца, съ котораго слѣшилъ король въ домашней одеждѣ. Спустившись, Филиппъ сталъ на колѣни, воскликнувъ: «Привѣтъ тебѣ, сынъ мой, обуздавшій коня, владыка міра».

И королева, изъ окна верхняго этажа наблюдавшая эту сцену, конюхи и весь народъ повторили: «Привѣтъ владыкѣ міра». А Александръ, улыбаясь, трепалъ по шеѣ коня, косящаяся на яркое солнце.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Александръ на олимпійскихъ играхъ. § 12. Александръ, сопровождавшій не разъ отца въ недалекие походы, давно желалъ попытать свои силы на славныхъ олимпійскихъ играхъ. Король не особенно охотно, но отпустилъ принца съ другомъ его Гестіономъ, связаннымъ самыми нѣжными чувствами съ королевичемъ, снарядивъ особый нарядный корабль. Прибывъ въ Пису, они узнали, что на состязаніе съѣхалось не мало знатныхъ витязей, какъ Ксанейи Беотійскій, Кимонъ Кориноскій, Клитоманъ, Аристиппъ, Алунфосъ, Пирій, Лаконидъ, но самымъ замѣчательнымъ былъ Николай, сынъ царя Арканскаго. Съ этимъ заносчивымъ юношей у Александра затѣялась ссора почти тотчасъ по высадкѣ на сушу. Встрѣтясь съ пріѣзжими на улицѣ веселой гавани; Николай, надменно красуясь, спросилъ: «Вы пришли посмотрѣть на игры?»

— Мы пришли состязаться.—«Ого, вы думаете, это дѣтскія игры?»—Александръ, вспыхнувъ, отвѣтилъ: «Я съ тобою готовъ сразиться».—«Я—Николай, сынъ царя Арканскаго»—надменно возразилъ юноша.—А я—царевичъ Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго. Но что до нашихъ царствъ? все преходяще. — «Ты вѣрно говоришь, но понимаешь ли ты свои слова, дитя?»—Больше, чѣмъ ты свои надутыя рѣчи». И разошлись въ разныя стороны, каждый плюнувъ налѣво. На слѣдующій день Александръ не только выступилъ въ бѣгѣ колесницъ, но даже одолѣлъ всѣхъ участниковъ, а Николай-царевичъ до смерти убился, свергнувшись съ колесницы, заглѣпившейся за обломки другихъ. Македонскаго принца вѣнчали побѣднымъ вѣнцомъ, межъ тѣмъ, какъ Зевсовъ жрецъ изрекъ:

Зевсъ олимпійскій гласить, многихъ враговъ побѣдитель
Будешь ты, чадо судьбы, гордость кичливыхъ смирилъ.

Бракъ Филиппа съ Клеопатрой. § 13. Радостный и увѣнчанный, принцъ шѣшилъ на родину, гдѣ нерадостныя новости ждали его. Онъ узналъ, что въ его отсутствіе король задумалъ, отпустивъ королеву, жениться въ третій разъ на нѣкоей Клео-

патрѣ, сестрѣ Лисіа. На тотъ вечеръ былъ какъ разъ назначенъ свадебный пиръ. Александръ, не снимая вѣнка, вошелъ въ переполненный гостями чадный залъ. Межъ двухъ свѣтильниковъ на тронахъ сидѣли Филиппъ и Клеопатра въ вѣнцахъ и торжественныхъ одѣяніяхъ. Принцъ остановился въ дверяхъ со словами: «Отецъ, вотъ вѣнокъ первыхъ трудовъ моихъ, прими его. Я счастливъ, попавъ на твой свадебный пиръ; когда я буду выдавать мать свою, Олимпіаду, ты, тоже, надѣюсь, не откажешься притти на вечерю». И сѣлъ напротивъ смущенной пары. Лисій съ мѣста крикнулъ: «Король сочетается съ благородной Клеопатрой, чтобы имѣть законныхъ наслѣдниковъ»... Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ откинулся, хрипя, такъ какъ тяжелый подсвѣчникъ, пущенный ловкою рукою Александра, разбилъ ему високъ.

Король съ бранью вскочилъ, путаясь въ мантии, поднялась Клеопатра, стали на ноги гости и слуги столпились на серединѣ зала. Филиппъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, покачнулся и съ грохотомъ рухнулъ со ступенекъ трона.

Александръ засмѣялся, покрывая шумъ и крики: «Азію покорялъ, Европу въ страхѣ держалъ, а двухъ шаговъ ступить не можетъ!»

Друзья Филиппа и Лисія бросились къ Александру, но тотъ, выхвативъ мечъ у безсильно лежавшаго короля, сталъ махать имъ направо и налево, ловко нанося удары и крича: «Удаляйся по-добру по-здорову, незваная матушка, совѣтую тебѣ стъ души». Гости въ страхѣ разбѣжались, роняя свѣтильники, прячась подъ столы, скамейки и по темнымъ угламъ. Испуганная Клеопатра, озираясь на короля и брата, поспѣшила удалиться съ дамами, а Александръ все махалъ мечомъ, покуда не увидѣлъ, что покой пустъ, въ окнахъ сѣрѣетъ заря и только король стонетъ, разбившись при паденьи. Тогда принцъ отложивъ мечъ, наклонился къ отцу и промовилъ: «Зачѣмъ ты, король, задумалъ свершить это злое дѣло?»

Но Филиппъ только охалъ и Александръ, не спрашивая больше, распорядился подать носилки, чтобы перенести больного въ спальню.

Олимпіада въ темномъ траурномъ платьѣ со слезами обняла сына, печалась и радуясь его защитѣ. Цѣлые десять дней ходилъ принцъ отъ короля къ королевѣ и обратно, стараясь растопить ихъ ожесточившіяся скорбью сердца, — и, наконецъ, поцѣловалъ Филиппъ Олимпіаду, съ улыбкою та обвила его шею и Александръ отвернулся къ окну, откуда видѣлись дальнія горы, чтобы не мѣшать словамъ сладкаго примиренья.

Въ народѣ же росла слава мудрости и мужества королевскаго сына.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Встрѣча съ персидскими посланцами.

§ 14. Александръ теперь и одинъ былъ посылаемъ укрощать то тамъ, то здѣсь возмущавшіяся города, что дѣлалъ онъ успѣшно или мирнымъ путемъ, благодаря своей мудрости, или оружіемъ, благодаря своей храбрости. Возвращаясь домой, послѣ одного изъ такихъ усмиреній, онъ увидѣлъ на широкомъ зеленомъ лугу палатки какихъ-то людей, ходившихъ поодаль въ длинныхъ одеждахъ и широкихъ головныхъ уборахъ. Ему доложили, что это посланные персидскимъ царемъ Даріемъ собирать дань съ грековъ. Не отвѣчая, Александръ подскочилъ къ высокому персу съ крашеною бородою и крикнулъ: «Вы собираете дань царю Дарію?» — Да, господинъ, — отвѣчалъ спрошенный. «Такъ вотъ я — Александръ, сынъ Филиппа, короля Македонскаго, — говорю царю Дарію: невмѣстно эллинамъ варварамъ дань платить; пока отецъ одинъ былъ, воленъ былъ дѣлать, что хочетъ, но со мною дѣло иначе надо вести. Не только дани вамъ я не дамъ, но и что переplачено назадъ верну». И Александръ, поднявъ руку къ солнцу, клялся богами, межъ тѣмъ, какъ персидскій художникъ спѣшно на серебряной доскѣ нѣжными красками дѣлалъ изображеніе златокудраго принца, чтобы отвезти царю въ далекій Вавилонъ.

§ 15. Между тѣмъ, въ столицѣ Филиппа было *Смерть Филиппа.* беспокойно и тревожно. Павзаній, Фессалоникійскій правитель, составилъ заговоръ противъ короля, желая насильно овладѣть Олимпіадою, которой, не смотря на ея лѣта,

онъ уже давно досаждалъ своею любовью. И въ одинъ дождливый день, когда король отправился въ театръ безъ королевы, Павзаній и его приспѣшники, наполнившіе почти на половину мѣста, ближайшія къ царскому, рѣшили нанести свой ударъ. По данному знаку, юноша, державшій опахало за Филиппомъ, вдругъ, обнаживъ свой мечъ, поразилъ короля въ плечо, межъ тѣмъ, какъ одна часть заговорщиковъ съ Павзаніемъ бросилась къ помѣщенію Олимпіады; другіе же разсыпались по городу, ища своихъ сторонниковъ и подстрекая равнодушныхъ гражданъ кричать: «да здравствуетъ король Павзаній, смерть египетскому ублюдку!» Отбиваясь отъ наступавшихъ злодѣевъ, друзья съ трудомъ пронесли раненаго короля во дворецъ. На улицахъ, несмотря на дождь и сумерки, завязались схватки, какъ вдругъ пронзительные звуки трубы возвѣстили прибытіе Александровыхъ войскъ, къ радости вѣрныхъ и трепету измѣнившихъ гражданъ. Быстро промчался онъ ко дворцу, оставя войско справляться на улицахъ. Быстро вошедъ въ спальню матери, онъ увидѣлъ королеву въ объятіяхъ Павзанія, безумно ее цѣловавшаго. Крики Александра, не смѣвшаго прознить копьемъ насильника, изъ опасности поранить мать, не достигали ушей изступленнаго правителя. Все крѣпче сжимая одною рукою королеву, другою пытаясь сорвать тяжелыя темныя одежды, онъ повалилъ Олимпіаду на полъ, уронивъ высокое кресло и не выпуская своей добычи.

«Рази, сынокъ, рази, не бойся! и меня! не щади мою грудь, вскормившую тебя!», вопила королева изъ-подъ неистоваго любовника. Ринувшись, Александръ за шиворотъ оттащилъ полуобнаженнаго, ничего въ страсти не сознающаго, Павзанія, и, вонзивъ копье въ голый животъ, повернулъ разъ, и два, и три, такъ что тотъ взвылъ, какъ быкъ, шаря руками теплыя груди возлюбленной. Олимпіада, завернувшись въ пологъ, трепанная, кричала: «Не добивай! къ отцу веди его—тамъ убьешь!»—Такъ, королева,—воскликнулъ сынъ и поволокъ полуживого Павзанія съ высокой лѣстницы за ноги. Въ комнатѣ короля было темно и пахло зельями; на стукъ вошедшаго принца Филиппъ открылъ глаза, но снова тотчасъ завелъ ихъ. Александръ, подошедъ къ постели,

поцѣловаль руку короля, тихо сказавъ: «Это я, батюшка, вотъ врагъ твой, отмсти!» Глаза Филиппа заблестѣли и, взявъ поданный сыномъ ножъ, слабой рукою вонзилъ онъ его въ полу-мертваго вассала. Потомъ, закрывъ глаза, улыбнулся и, сказавъ сыну: «Боги тебя хранятъ. Я умираю отмщенный»,—вздохнулъ въ послѣдній разъ. Поднеся зеркало ко рту короля, принцъ ждалъ нѣсколько минутъ, потомъ, перешагнувъ черезъ трупъ Павзанія, распахнулъ окно на темную площадь, гдѣ подъ дождемъ чернѣли ждущія толпы, и громко крикнулъ: «Король Филиппъ умеръ отмщенный!»—и громкій кликъ донесся изъ темноты: «Да здравствуетъ король Александръ!»—межъ тѣмъ, какъ зарево отъ зажженныхъ бунтовщиками предмѣстій румянило густыя тучи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе на престолъ.

§ 16. Александру минуло 18 лѣтъ, когда онъ вступилъ на отцовскій престолъ. Проведя надлежащее время въ траурѣ и другое въ пышныхъ торжествахъ коронованія, новый король созвалъ всѣ войска и, полной огня, рѣчью убѣждалъ ихъ сбросить персидскую власть. Онъ собралъ юношей со всѣхъ городовъ, раздавая имъ оружіе изъ открытыхъ арсеналовъ, не забывая и ветерановъ, какъ опытныхъ со-вѣтниковъ въ бояхъ.

Греческіе походы. § 17. Подсчитавъ свое войско, Александръ раньше, чѣмъ двинуться на варваровъ, отправился, оставивъ на это время правителемъ за себя Антипатра, на греческіе города, отложившіеся тогда отъ него, чтобы не оставлять врага въ тылу. Особеннымъ упорствомъ въ непризнаваніи новаго властителя оказались Эивы, которыя Александръ и разрушилъ до основанія, пощадивъ только домъ славнаго Пинлара, слагателя одъ. И царь велѣлъ своимъ флейтщикамъ и тимпанникамъ громко играть побѣдныя пѣсни, когда разоряли стѣны, созидавшіяся при музыкѣ Амфіона. Закрѣпивъ свою власть въ Греціи, вождь черезъ Македонію направился къ Геллеспонту, чтобы перейти въ Азію. Попутные города встрѣчали его съ открытыми воротами; увѣнчивая побѣдителяго царя вѣнками. Персидскіе развѣдчики у моря, видя Александрову переправу, бросились доносить царю Дарію, что «бѣсноватый» перешелъ Геллеспонтъ; Дарій, занятый въ это время игрою въ шахматы, спуталъ рукою всѣ фигуры, велѣлъ высѣчь сторожей и сталъ собирать войска. Рати встрѣтились у рѣки Граники свѣжимъ утромъ, когда солнце еще не всходило. Греческіе всадники не рѣшались вступить въ неширокую, но быструю рѣчку, обмѣниваясь только стрѣлами и ругательствами, далеко разносившимися; тогда Александръ самъ ринулся на своемъ Букефалѣ въ стремительный потокъ, увлекая за собою и войска.

Одержавъ побѣду надъ персами, Александръ прошелъ Іонію, Карію, Лидію, Фригію, Памфалонію, забралъ царскія сокровища въ Сардахъ и черезъ Анаптусъ направился въ Сицилію, откуда достигъ Италіи. Воеводы этой страны выслали на встрѣчу герою Марка съ жемчужнымъ вѣнцомъ и дарами. Взявъ у нихъ воиновъ на подмогу, снова сѣлъ король на свои лады и дальше поплылъ по открытому морю.

Утвержденіе въ божестве нномъ его происхожденіи, но никому не повѣрялъ онъ происхожденіи. § 18. Александру не давала покою мысль о заботы, ни даже другу своему Гефестіону. Однажды, не спавъ всю ночь, легкой дремой забылся король подъ утро,—и видитъ, будто воочью, богъ Аммонъ обнимаетъ королеву Олімпіаду, сладко въ уста ее цѣлуя, и говоритъ къ нему,

Александръ: «Не бойся, чадо, я—твой отецъ». Когда, проснувшись, король вышелъ на палубу, будто солнце, сіяло его повеселѣвшее лицо. Другъ спросилъ: «Что съ тобою, король, сегодня?» Важно обнявъ его Александръ и, лобзая, промолвилъ: «Цѣлуетъ тебя сынъ Аммоновъ!» а вдали изъ зеленого моря все ближе и ближе желтѣли плоскіе пески и чайки кружились надъ кораблемъ короля. Такъ они прибыли въ Египетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основаніе Александ- , § 19. Александръ новымъ видѣніемъ былъ
дрія. извѣщенъ, что на этой землѣ долженъ быть
основанъ новый городъ, тамъ, гдѣ остановится пораженной пер-
вая дичь или звѣрь. Удалившись отъ моря съ немногими спут-
никами, король долго искалъ взоромъ птицъ или животныхъ,
но все было пусто въ тростникахъ и мелкихъ кустахъ, только
лужи отъ недавняго половодья блестяли на жаркомъ солнцѣ.
Стрѣлокъ ѣхалъ рядомъ, имѣя стрѣлу наготовѣ. Вдругъ сдер-
жаннѣйшій крикъ возвѣстилъ желанную встрѣчу и, раздвигая ка-
мышъ, показалась бѣлая какъ снѣгъ лошадь съ бѣлымъ же ро-
гомъ на лбу. Она такъ быстро скрылась, что могла считаться
видѣніемъ. Александръ, Гефестіонъ и лучникъ устремились за
чуднымъ звѣремъ, шурша по гибкимъ болотнымъ травамъ, вле-
комые то появлявшимся, то исчезающимъ единорогомъ. Первая
и вторая стрѣлы не достигли цѣли, упавши въ плоскія озера.
Наконецъ, они выѣхали на открытое песчаное мѣсто, посреди
котораго росъ кустъ смородины на болотцѣ. Лошадь стояла
прямо противъ короля и ржала умильно. Александръ выхвативъ
у подоспѣвшаго отрока лукъ, поразилъ въ лобъ чудеснаго звѣря,
который тотчасъ исчезъ. Тамъ македонецъ молился подъ яс-
нымъ небомъ, пока не подоспѣли войска съ военачальниками.
Тотчасъ отмѣрили площадь будущаго города и направились
вверхъ по рѣкѣ, между тѣмъ, какъ Гефестіонъ съ частью вой-
ска остались нанимать туземцевъ обжигать кирпичи и наскоро
дѣлать временныя землянки изъ ивовыхъ прутьевъ и глины
для рабочихъ и ихъ семействъ.

§ 20. Къ вечеру король достигъ островка, Оракуль Сераписа. гдѣ находился заброшенный храмъ посреди нѣсколькихъ лачугъ. Никто изъ жителей не зналъ, кого изображаетъ статуя прекраснаго мужа изъ чернаго камня. Жрецъ самъ въ точности не могъ этого объяснить, но едва только Александръ переступилъ порогъ святилища, какъ голосъ раздался:

Трижды блаженъ Александръ, Сераписа храмъ посѣтившій.
Городъ великій создавъ, гробъ себѣ славный создашь.

Александръ въ
Египтѣ.

§ 21. Египтяне встрѣтили Александра ликованиями и торжественными процессіями. На берегъ рѣки вышли вереницы отроковъ и дѣвушекъ, жрецы въ завитыхъ парикахъ, далеко пахнушіе мускусомъ, іерофоры съ изображеніями боговъ подъ видомъ всякихъ животныхъ и толпы черныхъ загорѣлыхъ туземцевъ. Короля короновали въ древнемъ храмѣ двойнымъ уреусомъ и повели по гробницамъ фараоновъ. Войдя въ одну изъ усыпальницъ и услышавъ, что она возведена въ честь безъ вѣсти пропавшаго царя Нектанеба, король велѣлъ поднять факелы къ лицу изображенія,—и, вдругъ громко воскликнувъ, поднялся по высокимъ ступенямъ, обнявъ статую и, плача, сказалъ: «Это—отецъ мой, люди египетскіе». Всѣ пали ницъ, только опахала возвышались надъ простертой толпой и трубы жрецовъ отвѣчали царскимъ словамъ.

Король, пробывъ дни празднествъ въ столицѣ, забралъ отцовскій кумиръ и мощи пророка Іереміи и снова отправился въ путь на сѣверъ. Орелъ всю дорогу предшествовалъ ихъ кораблю, иногда опускаясь на статую Нектанеба, стоящую на носу и свѣтившуюся яркимъ топазомъ во лбу навстрѣчу вечерней звѣздѣ. Издали они увидѣли дымъ отъ обжигаемыхъ кирпичей и услышали заунывныя египетскія пѣсни надъ мѣстомъ созидаемаго города. Гефестіонъ съ факелами ждалъ на берегу, увидавъ съ вышки королевскій корабль.

Принеся жертву богамъ и особенно Серапису и Аммону, давъ первыя установленія посемцамъ, король снова сѣлъ на ладьи, побуждаемый жаждою славы и неусыпнымъ мужествомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взяте Тира. § 22. Подойдя къ Тиру, Александръ послалъ пословъ, думая мирнымъ путемъ овладѣть городомъ; но граждане въ отвѣтъ на его письмо повѣсили пословъ передъ городскими воротами и еще крѣпче заперлись въ своихъ башняхъ. Войдя въ сношенія съ тремя восточными предмѣстьями, Александръ, въ темную ночь, зная ворота заранѣе отпертыми, врасплохъ напалъ на городъ, овладѣлъ имъ, воспользовавшись сномъ и увѣренностью жителей, и перебилъ всѣхъ мужей, оставивъ для рабства женщинъ и отроковъ.

Александръ въ Иерусалимѣ. § 23. Отъ моря высокими плоскогорьями путь лежалъ къ Иерусалиму. Евреи выслали сами выборныхъ къ Александру съ просьбою взять ихъ въ подданные и съ дарами.

Александръ наблюдалъ звѣзды, когда ему сказали о посольствѣ; царь принялъ евреевъ въ одеждѣ астролога, холодно и сдержанно, спрашивалъ объ ихъ суевѣрiяхъ, объ ихъ желанiяхъ; услышавъ, что они просятъ въ его подданные, король приказалъ четверемъ юношамъ тотчасъ броситься въ пропасть, что они, обнявшись, и сдѣлали. Иудеи разорвали свои полосатая одежды и подняли вопль; царь же молвилъ: «не думайте, что эти молодые люди были преступниками, измѣнниками или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но взявшiе на себя подчиненiе мнѣ такъ должны исполнять малѣйшее мое желанiе». На утро короля встрѣтилъ въ воротахъ первосвященникъ, у котораго весь подолъ былъ обшитъ золотыми колокольчиками и надѣтъ на грудь Ефудъ съ самоцвѣтными магическими камнями: 1) садріономъ вавилонскимъ, краснымъ какъ кровь, цѣлящимъ раны; 2) топазомъ индiйскимъ, что отъ водянки освобождаетъ; 3) изумрудомъ—отрадою глазъ; 4) анфраксомъ, сіяющимъ ночью и черезъ покровы; 5) сапфиромъ, на которомъ начерталъ Моисей заповѣди; 6) ясписомъ изъ Амафунта; 7) анатисомъ, усмиряющимъ змѣиные ужалы; 8) іакинѳомъ, что тушитъ огонь своимъ пламенемъ, 9) аметистомъ изъ ливiйскихъ приморскихъ горъ; 10) хризолитомъ, берилломъ и ониксомъ. Король, спѣшившись, быстро подошелъ

къ старцу и, поцѣловавъ руку, спросилъ: «Отець, какому богу ты служишь?»—Единому, создавшему небо и землю. — «Пусть онъ будетъ и моимъ Богомъ!»—воскликнулъ герой, а старецъ, поднявъ руки съ раскрытыми дланями къ небу, произнесъ: «Богъ побѣдъ съ тобою, чадо!». Греческая свита короля находила его поведение не совсѣмъ согласнымъ съ царскимъ достоинствомъ, еврейская же молва разошлась, что побѣдитель оказывалъ всѣ видимые знаки уваженія къ ихъ суевѣрью, втайнѣ его исповѣдуя. Но, конечно, это—не болѣе, какъ пустая басня.

Послы Дарія и Александровъ отвѣтъ.

§ 24. Въ Сиріи Александра встрѣтили послы Дарія, неся письмо, мячь, плеть и ящичекъ съ золотомъ. Письмо, прочитанное передъ всѣми войсками, было полно надутаго хвастовства и брани: «Я, Дарій, царь царей, богъ боговъ, сіяющій какъ солнце и т. д., Александру, рабу моему: ѣхалъ бы ты къ матери своей, Олимпіадѣ, лежалъ бы у ея груди да въ школу ходилъ, чѣмъ грабить чужія земли, какъ разбойникъ». Молчаніе, наступившее послѣ наглаго посланія, было прервано голосомъ короля же, громко сказавшимъ: «Боишься ли мы лающихъ собакъ?» Загѣмъ велѣлъ распять пословъ; послы, два перса съ рыжими бородами, и переводчикъ, греческій мальчикъ,—бросились ницъ передъ королемъ взывая: «Пощади! что мы сдѣлали? въ чемъ наша вина?» Царь, усмѣхнувшись, молвилъ: «Разбойника ли молить о пощадѣ?»—Мы видимъ царя! — лепетали тѣ. «Да, цари пословъ не казнятъ!», будто что вспомнивъ, громко сказалъ Александръ, и, опустивъ голову, пошелъ на ужинъ, куда велѣлъ привести и пословъ. Мальчикъ-переводчикъ шепталъ, наклоняясь къ уху короля: «Царь, я скажу тебѣ, какъ ты можешь захватить Дарія. Твоя красота покорила меня». Александръ, отстранивъ его, сказалъ: «Не говори мнѣ твоей тайны, сбереги ее для кого-нибудь, болѣе красиваго, чѣмъ я». На пиру же, съ одобренія военачальниковъ, писалось и отвѣтное посланіе: «Александръ, сынъ Филиппа и Олимпіады, царю царей, богу боговъ и т. д. Дарію—радоваться. Подумай, какая честь мнѣ тебя побѣдить? А разбойника умирить заслуга не велика! И подарки твои—очень хороши. Мячь—земной шаръ, плеть—побѣду означаетъ, злато — дань». Всѣ громкими криками привѣст-

вовали отвѣтъ короля, стуча кружкой о кубокъ и копьями объ полъ.

Битва и бѣгство
Дарія.

§ 25. Дарій снова написалъ посланіе къ Александру, еще напыщеннѣе, но герой только потрянулъ гривой, сказавъ: «Дарій подобенъ бубну: издали—страшенъ, вблизи—одна натянутая шкура». Перейдя черезъ Киликійскій Тавръ и дойдя до Гарса, враги встрѣтились снова у рѣки.

Изъ греческаго лагеря была ясно видна высокая колесница персидскаго царя. Дарій помѣстилъ всѣ лучшія силы на крыло, противопоставленное тому крылу, гдѣ предполагалъ находящимся Александра. Сраженіе длилось почти до вечера, причемъ была такая тѣснота, что почти нельзя было въ общей свалкѣ отличить перса отъ грека, солдата—отъ начальника; лошади бились съ распоротыми животами, оглушающій ревъ трубъ и стукъ персидскихъ повозокъ усиливали общее смущеніе и неустройство. Скоро вся земля была покрыта живыми и павшими людьми и животными, сломанными и мчавшимися колесницами, лужами крови, и тучи, закрывавшія солнце, казались еще мрачнѣе отъ множества копій и стрѣлъ, разносящихъ смерть во всѣ концы поля. Король не сводилъ глазъ съ колесницы Дарія, пока она вдругъ неуклюже не повернула и, сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, не стала направляться въ сторону отъ поля сраженія. Александръ съ нѣсколькими друзьями бросился туда же, отражая обратившихся въ бѣгство персовъ. Повозка, сильно накренаясь при поворотахъ, ѣхала быстро, скрипя колесами безъ прорѣзовъ. Дорога шла въ горы, все круче и безлюднѣе; шумъ внизу затихалъ. Александръ слышалъ уже фырканье Даріевыхъ коней и, наконецъ, достигъ; остановивъ лошадей, не спѣшиваясь, онъ взялся за ковровый пологъ, говоря: «царь, не бойся, ты въ безопасности; я—Александръ». Толстая, круглая голова высунулась изъ-за полога и снова спряталась; король, подождавъ нѣсколько времени, повторилъ свое увѣреніе, которое оказалось снова напраснымъ. Наконецъ, зажегши факелъ, слуги широко откинули полы ковра. Закрывши лицо руками, на колыбняхъ сидѣли три женщины. Король самъ открывалъ ихъ лица: первой оказался внучъ, ломаннымъ греческимъ языкомъ и жестами

объяснившій, что Дарій скрылся верхомъ, а что эти женщины—мать и дочь персидскаго царя; вторую назвалъ Датифартой.

— Принцессы, надѣюсь, вы довѣряете моему благородству? Дома не встрѣтилъ бы васъ такой почесть, какой васъ ждетъ у меня,—сказалъ король, снимая шлемъ съ рыжей гривы.

Старая царица казалась оглохшей, но Датифарта откинула бѣлокурые въ мелкихъ косичкахъ волосы, улыбнулась, взяла руку Александра, прижала ее къ своему сердцу, потомъ указала на молодой двурогій мѣсяць, пролепетавъ что-то нѣжнымъ дѣтскимъ голоскомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Александръ на гробѣ Ахиллеса. § 26. Между тѣмъ какъ Дарій собиралъ второе войско, чтобы поразить Александра, король направился къ морю посѣтить мѣста, прославленныя Гомеромъ. Все внимательно осмотрѣвъ и надивившись славнымъ развалинамъ, король на гробницѣ Ахиллеса самъ принесъ жертву вмѣстѣ съ Гефестіономъ, своимъ другомъ. Затѣмъ, помолившись въ храмѣ Орфея, сталъ въ свою очередь готовиться къ новому бою.

Вѣрность Филиппа. § 27. Однажды, выкупавшись въ холодной водѣ Кидноса, Александръ простудился и слегъ. Когда позвали врача Филиппа, король полусидѣлъ въ кровати, покраснѣвшій и читая какое-то письмо.

Мелькомъ взглянувъ пламеннымъ окомъ на вошедшаго, Александръ продолжалъ читать, пока врачъ толкъ и мѣшалъ свои зелья. Наконецъ, Филиппъ протянулъ чашу королю; тотъ, зорко на него посмотрѣвъ, воскликнулъ: «Какое довѣріе, Филиппъ!» и сталъ медленно пить, не сводя глазъ со спокойнаго лица лѣкаря. Затѣмъ, откинувшись на подушки, онъ далъ Филиппу прочесть доносъ Парменія, будто королевскій докторъ подкупленъ, чтобы отравить Александра. Выздоровѣвъ, король еще болѣе приблизилъ къ себѣ Филиппа, совершенно отдаливъ Парменія.

Приготовленіе къ битвѣ. § 28. Пройдя Мидію и Арменію, безводными пустынями достигнулъ король Евфрата, источники котораго скрыты въ чудесномъ Раю. Перегнавъ обозъ и самъ перейдя во главѣ войска, Александръ приказалъ разрушить мосты, о чемъ Дарію тотчасъ же было донесено. Царь персидскій разослалъ гонцовъ къ своимъ воеводамъ и союзнымъ владыкамъ, но только одинъ индѣйскій Поръ обѣщалъ свою помощь. Старая мать писала изъ плѣна, какимъ почетомъ и уваженіемъ она окружена и молила не возмущать вселенную. Дарій заплакалъ, такъ какъ только что онъ отправилъ королю Александру посланіе, полное самаго непередаваемого отчаянья, гдѣ отказывался отъ плѣнныхъ родственницъ, предоставляя самому королю ихъ судьбу. Александръ, разсмѣявшись, ничего не отвѣтилъ на это безумное посланіе, и сталъ готовиться къ битвѣ.

Александръ въ персидскомъ лагерѣ. § 29. Король тщетно искалъ кого-нибудь кто бы вызвался пойти въ ставку Дарія. Ночью онъ привязалъ на рога козъ зажженные вѣтви и, подогнавъ ихъ къ вавилонскимъ стѣнамъ, воспользовался страхомъ стражи, чтобы осмотрѣть снаружи громаду города. Тройной рядъ стѣнъ, мѣдныя высокія башни и ворота безмолвствовали; только слоны изнутри ревѣли на зарево, да разбуженные голуби стаей взлетывали къ черному небу. Задумчиво оглядѣлъ король диковинныя стѣны и, вернувшись, объявилъ, что къ Дарію посломъ пойдетъ онъ самъ. Напрасно совѣтники старались отклонить короля отъ его рѣшенія, какъ отъ сумасбродной затѣи, — Александръ, взявъ Евмила и трехъ лошадей, самъ, одѣтый на подобіе Гермеса, направился къ рѣкѣ Странгѣ, тогда покрытой льдомъ; тамъ онъ оставилъ Евмила съ двумя конями, самъ же на Букефалѣ переправился на ту сторону, крикнувъ: «Аммонъ—мнѣ помощникъ!» Персидская стража, окруживъ Александра, принимала его за божественное явленіе и провела во дворецъ, гдѣ Дарій въ вавилонскихъ одеждахъ, злаченной обуви, въ багряницѣ, со скипетромъ и жезломъ, возсѣдалъ на сіяющемъ тронѣ. Всѣ удивлялись небольшому росту Александра. Дарій сказалъ нѣсколько усталымъ отъ вина голосомъ: «кто ты, мальчикъ?» — Я—посолъ Александра.—«Что скажешь?»

— Александръ рвется въ бой и досадуеть на твою медлительность. — Брови царя сдвинулись, но, громко разсмѣявшись, онъ сказалъ: «Пусть досадуеть, а мы пока попируемъ! Дать ему чашу!» Александръ, спрятавъ одну чашу въ складкахъ хламиды, протянулъ руку за другой. Дарій сонно смѣялся. «Ловко! а та гдѣ же, первая?» — Король Александръ всегда даритъ чаши, когда пируетъ съ друзьями! — Художникъ-персъ на ухо шепталъ царю Дарію, что это — самъ Александръ, съ котораго онъ когда-то писалъ изображеніе. Царь кивалъ головою, соглашаясь и засыпая; по рядамъ гостей пронесся шепотъ: «самъ Александръ», но король, подойдя къ высокому окну, отвѣтилъ: «Да, я — схожъ видомъ съ богоподобнымъ героемъ, но вы ошибаетесь», потомъ, вдругъ поднявшись на подножіе статуи Ксеркса, прокричалъ: «Царь Дарій, смотри хорошенько на меня, чтобы въ битвѣ не пропустить Александра», и, отпихнувшись отъ статуи, рухнувшей на столъ, разбивая обломками кубки и чаши, скрылся черезъ высокое окно.

Пьяные персы, ругаясь, сѣдлали лошадей въ темнотѣ, но, не догнавъ легкаго грека, доносили сидѣвшему надъ обломками отцовой статуи Дарію самыя невѣроятныя извѣстія объ исчезновеніи Александра.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

§ 30. Слѣдующая битва произошла вскорѣ у рѣки Странга, зимою; оба вождя собрали какъ можно больше войска, говорили самыя замѣчательныя свои рѣчи. Дарій былъ на удивительной колесницѣ съ серпами около колесъ, которыми она жала всѣхъ приближавшихся. И такихъ сооруженій былъ цѣлый отрядъ. Битва была кровавѣйшая; небо темнилось стрѣлами, камнями и дротиками. Серпоносныя персидскія колесницы, обратившись въ бѣгство, рѣзали своихъ же солдатъ, которые, ища послѣдняго прибѣжища на льду рѣки, нашли тамъ окончательную себѣ гибель, такъ какъ, не вытерпѣвъ тяжести столькихъ людей и лошадей, ледъ проломился

Битва.

и всё покрылись вдруг открывшейся черной шумящей водою. Дарій на берегу разодрала свои одежды и спѣшно направился ко дворцу, гдѣ, запершись въ далекомъ покоѣ, бросился на полъ, плача какъ дитя: «Дарій, Дарій—нищій бѣглець, недавно властитель міра!»

Приближенный Дарія, Авись, неудачно покушался на жизнь Александра, переодѣвшись македоняниномъ, но былъ отпущенъ на свободу великодушнымъ королемъ. Александръ велѣлъ погребать тѣла павшихъ грековъ и персовъ, собираясь перезимовать въ Вавилонѣ, славномъ немалыми диковинами.

Смерть Дарія.

§ 31. Другіе два приближенныхъ Дарія, желая сдѣлать пріятное Александру, какъ въроjatному побѣдителю въ этой борьбѣ, рѣшили убить царя; однажды ночью, проникнувъ въ царскую спальню, они напали на Дарія, но онъ голыми руками такъ оборонялся противъ двоихъ, что, не осуществивъ своего позорнаго намѣренія, вельможи скрылись, оставивъ недодушеннаго царя стонать въ темномъ покоѣ. Едва Александръ узналъ о заговорѣ и убійствѣ Дарія, какъ тотчасъ, льдомъ перешедши рѣку, направился къ его покою. Царь лежалъ на полу посреди комнаты, носившей всё слѣды недавней упорной борьбы, еле живой. Александръ покрылъ его своей хламидой и, сжимая костенѣющія руки, шепталъ: «Дарій, встань, живи, царствуй въ твоей странѣ».

Дарій, остановивъ на королѣ свой блуждающій взглядъ, еле слышно пролепеталъ: «Смотри, чѣмъ сталъ я; тѣнь, мелькнувшая на стѣнѣ, вотъ слава; помни, помни!..» Александръ, закрывъ лицо Дарія плащемъ, поскакалъ обратно. Въ Вавилонѣ, осмотрѣвъ всё диковины, погребя Дарія, распявъ на его гробѣ его убійцъ, Александръ короновался и вскорѣ отпраздновалъ свадьбу съ Роксаною, достигнувъ, казалось, верха человѣческаго счастья.

ЖЕРТВА.

РАЗСКАЗЪ.

1.

Вотъ ужъ по совѣсти всякій, кто бывалъ въ Благодатномъ, не покривитъ душой, помянувъ добромъ старое Сухотинское гнѣздо. И не въ насмѣшку съ испоконъ вѣковъ дано ему такое прозвище, лучшаго, сколько ни мудри, не придумаешь, и хотъ никакого винограда въ садахъ его не цвѣло и не зрѣло и райскія птицы не пѣли, а ужъ, какъ есть,—ну благодатное: сама благодать Божья разливалась по его доброй землѣ.

Старый съ колоннами домъ, кленовая аллея, фруктовый садъ, поля, лѣсъ, скотъ, люди — все Благодатненское приводилѣ въ восхищеніе не только сосѣдей, но и любого наѣзжавшаго съ другихъ краевъ и по дѣлу и такъ себѣ, да того же фыркающаго подстриженнаго петербуржца и растрепаннаго избалованнаго москвича.

Домъ полная чаша, ладъ и порядокъ. Ей Богу, пчелѣ на зависть!

Самъ Сухотинъ, Петръ Николаевичъ, извѣстный чудакъ и такой балагуръ — поискать да мало: гдѣ бъ онъ ни появился, въ любомъ обществѣ и когда угодно, стоило ему раскрыть ротъ и ужъ хохотъ не умолкалъ. Хохотали знакомые и незнакомые. Безразлично.

А странно было лицо совѣзмъ сѣдого, ничуть не мѣняющагося балагура,—шли годы, переваливало за сорокъ, а одно и то же выраженіе, словно отпечатанное разъ навсегда, лежало на неподвижныхъ застывшихъ чертахъ и странно, когда, надрывая животь, всякій со смѣха покатывался по полу, лицо мертвенно-

блѣдное чудака оставалось спокойнымъ—ни улыбки, ни смѣха, только жуткія блестки во впалыхъ остановившихся глазахъ, и не менѣе странно, что въ рѣчи, сбивавшей все и всѣхъ съ панталыку, отдавало какимъ-то механизмомъ, какъ у говорящей куклы, и когда кто-то попробовалъ записать эту рѣчь, то на бумагѣ вышли самыя простыя ходовыя слова и ужъ совсѣмъ не смѣшныя.

И, несмотря на такой, казалось бы, неподходящій видъ Петра Николаевича и неумѣстность какихъ-либо шутокъ, никому въ голову не приходило спросить себя: въ чемъ же тутъ секретъ и отчего бываетъ такъ смѣшно и весело? Только рѣдкій любитель отгадывать загадки,—такой всегда найдется,—зарвавшись, пытался давать объясненія, мѣтя, какъ это водится, не въ бровь, а въ самый глазъ: тутъ и игра фizioноміи, и искусная мимика, и необыкновенно смѣхотворный складъ рѣчи, и необыкновенно острый взглядъ—ясно, явно, понятно. Къ счастью, всѣ подобныя набившія оскомину объясненія шли куда-то въ прорву: никто ничего не хотѣлъ спрашивать да и незачѣмъ было. Смѣшно, весело—чего еще?

Петръ Николаевичъ нигдѣ не служилъ и никакими общесенными дѣлами не занимался. Одно время выбрали его уѣзднымъ предводителемъ. Это памятное Сухотинское предводительство скоро всякому вотъ гдѣ стало! Не оттого, что бы тамъ плохо было или неприятность какую отъ него видѣли, совсѣмъ напротивъ—веселѣе года не запомнятъ: всѣ дѣла были обращены въ какую-то потѣху, въ одинъ сплошной смѣхъ и умору, но въ результатѣ такая вышла пуганица, такія всплыли несуразности и еще, Богъ знаетъ, что—не расхлебашь. И, не зная Петра Николаевича, чего добраго, могли бы въ лучшемъ случаѣ заподозрить, что онъ не въ своемъ умѣ, да такъ, кажется, въ Петербургѣ кто-то и выразился не то въ гостиной, не то на докладѣ. Только счастьемъ все окончилось благополучно.

Живой человекъ не безъ странностей, у всякаго своя повадка. Ну и Петръ Николаевичъ не исключеніе.

Петръ Николаевичъ до страсти любилъ все прибирать къ мѣсту, притомъ такъ это хитро дѣлалъ, что послѣ найти при-

бранную вещь черезчуръ мудрено было, а то и совсѣмъ невозможно: много вещей пропадало и очень нужныхъ; затѣмъ онъ любилъ наводить порядокъ, передвигая съ мѣста на мѣсто столы, стулья, этажерки, перевѣшивая картины, переставляя въ библіотекѣ книги, въ чемъ собственно, и заключались его постоянныя занятія съ утра до обѣда ежедневно; за обѣдомъ, предпочитая кушанья сладкія, какъ потроха, мозги, ножки, и, не зная мѣры, онъ частенько объѣдался и потому вѣчно жаловался на животъ; любилъ топить печи,—все зябъ,—и съ длинной кочергой расхаживалъ отъ печки до печки, помѣшивая жаръ; любилъ поговорить съ прислугой и мужиками и, хотя разговоръ всегда начинался словно бы и о дѣлахъ, но въ концѣ концовъ выходила одна чепуха, что влекло за собой очень нежелательныя для общаго порядка послѣдствія: Петра Николаевича не только никто не боялся, но—что ужъ гайтъ!—вѣры ему не было; кромѣ того, дуря и чудя, онъ обѣщалъ прямо—таки неисполнимыя вещи: всѣмъ и каждому онъ дарилъ свою землю, правда, мѣру не очень крупную—три шага въ длину и шагъ въ ширину—такой шутовской кусокъ. Что еще? Да... у него была страсть рѣзать куръ 'и рѣзалъ онъ куръ не хуже заправскаго повара: птица съ перерѣзаннымъ горломъ не хлопала крыльями и не бѣгала безголовая, какъ это часто бываетъ при нелегкой рукѣ; и еще онъ любилъ посмотрѣть на покойника, и чѣмъ отвратительнѣе было лицо мертваго, чѣмъ сильнѣе чувствовалось разложеніе, тѣмъ находилъ онъ покойника привлекательнѣе. Всякій разъ, когда на селѣ умирали, батюшка о. Иванъ давалъ знать Сухотинымъ, тотчасъ закладывался экипажъ и Петръ Николаевичъ, все бросивъ, летѣлъ къ тому мѣсту или въ тотъ домъ, гдѣ случался покойникъ.

Такого рода страсти, какъ выражалась Александра Павловна, труня подъ веселую руку надъ своимъ избалованнымъ мужемъ, въ которомъ, кстати сказать, души не чаяла, касались въ дѣйствительности такихъ чисто домашнихъ подробностей, что упоминать о нихъ представлялось бы совсѣмъ излишнимъ, если бы не припутался сюда одинъ вздорный слухъ, задѣвающій честь и репутацію всего Благодатнаго.

Года два назадъ въ Благодатное заѣхалъ одинъ старый пріятель Петра Николаевича, тоже бывший лицеистъ, не выдавшійся съ своимъ другомъ съ самаго Петербурга. Причина появленія такого гостя такъ и осталась невыясненной: у него никто не спрашивалъ, а его камердинеръ толковалъ въ лакейской очень сбивчиво, — не то генераль посланъ усмирять, не то дѣлать землю. Впрочемъ, все это не такъ ужъ важно: развѣ не могъ онъ пріѣхать просто изъ любопытства?

Гость былъ принятъ радушно, встрѣтила его Александра Павловна, сожалѣвшая, что въ Благодатномъ не всѣ въ сборѣ—дѣти разѣхались, и что ему будетъ скучно, но гость былъ такъ веселъ, много рассказывалъ о Петрѣ Николаевичѣ, о той тѣсной дружбѣ, какой они были связаны въ ранней молодости, и, кажется, ни въ какомъ обществѣ не нуждался, съ нетерпѣніемъ ожидая друга. Петръ Николаевичъ, какъ на грѣхъ, съ утра пропадалъ гдѣ-то на деревнѣ у покойника и только поздно вечеромъ вернулся домой. Друзья встрѣтились. Но тутъ произошло что-то неладное: видно было, что гость потрясень, испуганъ, что у него поджилки трясутся. Или не узналъ онъ своего друга, — или и узналъ, но нашелъ такую перемѣну, что голова пошла кругомъ, — или замѣтилъ въ лицѣ, въ поступи и въ рѣчи что-нибудь совсѣмъ для себя неожиданное, невѣроятное, невозможное—въ чемъ же дѣло?—А кто жъ его знаетъ!—Гость отступилъ на шагъ и, замахавъ руками, вдругъ лишился чувствъ.

Молчаливый и печальный, подозрительно озираясь и поддакивая на все, что бы ни говорилось, и съ той жалкой улыбкой, какой улыбаются люди, попавшіе нечаянно, негаданно въ самые обыкновенные тиски, гдѣ всякую минуту можетъ смять тебя въ лепешку, гость прожилъ съ недѣлю и въ одно прекрасное утро, лопоча какую-то ерунду и показывая какія-то бумаги вверхъ ногами, остервенѣлый, чуть ли не въ одномъ бѣльѣ и безъ багажа, ускакалъ изъ Благодатнаго. А вскорѣ послѣ его отъѣзда пошли суды и пересуды и въ городѣ и среди сосѣдей.

Говорилось, что ничего особеннаго въ Благодатномъ нѣтъ, что Сухотинскій прославленный домъ, какъ домъ, да, пожалуй,

даже съ изъяномъ—одна половина очень замѣтно заново пере-дѣлана послѣ пожара; ну и садъ, какъ садъ, старый, тѣнистый— правда, но такихъ садовъ, если побздить по Россіи, сколько хочешь; поля, лѣсъ—что говорить!—поля просторны, лѣсъ хоро- шій, да тоже не какая-нибудь невидаль; а люди—даже совѣмъ дрянъ: бѣднота, земли мало, то переселялись, то опять верну- лись, а во время беспорядковъ, если домъ не сожгли и лоша- дямъ глаза не повыкололи, какъ это слѣлали у сосѣда Безсонова, то все-таки поговаривали и о томъ, чтобы домъ сжечь, добро истребить да отобрать Сухотинскую землю. Что же касается Петра Николаевича, то, перечисляя всѣ его странности, несли такую крещенскую белиберду, что просто повторять совѣстно. И въ концѣ концовъ заказывалось другу и недругу даже въ самой крайней нуждѣ бывать въ Благодатномъ: мѣсто нечисто.

Кто-то изъ добрыхъ друзей совѣтоваль Александрѣ Павловнѣ жаловаться губернатору, но она и слышать не хотѣла: во всѣхъ этихъ слухахъ, на ея взглядъ, правды ни капли не было, да и не стоило исторію подымать. Въ самомъ дѣлѣ: мало ли что какой-нибудь подозрительный со своего подозрительнаго ума не со-чинить и не выдумаетъ—ему бы только валить съ больной головы на здоровую! Да при томъ же и разговоры какъ-то само собою прекратились—все-таки люди не такъ глупы, какъ кажутся.

И у всѣхъ одно осталось въ памяти: Благодатное—рай зем- ной, семья Сухотиныхъ—примѣрная, Петръ Николаевичъ—извѣ- стный чудакъ и такой балагуръ, поискать да мало.

Глава дома—Александра Павловна Сухотина; ея глазу при- писывались порядокъ и обиліе Благодатненскаго хозяйства. Твер- даго характера, скупая на слова, она умѣла держать всѣхъ въ струнку и не потакать. Ее боялись и слову ея вѣрили. Замужъ вышла рано, по любви, и съ перваго же года замужества пошли дѣти: сынъ и три дочери, всѣ погодки. Жизнь Александры Павловны проходила въ заботахъ и дѣлахъ, которыхъ съ каж- дымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ подростали дѣти и отноше- нія хозяйственныя путались и усложнялись, все прибывало и такъ получалось, что ихъ не оберешься и всѣхъ не передѣлаешь. Но она готова была взвалить себѣ на плечи какую угодно

тяжесть, лишь бы хорошо было мужу. и дѣтямъ. И никто не жаловался—ни мужъ, ни дѣти.

Вечерами, счастливая и веселая, она садилась за рояль: сильныя пальцы ея, увѣренно касаясь клавишей, вызывали большой праздничный звукъ—силой и радостью наполнялись высокія комнаты.

И съ какой завистью посмотрѣлъ бы отчаянный бродяга изъ тьмы своего бездомнаго бѣлаго свѣта въ освѣщенное окно на нее, довольную своимъ кровомъ, и какимъ проклятіемъ проклялъ бы свою судьбу неудачникъ, случайно встрѣтивъ ея счастливый взглядъ, и съ какой покорностью и вѣрой, слышавъ ея голосъ, пошелъ бы за ней тотъ, кто зоветъ себѣ поводыря!

Контръ-адмиралъ Палеологъ, чье сужденіе, по мѣткости своей, облетало всѣ безъ исключенія усадьбы и повторялось городскими шеголями, крестный отецъ младшей Сони, называлъ Александру Павловну обольстительной брюнеткой. И, какъ всегда, былъ правъ. И кто бы могъ повѣрить, что эта обольстительная брюнетка, сумѣвшая устроить домъ и жизнь дома—тихий согласный очагъ, почувствовала себя однажды самой несчастной изъ людей. Правда, съ тѣхъ поръ утекло много воды, удача и счастье стерли всякую память, а въ душѣ осталась только радость, только увѣренность въ себѣ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ годъ рожденія Сони, Благодатное очутилось на волоскѣ отъ гибели—домъ чуть было не сгорѣлъ, Петръ Николаевичъ чуть было не умеръ, и всѣхъ спасла Александра Павловна.

Осенью и въ зимніе мѣсяцы, когда разъѣзжались дѣти, Александра Павловна проводила время глазъ-на-глазъ съ мужемъ; она смотрѣла на него такъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, съ той же любовью и нѣжностью, и видѣла его такимъ, какъ былъ онъ двадцать лѣтъ назадъ, влюбленнымъ,—складка, явственно означавшаяся между ея темныхъ бровей, сглаживалась. А онъ, высохшій, длинный, какъ жердь, сѣдой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, уставясь своими неподвижными въ жуткихъ блестящихъ глазахъ, стоялъ передъ ней, оскаливъ зубы.

— Я тоски не знаю,—повторялъ онъ въ тысячный разъ, —

мнѣ легко!—и въ голосѣ слышалось: «мнѣ все равно, мнѣ ничего не надо», но она не слышала этихъ жуткихъ словъ, они звучали ей, какъ тѣ тогда подъ первый поцѣлуй и она, слѣпая отъ любви, отвѣчала ему страстью сохранившейся женщины.

Ой, какъ хохоталъ бы подглядѣвшій въ такія минуты черезъ окно надъ этой уморительной сумасбродной сценой, но, кто знаетъ, возможно, что, и не пикнувъ, лишился бы чувствъ, какъ тотъ гость—старый другъ Петра Николаевича.

2.

Въ Благодатномъ готовилось большое событіе. На Святкахъ назначена была свадьба старшей дочери Лиды, окончившей въ прошломъ году институтъ. Женихъ былъ извѣстный крупный помѣщикъ Рамейковъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этой свадьбы. Рассказывали, что пиръ выйдетъ на славу и что Петръ Николаевичъ перерѣзалъ чуть ли не всѣхъ куръ. Благодатное принимало торжественный видъ. Гости съѣжались загодя, и немало очень почтенныхъ лицъ прямо обезживотѣли въ обществѣ Петра Николаевича, который казался особенно въ ударѣ на розсказни и зубоскальство. Александра Павловна сбилась съ ногъ. Все надо было приготовить. Рукъ не хватало.

Наконецъ, собралась вся семья: изъ Петербурга пріѣхалъ старшій сынъ Миша — студентъ-первокурсникъ, изъ Кіева вторая дочь, институтка Зина, и гимназистка Соня изъ губернскаго города. Наступала важная минута. И, надо отдать справедливость, свадьба вышла веселая. Конечно, не обошлось безъ курьезовъ: благословляя образомъ передъ вѣнчаньемъ, Петръ Николаевичъ, видимо, собирался сказать напутствіе, но послѣ довольно томительнаго молчанія ограничился краткимъ и весьма непечатнымъ пожеланіемъ въ одно слово и отъ этого крѣпкаго слова женихъ едва поднялся на ноги—смѣхъ буквально душилъ всякаго; въ церкви Петръ Николаевичъ шепнулъ батюшкѣ о. Ивану, что во снѣ яйца въ ямѣ видѣлъ, и хотя о. Иванъ не могъ не знать дурнаго значенія сна, но тогда показалось ему

все въ высшей степени несообразнымъ и такъ всѣ были настроены, что онъ не выдержалъ и, оборвавъ молитву, фыркнулъ на всю церковь, а за нимъ дьячекъ, державшій теплоту, заржалъ ужъ безъ всякаго стѣсненія и—пошло: не то вѣнчали, не то гоготали, какъ въ балаганѣ.

Послѣ свадебнаго ужина молодые уѣхали въ Москву. Но въ Благодатномъ веселье продолжалось. Оставшаяся молодежь затѣяла спектакль, рядились, ряжеными ѣздили по сосѣдямъ. На пруду сдѣланъ былъ катокъ и горка. Тутъ на каткѣ устраивались отчаянныя состязанія.

Миша Сухотинъ считался первымъ конькобѣжцемъ. И дѣйствительно, стройный и необыкновенно гибкій, съ поразительной ловкостью и искусствомъ онъ продѣлывалъ головоломныя фигуры. Не отставала и Соня, дѣвочка быстрая — огонекъ, а ея звонкій смѣхъ разливался заразительно звонко въ Крещенскія звѣздныя ночи. Любо было смотрѣть на эту пару, когда обьруку они бѣжали съ горки до дальнихъ вербъ. Этого нельзя сказать о Зинѣ: она имѣла больше сходства съ Лидой и, какъ Лида, была сдержана и молчалива, пожалуй, даже застѣнчива, но не безъ характера. «Въ мать дѣти пошли»,—отзывались тетушки и дядюшки и старые знакомые, хорошо знавшіе Александру Павловну.

Подходило Крещенье. Товарищи Миши и подруги дѣвочекъ стали разѣзжаться. И Сухотинымъ ужъ пора была готовиться въ путь, но въ деревнѣ было такъ хорошо, что объ отѣздѣ не хотѣлось и думать.

Подъ Крещенье Миша и Соня, когда зажглась Богоявленская звѣзда, выбѣжали на катокъ, гдѣ проводили они свои послѣдніе вечера. Ночь выдалась свѣтлая, усypалось звѣздами голубое поле и морозъ ударялъ такъ, что ледъ трескалъ, морозами щипало щеки. Но они рады были хоть всю ночь бѣгать. И вдругъ Миша, раскатившись, упалъ навзничь. Соня думала, что онъ нарочно, дразнить. Нѣтъ. Подняли, отнесли въ домъ. Бросились за докторами. Черезъ три часа померъ. Вотъ было горе.

Въ день похоронъ вечеромъ, когда въ домѣ было особенно

пусто и всѣхъ одолѣваемо то тягостное утомленіе, отъ котораго и дѣло изъ рукъ валится и мѣста себѣ не находишь, въ Благодатное съ нарочнымъ получилась тревожная телеграмма отъ Рамейковыхъ: Александра Павловна вызывалась немедленно въ Москву.

Въ ту же ночь Александра Павловна уѣхала.

Зина и Соня были въ большой тревогѣ. Петръ Николаевичъ напротивъ: онъ попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой образъ жизни; разница была развѣ въ томъ, что куръ рѣзалось больше, но это объяснялось тѣмъ, что Зина, простудившись на похоронахъ, все недомогала и ее надо было держать на діетѣ. Да еще — ну это чудачество! — къ обѣду велѣно было подавать большущій бычачій языкъ, оставшійся еще со свадьбы.

Наконецъ, изъ Москвы пришло извѣстіе: Лида повѣсилась. Вотъ было горе.

Второго покойника опустили въ Сухотинскій склепъ, а въ домѣ стало ужъ такъ пусто и ужъ такъ тягостно, — Александра Павловна бродила, какъ тѣнь.

Она не могла простить себѣ, что такъ легко согласилась на этотъ бракъ, когда знала всегда Рамейкова за человѣка легкомысленнаго и даже подлаго, да, подлаго, — почему не отговорила Лиду? Вѣдь Лида послушала бы ее. Да она сумѣла бы убѣдить ее, она знала много самыхъ отвратительныхъ, самыхъ постыдныхъ фактовъ, о которыхъ шептались посторонніе даже у нихъ въ домѣ въ день свадьбы.

Но теперь было ужъ поздно: и простишь или не простишь себѣ — дѣлу не помочь. Александра Павловна чуть не кричала.

Петръ Николаевичъ выглядѣлъ нѣсколько утомленнымъ, но едва ли причиной этому былъ самъ по себѣ фактъ смерти: смерть сына, какъ и смерть дочери вызвали въ немъ то обычное для него чувство любопытства, какое онъ испытывалъ вообще къ покойникамъ и совершенно ему неизвѣстнымъ. Утомленіе сказывалось скорѣе отъ бессонной ночи. Гробъ привезенъ былъ въ Благодатное закрытымъ, но онъ настоялъ на томъ, чтобы гробъ вскрыли, и, когда сняли крышку, онъ ужъ самъ открылъ лицо до-

чери и простоялъ надъ ней, не отрывая глазъ, ночь. Теперь въ своемъ зеленомъ бутылочнаго цвѣта халатѣ Петръ Николаевичъ дремалъ въ креслѣ.

Такъ прошла ночь послѣ похоронъ.

Состояніе Зины между тѣмъ ухудшалось. Она слегла. Вызванные доктора сказали, что у ней тифъ. И все Благодатное затаилось, дожидаясь рокового кризиса. Кризисъ наступилъ. Сзвали консилиумъ. Надежды нѣтъ.

Въ домѣ заведенъ былъ строгій порядокъ, и обычно, когда сѣзжались дѣти, этотъ порядокъ поддерживался ими съ ихъ ранняго дѣтства: такъ, Лида набивала отцу папирсы, Зина заводила въ столовой часы. Теперь папирсы набивалъ старый камердинеръ Михей, а часы стояли.

И видно было, Зина все помнила и ее это мучило и еще мучило ее то, что, больная, лежа десятый день въ кровати, она нарушаетъ какой-то порядокъ и лучше было бы, если бы она лежала въ больницѣ, но сказать объ этомъ она не могла, — языкъ отнялся у ней.

Изъ послѣднихъ силъ знаками Зина попросила Соню дать ей бумагу и карандашъ и слабой рукой написала букву «б», — карандашъ выпалъ изъ рукъ. И она умерла. Вотъ было горе.

Третій гробъ унесли изъ дому.

Въ церкви на отпѣваніи, прощаясь съ дочерью и въ послѣдній разъ глянувъ на это покорное обреченное лицо съ плотно сжатыми, какъ сталь синими вѣками, запекшимися измученными губами, Александра Павловна вдругъ все вспомнила и не то недавнее счастливое, а то прошлое тайное, что никогда не вспоминалось ей столько лѣтъ, и заплакала крѣпко и ужъ старой старухой, сгорбившись, пошла прочь.

— Развѣ я думала, что такихъ придется хоронить? — плакала она, тряся головой.

А вмѣсто утѣшенія совѣсть, еще больше горбя и бороздя

ей морщинами кожу, говорила ей, что некого винить, нѣтъ другого виновнаго, кромѣ нея, все сама, одна, виновата кругомъ.

Соня весь день не отходила отъ матери, жалась къ ней и пробовала утѣшать и плакала и большими глазами смотрѣла—страшно становилось за перепуганную дѣвочку.

— Мама, что ты говоришь?!—спрашивала она, пугаясь своего голоса.

И мать ей рассказала.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ годъ рожденія Сони, Александра Павловна взяла дѣтей и поѣхала къ своей матери — первый разъ выѣхала она изъ Благодатнаго, оставивъ домъ и мужа. И вотъ приснился ей сонъ, будто мужъ ея въ алтарь входитъ. Страшно ей стало: не заболѣлъ ли мужъ, не умеръ ли? На другую ночь опять сонъ снится: смолалось обручальное кольцо. И опять стало страшно: мужъ умереть. И стала она домой собираться.

— Собралась, ѣду, — рассказывала Александра Павловна, — а сама, не переставая, Богу молюсь, все молюсь Богу: если ужъ суждено горю, такъ сдѣлай такъ, пускай дитя умереть одно, или двое или даже трое—Миша, Лида, Зина, только бы онъ живъ остался. Что жъ, думала, маленькіе они, ничего, только бы онъ живъ остался. Про тебя молчала, не могла. Пріѣзжаю домой и что же оказывается? — въ домѣ пожаръ былъ, а отецъ твой при смерти лежалъ. Услышалъ Богъ молитву: спасъ и домъ и отца. Обрадовалась я и мы зажили. А теперь... Это потому, что тогда молилась. Развѣ я думала, что такихъ придется хоронить?

Александра Павловна мучилась, не отпускала отъ себя Соню.

Петръ Николаевичъ казался озабоченнымъ и растеряннымъ: какая-то мысль точила его и беспокоила. Дѣлать то, что онъ дѣлалъ изо дня въ день, онъ уже не могъ. Вечеромъ онъ попробовалъ—было передвинуть для порядка шкапъ въ столовой, —отодвинуть-то отодвинулъ, но такъ и бросилъ его стоять на тычкѣ; схватился за кочергу, но и съ печками дѣло не пошло; нѣсколько разъ заходилъ въ спальню, присаживался на кончикъ кровати и вдругъ подымался, оставляя убитыхъ горемъ жену и дочь.

— Всѣ потерялись—Миша, Лида, Зина и Соня, и всѣ на-
шлись, одной Сони нѣтъ, — бессмысленно и жутко бормоталъ
онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь, не то къ Михею, не то
къ печнику Кузьмѣ, не то къ экономкѣ Дарьѣ Ивановнѣ, за-
мѣнявшей по хозяйству Александру Павловну.

Поздно ночью Петръ Николаевичъ утомился и ушелъ къ
себѣ въ кабинетъ. Камердинеръ Михай, какъ старый дядька, не
оставлялъ его ни на минуту.

Тревожно и жутко было въ домѣ, всѣ углы стали холод-
ными. Куда все дѣвалось? Гдѣ миръ, смѣхъ и счастье? Три
гроба—три смерти морозомъ заледенили теплый огонекъ очага.

4.

Совершившіяся за какой-нибудь мѣсяць событія—эта Сухо-
тинская исторія—тогда была поднята на языкъ.—Тутъ положи-
тельно дѣло нечисто!—такъ заговорили не только въ сосѣдней
Чернянкѣ и не въ сосѣдней Комаровкѣ, но и въ Британяхъ и
даже въ Матавиловкѣ и, конечно, повсюду въ городѣ. Какъ,
что, почему? И давай—и пошло. Всю жизнь Благодатненскую
вверхъ дномъ перевернули, по косточкамъ перебрали и бабу-
шекъ и тетусекъ Сухотинскихъ и то, чего никогда не было, и
то, что было, но совсѣмъ не съ Сухотинными, а скажемъ, ну
съ Муромцевыми. Все на свѣтъ Божій вывели—глядите, господа,
и судите, намъ-то все ужъ давно извѣстно!

Ухватились почему-то за того таинственнаго гостя—генерала-
друга Петра Николаевича, который, Богъ знаетъ, отчего сбѣ-
жалъ тогда изъ Благодатнаго. И сразу же всѣ рѣшили, что
этотъ самый генералъ все знаетъ и стоитъ только его допро-
сить и станетъ все ясно, какъ на ладони. Но гдѣ его достанешь?
Туда-сюда: руки опускаются. Кто-то сказалъ: Перевердеева весь
Петербургъ знаетъ. Стало быть, онъ въ Петербургѣ? Конечно!
Срочно былъ посланъ отъ губернатора запросъ въ Петербургъ.
Чуть ли не въ тотъ же самый день получила справка: доно-

силось, что генераловъ въ Петербургѣ сколько угодно и есть съ такими фамиліями, что даже не совсѣмъ ловко въ дамскомъ обществѣ представляться, но Перевердеева никакого нѣтъ. Можетъ быть, Переверзевъ?

И пока снова наводили справки о какомъ-то Переверзевѣ, судили и рядили вкривь и вкось, кто-то желѣзный, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, увѣренно совершалъ свое вѣрное дѣло, кто-то безопадный семимильными шагами изъ дальне-далека шелъ творить судъ и расправу по-своему.

Безъ Александры Павловны ничего не клеилось и она черезъ силу, отрываясь отъ своихъ тяжелыхъ думъ, входила въ мелочи жизни. Она считала себя не въ правѣ бросить на произволь судьбы домъ, мужа и дочь, — мужа, изъ любви къ которому она принесла такую огромную жертву, дочь, изъ любви къ которой она пожертвовала бы сейчасъ всѣмъ своимъ покоемъ.

Да не ошиблась ли она, когда, молясь, отдавала троихъ старшихъ, а Соню забыла, и не забыла, а нарочно не помянула? Зачѣмъ она не помянула Соню? И всѣ бы уцѣлѣли. А что если бы всѣ четверо умерли? Нѣтъ, этого не могло быть: вѣдь она все отдала, а кто отдастъ все... Зачѣмъ она не отдала всѣхъ? — вотъ вопросъ, который сверлилъ ее и не отпускалъ.

А ну какъ и Соня умретъ? Она же сказала сейчасъ, что отдаетъ все, а стало быть и Соню?—вотъ вопросъ, отъ котораго, какъ помѣшанная, металась она, боясь думать.

— Соня, Соня, гдѣ ты? — спохватывалась Александра Павловна, ища дочь, которая не отходила отъ матери.

Къ мукамъ за себя, за свой поступокъ, къ мукамъ за единственную дочь присоединялось безпокойство о любимомъ мужѣ, жизнь котораго держалась на трехъ дорогихъ смертяхъ. Петръ Николаевичъ еле двигался, онъ ужъ не выходилъ изъ кабинета, онъ посинѣлъ весь, волосы примазались и блеклая мертвая кожа, точно отдѣлившаяся отъ тѣла, висѣла на немъ мѣшкомъ.

По дому по всѣмъ комнатамъ пошелъ тяжелый духъ.

Домъ былъ старый, подъ поломъ водилось множество крысъ — ихъ было цѣлое поколѣніе и нерѣдко случалось, что какая-

нибудь древняя крыса дохла. Вотъ, должно быть, почему шель невыносимый запахъ. Въ другое время Петръ Николаевичъ непременно бы нашель то мѣсто, гдѣ ваялась пададь, полъ подняли бы и пададь убрали бы, но теперь не до того было.

Всѣ, кому случилось въ это время быть въ Благодатномъ, чувствовали, что такъ жизнь продолжаться не можетъ, что рано или поздно—какой, все равно—а долженъ отыскатья выходъ, и ждали. А ждать еще положено было три дня и три ночи. И два дня и двѣ ночи уже прошли.

Въ субботу вечеромъ батюшка о. Иванъ служиль въ домѣ всеношную и накадилъ изрядно — ладана не пожалѣлъ. Послѣ закуски уѣхалъ, и всѣ не безъ угара разошлись спать.

— Ночью,—такъ послѣ разсказывалъ Михай, —слышу я баринъ меня кличетъ.—«Михей, говоритъ, голубчикъ, принеси мнѣ пѣтушка, Христа ради, я тебя никогда не забуду».—А зачѣмъ, говорю, вамъ, баринъ, пѣтухъ въ такую пору? Ночь на дворѣ.—А онъ только глазомъ подмигнулъ: понимай, значить, зачѣмъ. Пошелъ я въ курятникъ, поймалъ пѣтуха пожирнѣй, принесъ и ножъ подаю. Взялъ баринъ пѣтуха, рѣзать сталъ, а силъ-то ужъ, нѣтъ—пѣтухъ все трепыхается. Ну, кое-какъ съ пѣтухомъ покончилъ,—крови пѣлая лужа и на полу и на себѣ. Будто и лучше стало.—«Хорошо бы, говоритъ, Михай, покойничка посмотри!»—Господь съ вами, говорю, какой теперь покойникъ, эка невидаль!—а у самого по спинѣ морозъ подираетъ —вижу съ бариномъ что-то неладно, ровно что его душитъ, такъ зубъ о зубъ и колотить.—«А гдѣ Соня?»—да на меня какъ посмотреть —умирать придетъ часъ, не забуду,—такъ посмотрѣлъ.—Въ барыниной спальнѣ, говорю, съ барыней. Тутъ баринъ видно успокоился, а я отошелъ да и прилежъ.

— Проснулась я ночью,—разсказывала послѣ экономка Дарья Ивановна, — слышу, будто котъ мяучить. А откуда, думаю, ему вьяться? Помяукала—не отзывается, шипить.

«Пѣтухъ, дѣйствительно, пѣлъ»,—показывали другіе.

Нѣтъ, и пѣтухъ не помогъ, а какой пѣтушекъ былъ славный! Силъ больше не было, сейчасъ задохнется.—Петръ Николаевичъ вдругъ привсталъ на кровати:

— Всѣ потерялись—Миша, Лида, Зина и Соня, и всѣ нашлись, одной Сони нѣтъ!

И одна заволакивающая мысль найти Соню сейчасъ же сію секунду, подняла его на ноги и повела. Не выпуская ножа изъ рукъ, онъ поползъ изъ кабинета въ спальню.

Дверь въ спальню оказалась полуоткрыта. Въ спальнѣ было свѣтло отъ лампадки. Соня лежала съ матерью на кровати лицомъ къ двери.

— Курочка, куронька моя! — шепталъ онъ, подползая къ кровати.

Соня открыла глаза. Сѣла на кровать. И, глядя на отца, скрюченнаго, измазаннаго кровью, въ ужасѣ вытягивала свою лебяжью шейку.

— Куронька, куряточка! — шепталъ онъ, силясь подняться на ноги.

И—поднялся.

Лебяжья шейка въ лучѣ лампадки еще больше вытянулась подъ сверкнувшимъ ножомъ—одинъ мигъ—и вишневымъ ожерельемъ сдавило бы лебедь, но онъ ужъ не могъ, силы оставили,—нѣтъ спасенія: ножъ выскользнулъ изъ рукъ и вмѣстѣ со склизлой кожей, отдѣлившейся отъ пальцевъ, упалъ на коверъ.

Старикъ, дрогнувъ, присѣлъ на корточки, весь осунулся, все въ немъ—носъ, ротъ, уши, все собралось въ жирныя складки и, пуфнувъ, поплыло.—И плыла липкая каша, чисто очищая отъ дряни бѣлыя кости.

Голой, безглазый черепъ, такой смѣшливый, ощериваясь, бѣлый, какъ сахаръ, черепъ сталъ въ лучѣ лампадки. И въ ту же минуту огонь-пламя, распахнувъ дверь спальни, краснымъ глазомъ кольнуло мать, обомлѣвшую дочь, мертвую голову и, планувъ языкомъ подъ потолокъ, развѣялось краснымъ пѣтушкомъ и зашумѣло.

Домъ горѣлъ.

Алексѣй Ремизовъ.

уапепау

A decorative flourish consisting of a central horizontal line that curves upwards at both ends. Two stylized flowers are positioned on the line, one to the left and one to the right of the center. A single leaf is attached to the left side of the line, pointing downwards.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ

ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной, дѣтской волею своей.
Покинуть и одинъ въ чужой землѣ брожу я,
Съ тоской по небу родины моей.

Звѣзда моя вдали сіяетъ одиноко.
Въ вслшебный край лучи ея манятъ...
Но неприступенъ этотъ край далекій,
Пути къ нему не радость мнѣ сулятъ.

Прости жь—и лишь одно послѣднее желанье,
Послѣдній вздохъ души моей больной:
О если бъ я за горькое страданье
Что суждено мнѣ волей роковой,

Тебѣ могъ дать златые дни и годы
Тебѣ могъ дать всѣ лучшіе цвѣты,
Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты!

Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Бѣжали всѣ отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всѣхъ чище и свѣтлѣй.

Владимиръ Соловьевъ.

ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ ПУШКИНУ.

1.

Я не могу еще рѣшиться почитать наше дѣло конченнымъ. Еще я не далъ никакого отвѣта старому Геккерну; я сказалъ ему въ моей запискѣ, что не засталъ тебя дома, и что, не видавшись съ тобою, не могу ничего отвѣчать. И такъ есть еще возможность все остановить. Рѣши, что я долженъ отвѣчать. Твой отвѣтъ невозвратно все кончитъ. Но ради Бога одумайся. Дай мнѣ счастье избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою отъ совершеннаго посрамленія. Жду отвѣта. Я теперь у Вьельгорскаго, у котораго объѣдаю.

Ж.

2.

Я обязанъ сдѣлать тебѣ нѣкоторыя объясненія. Вчера я не имѣлъ для этого довольно спокойствія духа. Ты вчера, помнится мнѣ, упомянулъ что-то о жандармахъ, какъ будто опасаясь, что хотятъ замѣшать въ твое дѣло правительство. На счетъ этого будь совершенно спокоенъ. Никто изъ постороннихъ ни о чемъ не знаетъ, и если дамы, то есть одна дама Загряжская смолчить, то тайна останется ненарушенною. Долженъ однако сказать, что вчерашній твой приходъ къ Вьельгорскому открылъ ему глаза; мнѣ же съ нимъ не для чего было играть комедію; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кои получили безыменныя письма, но на его дружбу къ тебѣ и на скромность положиться можешь. Пишу это однако не для того только, чтобы тебя успокоить на счетъ сохранения тайны. Хочу, чтобы ты не имѣлъ никакого ложнаго понятія о томъ участіи, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ молодой Геккернъ. Вотъ его исторія. Тебѣ ужъ извѣстно, что было съ первымъ твоимъ вызовомъ, какъ онъ не попалъ въ руки сыну, а пошелъ черезъ отца, и какъ сынъ узналъ о немъ только по истеченіи 24 часовъ, т.-е. послѣ вторичнаго свиданія отца съ тобою. Въ день моего приѣзда, въ то время когда я у тебя встрѣтилъ Геккерна, сынъ былъ въ караулѣ и воз-

вратился на другой день въ часъ. За какую-то ошибку онъ долженъ былъ дежурить три дня не въ очередь. Вчера онъ въ послѣдній разъ былъ въ караулѣ и нынче въ часъ пополудни будетъ свободенъ. Эти обстоятельства изъясняютъ, почему онъ лично не могъ участвовать въ томъ, что дѣлалъ его бѣдный отецъ, силясь отбиться отъ несчастія, котораго одно ожиданіе сводитъ его съ ума. Сынъ, узнавъ положеніе дѣла, хотѣлъ непременно видѣться съ тобою, но отецъ, испугавшись свиданія, обратился ко мнѣ. Не желая быть зрителемъ или актеромъ въ трагедіи, я предложилъ свое посредство, то есть хотѣлъ предложить его, написавъ въ отвѣтъ отцу то письмо, котораго брѣвонъ тебѣ показывалъ, но котораго не послалъ и не пошлю; вотъ все. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо изъ разговоръ съ тобою вчера убѣдился, что посредство ни къ чему не послужитъ: почему я и не намѣренъ никого подвергать непріятности отказа. Старый Геккернъ такимъ образомъ не узнаетъ, что попытка моя съ письмомъ его не имѣла успѣха. Это письмо будетъ ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свиданіе съ тобою можетъ считаться не бывшимъ,

Все это я написалъ для того, что счелъ святѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать предъ тобою, что молодой Геккернъ во всемъ томъ, что дѣлалъ его отецъ, совершенно посторонній, что онъ также готовъ драться съ тобою, какъ и ты съ нимъ, и что онъ также боится, чтобы тайна не была какъ-нибудь нарушена. Отцу отдать ту же справедливость. Онъ въ отчаяніи, но вотъ что онъ мнѣ сказалъ: *je suis condamné à la guillotine; je fais un recours en grace, si je ne réussis pas, il faudra monter; et je monterai, car j'aime l'honneur de mon fils autant que sa vie.*

Этимъ свидѣтельствомъ роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

ж.

3.

Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже противъ меня несправедливо. Зачѣмъ ты рассказалъ обо всемъ Екатеринѣ Андреевнѣ и Софьѣ Николаевнѣ? Чего ты хочешь? Сдѣлать невозможнымъ то, что теперь должно кончиться для тебя самымъ наилучшимъ образомъ. Думавъ долго о томъ, что ты мнѣ вчера говорилъ, я нахожу твое предположеніе совершенно невѣроятнымъ. И имѣю причину быть увѣреннымъ, что во всемъ томъ, что случилось для отвращенія драки, молодой Г. ни мало не участвовалъ. Все есть дѣло отца, и весьма натурально, чтобы онъ на все рѣшился, дабы

отвратить свое несчастье. Я видѣлъ его въ такомъ положеніи, котораго нельзя выдумать и сыграть какъ роль. Я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что молодой Г. совершенно въ сторонѣ и на это вчера еще имѣлъ доказательство; получивъ отъ отца Г. доказательство матеріальное. что дѣло, о коемъ теперь идутъ толки, затѣяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я далъ ему совѣтъ поступить такъ, какъ и поступилъ, основываясь на томъ, что если тайна сохранится, то никакого безчестія не падетъ на его сына, что и ты самъ не можешь предполагать, чтобы онъ хотѣлъ избѣжать дуэль, который имъ принять именно потому, что не онъ хлопочетъ, а отецъ о его отвращеніи. Въ этомъ послѣднемъ я увѣренъ, вчера еще болѣе увѣрился и всѣмъ готовъ сказать, что молодой Г. съ этой стороны совершенно чистъ. Это я сказалъ и Карамзинымъ, запретивъ имъ крѣпко на крѣпко говорить о томъ, что слышали отъ тебя, и увѣривъ ихъ, что вамъ непременно надобно будетъ драться, если тайна теперь или даже и послѣ откроется. И такъ требую отъ тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у васъ умерла навсегда. Говорю для себя вотъ почему: полагая, что всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ старымъ Геккерномъ, справедливы (въ чемъ я не имѣю причины и нужды сомнѣваться), я сказалъ, что понимаю его, какъ отца, въ правѣ и даже обязаннымъ предупредить несчастье открытіемъ дѣла какъ оно есть; что это открытіе будетъ въ то же время и репарациею того, что было сдѣлано противъ твоей чести передъ свѣтомъ. Хотя я не вмѣшался въ самое дѣло, но совѣтъ могъ дать. Не могу же я согласиться принять участіе въ посрамленіи человѣка, котораго честь пропадетъ, если тайна будетъ открыта. А эта тайна хранится между нами; намъ ее должно и беречь. Прошу тебя въ этомъ случаѣ беречь и мою совѣсть. Если что-нибудь откроется, и я буду это знать, то уже мнѣ по совѣсти нельзя будетъ утверждать того, что неминуемо должно нанести безчестіе. Напротивъ, я долженъ буду подать совѣтъ противный. Избавь меня отъ такой горестной необходимости. Совѣсть есть человѣкъ; не могу же находить приличнымъ другому такого поступка, который осрамилъ бы самого меня на его мѣстѣ. И такъ требую тайны теперь и послѣ. Сохраненіемъ этой тайны ты такъ же обязанъ и самому себѣ, ибо въ этомъ дѣлѣ и съ твоей стороны есть много такого, въ чемъ долженъ ты сказать виноваты! Но болѣе всего ты долженъ ее хранить для меня; я въ это дѣло замѣшанъ неволью и не хочу, чтобы оно оставило мнѣ какое-нибудь нареканіе; не хочу чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать, что я нарушилъ довѣренность, мнѣ оказанную. Я увижусь съ тобою передъ обѣдомъ.—Дождись меня.

4.

Вчера въ вечеру послѣ бала завхаль я къ Вяземскому. Вотъ что а peu près ты сказалъ княгинѣ третьяго дня, уже имѣя въ рукахъ мое письмо: je connais l'homme des lettres anonymes et dans huit jours vous entendrez parler d'une vengeance unique en son genre; elle sera pleine, complete; elle jettera l'homme dans la boue: les hauts faits de Rayeffsky sont un jeu d'enfant devant ce que je me propose de faire и тому подобное.

Все это очень хорошо, особливо послѣ обѣщанія, даннаго тобою Геккерну въ присутствіи твоей тетушки, (которая мнѣ о томъ сказывала), что все происшедшее останется тайною. Но скажи мнѣ, какую роль во всемъ этомъ я играю теперь и какую долженъ буду играть послѣ передъ добрыми людьми, какъ скоро все тобою самимъ обнаружится и какъ скоро узнають, что и моего тутъ меду капля есть? И какимъ именемъ и добрые люди, и Геккернъ, и самъ ты наградите меня, если зна я предварительно о томъ, что ты намъ ренъ сдѣлать, приму отъ тебя письмо, назначенное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидѣтельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится, и что каждаго честь останется неприкосновенною. Хорошо, что ты самъ обо всемъ высказалъ, и что все это мой добрый геній довелъ до меня заблаговременно. Само по себѣ разумѣется, что я ни о чемъ случившемся не говорилъ княгинѣ. Не говорю теперь ничего и тебѣ: дѣлай что хочешь. Но булавочку свою беру изъ игры вашей, которая теперь съ твоей стороны сильно мнѣ не нравится. А если Геккернъ теперь вздумаетъ отъ меня потребовать совѣта, то не долженъ ли я по совѣсти сказать ему: остерегитесь? Я это и сдѣлаю.—Вотъ тебѣ сказка: жилъ былъ пастухъ; этотъ пастухъ былъ и забубенный стрѣлокъ. У этого пастуха были прекрасныя овечки. Вотъ повадился сѣрый волкъ ходить около овчарни. И думаетъ сѣрый волкъ дай-ка съѣмъ у пастуха его любимую овечку; думая это сѣрый волкъ поглядываетъ и на другихъ овечекъ, да и облизывается. Но вотъ узналъ прожора, что стрѣлокъ его стережетъ и хочетъ застрѣлить. И стало это непріятно сѣрому волку, и онъ началъ дѣлать разныя предложенія пастуху, на которыя пастухъ и согласился. Но онъ думалъ про себя: какъ бы мнѣ доканать этого долгохвостаго хахаля и сдѣлать изъ шкуры его дѣтямъ тулупы и кенъги. И вотъ пастухъ сказалъ своему куму: кумъ Василій, сдѣлай мнѣ одолженіе стань на минуту свиньею и хрюканьемъ своимъ вымани сѣраго волка изъ лѣсу въ чистое поле. Я соберу сосѣдей, и мы накинемъ на волка арканъ.—Послушай, братецъ, сказалъ кумъ Василій; ловить волка ты

воленъ; да на что же мнѣ быть свиньей? Вѣдь я у тебя крестилъ. Добрые люди скажутъ тебѣ: свинья де крестила у тебя сына. Нехорошо. Да и мнѣ самому будетъ невыгодно. Пойду-ли къ обѣднѣ, сяду ли съ людьми обѣдать, сложу ли про красныхъ дѣвицъ стихи—добрые люди скажутъ: свинья пошла къ обѣднѣ, свинья сидитъ за столомъ, свинья стихи пишетъ. Неловко. Пастухъ, услышавъ такой отвѣтъ, призадумался, а что онъ сдѣлалъ, право не знаю.

5.

Хотя ты и разсердилъ и даже обидѣлъ меня, но меня все къ тебѣ тянетъ—не брюхомъ, которое имѣю уже весьма порядочное, но сердцемъ, которое живо раздѣляетъ то, что дѣлается въ твоёмъ.— Я приду къ тебѣ между $\frac{1}{12}$ и часомъ; обѣщаюся не говорить болѣе о томъ, о чемъ говорилъ до сихъ поръ и что теперь рѣшено. Но вѣдь тебѣ, можетъ быть самому будетъ нужно что-нибудь сказать мнѣ. И такъ приду. Дождись меня пожалуйста. И выскажи мнѣ все что тебѣ надобно: отъ этого будетъ добро намъ обоимъ.

Ж.

Письма Жуковского къ Пушкину, печатаемые нами, впервые появляются на свѣтъ. Они относятся къ срединѣ ноября 1838 г.: въ кошихъ пятидесятихъ годовъ, съ которой мы ихъ списали, ни одно не датировано. Читатели оцѣнятъ всю важность этихъ документовъ для исторіи послѣднихъ, мучительныхъ мѣсяцевъ жизни Пушкина.

РИСУНКИ

ДВА ИТАЛЬЯНСКИХЪ
ПРИМИТИВА

I. САНО ДИ ПЕТРО. БОГОМАТЕРЬ.

II. НЕИЗВѢСТНЫЙ. СВ. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Литература

... Стихи его для насъ, какъ заученныя съ дѣтства молитвы. Мы такъ привыкли къ нимъ, что уже почти не понимаемъ. Слова дѣйствуютъ, помимо смысла.

Помню, когда мнѣ было лѣтъ 7—8, меня заставляли учить наизусть „Ангела“ изъ старенькой хрестоматіи съ истрепаннымъ, забрызганнымъ чернилами, зеленымъ корешкомъ. Я твердилъ: „По небу полночи“,—не понимая, что „полночи“—родительный падежъ отъ „полночь“; мнѣ казалось, что это—два слова: „по“ и „луночь“. Я видѣлъ картинку, изображавшую ангела, который летитъ по темно-синему лунному небу: это и была для меня „луночь“. Потомъ я узналъ, въ чемъ дѣло; но до сихъ поръ читаю: „по небу, по луночи“,—безсмысленно, какъ дѣтскую молитву.

Есть сила благолатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Я также узналъ, что нельзя сказать: „Изъ пламя и свѣта“,—а надо: „изъ пламени“. Но мнѣ правилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мнѣ Лермонтова.

Потомъ, въ 12—13 лѣтъ я уже для собственнаго удовольствія училъ его наизусть. Переписывалъ „Мцыри“ тщательно въ золото-обрѣзную тетрадку, и мнѣ казалось, что эти стихи я самъ сочинилъ.

Пушкина я тогда не любилъ: онъ былъ для меня слишкомъ взрослый. Лермонтовъ—такой же ребенокъ, какъ я.

Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ.

Вотъ чего Пушкинъ не сказалъ бы ни за что. Взоръ его былъ слишкомъ трезвъ, точенъ и вѣренъ дѣйствительности. Онъ говорить просто:

Послѣдняя тучка разсѣянной бури,
Одна ты несешься по ясной лазури.

Но эта Пушкинская „ясная лазурь“, по сравненію съ бездонно-глубокимъ и прозрачнымъ Лермонтовскимъ небомъ, казалась мнѣ плоской, какъ голубая эмаль.

Съ годами я полюбилъ Пушкина, понялъ, что онъ—великъ, больше, чѣмъ Лермонтовъ. Пушкинъ оттѣснилъ, умалилъ и какъ-то обидѣлъ во мнѣ Лермонтова: такъ иногда взрослые нечаянно обижаютъ дѣтей. Но гдѣ-то, въ самой глубинѣ души, остался уголокъ, неутоленный Пушкинымъ.

Я буду любить Пушкина, пока я живъ; но, когда придетъ смерть, боюсь, что это примиреніе:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять,—

покажется мнѣ холоднымъ, жестокимъ, ничего не примиряющимъ—и я вспомню тогда дѣтскія молитвы, вспомню Лермонтова.

Не потому ли уже и теперь сквозь вечерьющій Пушкинскій день таинственно мерцаетъ Лермонтовъ, какъ первая звѣзда?..

Д. Мережковскій.

„Цѣль поэзіи—поэзія!“
А. Пушкинъ.

I.

Несмотря на то, что съ внѣшней стороны не остается никакого сомнѣнія въ окончательной и безповоротной побѣдѣ въ нашей литературѣ „новаго направленія“ (другими словами,—„декадентства“, „символизма“, „модернизма“), по существу едва ли умѣстно говорить о какой-либо „побѣдѣ“. Русскій символизмъ (какъ оказывается, для многихъ весьма неожиданно) не только не отмѣнилъ, не побѣдилъ какую-то старую школу во имя безконечнаго новаго или „новаго слишкомъ новаго“, а, наоборотъ, явился органическимъ, глубоко-последовательнымъ и неизбежнымъ исторически и психологически дальнѣйшимъ развитіемъ, утонченіемъ и усложненіемъ всѣхъ самыхъ завѣтныхъ, самыхъ глубокихъ и прочныхъ теченій и устремленій русскаго словеснаго творчества. Обнаружилось, что „первые русскіе декаденты“—не варвары, разгромившіе Римъ, а единственные преемники, единственные последователи его вѣковой культуры, представители какъ бы своего рода ренессанса. Достаточно указать на интимную связь романтизма Бальмонта съ романтизмомъ Фета, пластической строфы Брюсова съ твердыми и лишенными всякихъ швовъ строфами Баратынскаго и Тютчева, съ выразительной простотой Пушкина и Лермонтова; достаточно отмѣтить преемственность самыхъ лучшихъ молитвенно-лирическихъ мѣстъ А. Вллага и А. Блока (у послѣдняго даже до текстуальной близости порой) съ сокровенной, мистической лирикой Вл. Соловьева,—увѣ!—не вполне оцѣненной; достаточно уяснить неоспоримую связь лучшихъ образовъ, проникновенно-обыденныхъ, Ѡ. Сологуба со странно-двойственными, реально-фантастическими и бытовыми и, въ то же самое время, внѣ-временными видѣніями Гоголя, а глубокія и страстно-догматическія исканія Д. Мережковскаго! сопоставить съ сверх-литературными исканіями и исповѣданіями классическихъ писателей русскіхъ—Гоголя, Толстого и особенно Достоевскаго, даже, если хотите, съ социальными-мистическими ученіями славянофи-

ловъ,—достаточно этихъ грубыхъ, безспорныхъ сопоставленій, чтобы сразу стала ясной та преемственность, которая существуетъ между тѣми „двумя берегами“ русской литературы, о которыхъ еще такъ недавно кричали всѣ идейные реакціонеры изъ толстыхъ журналовъ, столь же мало имѣвшіе корней въ прошломъ, сколь побѣговъ въ будущемъ.

Кого же отмѣнили и разбили на голову, кого доконали „декаденты“? Критиковъ изъ толстыхъ журналовъ, хранителей авторитетовъ или публицистовъ-фельетонистовъ, специальныя функции которыхъ—приспособлять вѣчное къ литературному завтра, у которыхъ часы всегда лишь съ одной секундной стрѣлкой. Но развѣ возможно отмѣнить пошлость? Развѣ подъ гордо бьющимся новымъ флагомъ не привозятся и теперь все тѣ же залежные товары, на которыхъ измѣненъ только этикетъ? Развѣ критика современныхъ „толстыхъ журналовъ“ чѣмъ-либо отличается отъ своихъ прежнихъ двойниковъ, и развѣ разные „Образованія“, „Современные Міры“—не родные потомки прежнихъ „Артистовъ“, неизмѣнныхъ „Русскихъ Богатствъ“ и т. п.? Развѣ приемы ихъ критики и уровень ихъ культурности измѣнились?

Увы, здѣсь „исконное старье“ не облеклось въ новыя формы. Теперь мы переживаемъ періодъ живого разслоенія временно взбудораженныхъ и случайно перемѣщенныхъ слоевъ русской общественной и литературной мысли. Но какъ поразительно закономѣрно и точно совершается этотъ процессъ! Все больше и больше „толстые журналы“ воротятъ отъ „мистики“ и „эстетства“, т. е. отъ того самаго, отъ чего искони бѣсновались враги гордой пушкинской музыки, враги фетовскаго романтизма и классицизма Майкова, отъ того самаго, отъ чего воротило искони реалистическихъ противниковъ безумно-смѣлыхъ исканій Вл. Соловьева.

А наши обличители „литературныхъ распадовъ“ развѣ не родные внуки „Отечественныхъ Записокъ“ и не является ли для нихъ единственными завѣтными символами все тотъ же „базаровскій лопухъ“? Увы!— все идетъ если не по-старому, то къ старому!.

Скоро снимутся всѣ маски, и мы увидимъ, что для кадетовъ „Русской Мысли“, какъ и для прежнихъ „либераловъ“ не стоятъ ни гроша всѣ новыя мистическія грезы, что для „соціаловъ“ всѣхъ видовъ равно ничего не значать всѣ „символисты“ безъ различія, т. е. значать столько же, сколько раньше значили для „писаревцевъ“ и „михайловцевъ“ всѣ представители чистаго и строгаго искусства.

Мы, считающіе себя поклонниками стараго, какъ міръ, и вѣчно юнаго лозунга самоцѣнности и вѣчности искусства, лишь снова повтореннаго и снова прозвучавшаго, какъ повсемѣст-

ное, громовое эхо, дѣятелями „новаго искусства“ (т. е. „символистами“), мы, не боящіеся и теперь во времена реакціи, какъ мы не боялись заявлять это и во время революціи, во всеуслышаніе повторять, что искусство не можетъ существовать, какъ средство чего бы то ни было, мы считаемъ себя лишь продолжателями того культа Истины, открывающейся въ Красотѣ, который существуетъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ явилось на свѣтъ первое, истинно-художественное произведеніе!

Для насъ „символизмъ“ лишь наша родная, наша интимная, специфически свойственная намъ, съ нашей сложной, больной отъ утонченности и принявшей въ себя весь опытъ прошлыхъ вѣковъ, душой неразрывно слитая, форма постиженія все того же отъ вѣка Единого, Истинно-Сущаго, лишь новая форма поклоненія все той же Красотѣ!

Наша миссія—не варварская, не разрушать академіи, музеи и освященные тысячелѣтіями храмы, а научиться прозрѣвать въ каждомъ изъ нихъ частицы Единого, Невѣдомаго еще Бога и, служа Ему, по-новому, быть можетъ такъ, какъ до сихъ поръ не служилъ еще никто, въ то же время стремиться возсоздать Его образъ, собравъ во-едино всѣ эти, просѣянные черезъ вѣка, отдѣльныя частицы. Наши враги — не частные, односторонніе служители прошлыхъ, кристаллизовавшихся въ руслѣ исторіи формъ, а исключительно тѣ гунны и вандалы, которые, прикрывшись маской „новыхъ исканій“ полюбили лишь одну сторону всякой перемѣны, разрушеніе стараго, тѣ, для которыхъ нѣтъ вообще ни исторіи, ни исходной точки, завѣтный идеаль которыхъ — начать исторію съ года собственнаго рожденія, а методъ—беззащѣтное обѣщаніе всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ синтезовъ, сочетаній и соединеній. Имя этимъ врагамъ—легионъ, но всѣхъ этихъ объединяетъ въ настоящей моментъ одна „идея“: идея о преодолѣніи символизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искусства вообще. Скучно и бесплодно полемизировать со всѣми этими „сверхъ-индивидуалистами“, „мистическими анархистами“, „сверхъ-эстетамъ“, „сборными индивидуалистами“, „мистическими реалистамъ“,—однимъ словомъ, со всѣми этими „мистическими хулиганами“ (пользуясь мѣткимъ выраженіемъ Д. Мережковского).

Мы не думаемъ, чтобы вся эта саранча, всѣ эти тучи москитовъ дожили до будущаго лѣта. Они обречены всѣмъ существомъ дѣла, всѣмъ стремленіемъ историческаго потока современной мысли и творчества. Символизмъ, какъ міровое явленіе, какъ лозунгъ, соединившій два смежныхъ вѣка, не только не изжить, но еще далеко не осознанъ даже тамъ, гдѣ имъ пущены особенно глубокіе корни. Постепенно растущее осознаніе его, точнѣе—самосознаніе, приводитъ

его теоретиковъ къ неожиданнымъ выводамъ, основная тенденція которыхъ—убѣжденіе въ его глубокой, преемственной связи съ самымъ существомъ прежнихъ литературныхъ „школъ“, ощущение глубокихъ идейныхъ корней въ прошломъ.

Кажется теперь все болѣе и болѣе парадоксальнымъ принципиальное, абсолютно-несовмѣстимое противопоставленіе Бодлера Виктору Гюго или Мюссе; все болѣе и болѣе вырисовывается преемственность ученія Маллармэ (особенно его теорія идеальнаго театра) съ фантастическими грезами Р. Вагнера, съ очень многими выводами классической германской философіи (ученіе о системѣ символовъ); О. Уайльдъ все болѣе и болѣе интересуется насъ не какъ „чудовище извращенности“, а какъ самая свѣжая и оригинальная попытка соединенія музыки романтизма съ пластикой эллинизма; въ Ст. Георге, этомъ Эмпедоклѣ современнаго символизма, мы всего болѣе изумляемся, при всей его несравненной оригинальности, его одновременной преемственности въ отношеніи Гете и Бодлера, мистическому тяготѣнію къ еще такъ недавно игнорируемому Данте; намъ не безъ основанія начинаетъ казаться, что даже въ нашихъ снахъ мы уже когда-то бродили въ сумрачныхъ, безконечныхъ залахъ матерликовскихъ „драмъ“; не въ первый разъ романтизмъ и церковная символика слились въ одну цѣльную готическую арку въ трогательныхъ образахъ Роденбаха; и развѣ не рождается въ насъ все большее и большее желаніе найти прочный, незыблемый и уже неоднократно испытанный фундаментъ для нашихъ самыхъ завѣтныхъ и горячихъ исканій въ безсмертныхъ и несравненныхъ страницахъ 3-й книги „Міра“... Шопенгауера?

Съ другой стороны, можемъ ли мы считать уже разрѣшенными основныя проблемы современнаго символизма и связанной съ нимъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“? Развѣ мы уже отыскали ключъ къ разрѣшенію, быть можетъ, самой сложной и наболѣвшей современной проблемы, Ницше-вагнеріанскаго вопроса, особенно теперь, когда едва-едва опубликована интимная исповѣдь Фр. Ницше, его „Ессе homo“? развѣ насталь срокъ отрѣшиться себя отъ плуга Заратустры, проводящаго борозду, быть можетъ, на рубежѣ тысячелѣтій?

Развѣ теоретики символизма и проповѣдники индивидуализма и интуитивнаго познанія творчества успѣли уже съ достоинствомъ отвѣтить на всѣ новые запросы снова возрождающейся философской мысли Европы, нео-кантіанства въ Германіи и нео-гегельянства въ Англіи?..

Общее сознаніе настоящаго момента, связующаго два столѣтія,—во всѣхъ своихъ точкахъ рѣшительно противъ быстраго „преодоленія“ или погребенія всего того, что еще такъ недавно рассматри-

валось, какъ задача столбѣй. Только поверхностное, недобросовѣстное и невѣжественное пониманіе „символизма“, только внѣшняя рецепція этого сложнѣйшаго культурнаго явленія, только слишкомъ скорая и трусливая усталость способны примкнуть къ становящемуся теперь моднымъ лозунгу о „преодолѣніи символизма“, о „гибели эстетизма“ или о „концѣ литературы“.

Когда же этотъ лозунгъ присоединяется вдобавокъ къ явно-клерикальной программѣ или къ замаскированнымъ, кабинетно-безпочвеннымъ и исключительно словеснымъ призывамъ къ „народности“, то онъ становится просто смѣшнымъ!..

II.

И, тѣмъ не менѣе, среди всѣхъ безчисленныхъ криковъ о гибели искусства звучитъ одинъ голосъ, заставляющій насъ невольно прислушиваться къ себѣ, прислушиваться тѣмъ болѣе почтительно и серьезно, что онъ принадлежитъ человѣку, наиболѣе, быть можетъ, изъ всѣхъ переболѣвшему всѣ проблемы и исканія символизма, писателю, внесшему въ его сокровищницу одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ вкладовъ. Наше вниманіе къ этому призыву становится еще болѣе чуткимъ отъ того, что каждое его слово искажается и переиначивается какъ его врагами, такъ въ особенности и его послѣдователями, до полной неузнаваемости, отъ того, что всѣ почти современные „мистическіе хулиганы“, замалчивая [первоисточникъ и, всячески искажая его выводы, безданно и безпошленно черпаютъ изъ него же *. Мы говоримъ о Д. Мережковскомъ.

Среди всѣхъ „сверхъ-индивидуалистовъ“ Мережковскій занимаетъ исключительное, несоизмѣримое ни съ кѣмъ и единственное въ своемъ родѣ мѣсто. Онъ давно уже открыто, благородно и страстно выступилъ противъ того, что было въ значительной степени провозглашено имъ же самимъ, какъ однимъ изъ самыхъ первыхъ „русскихъ символистовъ“. Это самоотрицаніе—не игривость, не случайность, а „дѣло“; это—серьезная и глубокая душевная трагедія. Безъ колебанія, мы сравниваемъ этотъ процессъ самоотрицанія съ душевной драмой Гоголя, сжегшаго продолженіе „Мертвыхъ душъ“, съ глубокими сарказмами Л. Толстого, направленными противъ себя самого. Кто слышалъ простую, живую и непристрастную рѣчь Д. Ме-

* Достаточно прочесть любую программную статью «Золотого Руна» или любую страницу «Покрывала Изиды» Г. Чулкова, чтобы убѣдиться въ справедливость нашихъ словъ.—

режковского, тотъ никогда не забудетъ его внушающаго, содрогающаго душу голоса, звучащаго изъ страшной глубины.

Всѣ этапы этой трагедіи, всѣ ступени этого перехода отъ творческаго созерцанія къ жаднѣ „дѣйства“, къ желанію творить жизнь и переродить современное человѣчество — передъ нами въ послѣдовательныхъ твореніяхъ Мережковского. Не случайность, а неизбѣжность этой драмы очевидна; глубокая преемственность ея съ аналогичными внутренними переворотами въ творествѣ и жизни самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей становится все болѣе и болѣе несомнѣнной. Не даромъ за послѣдніе годы пытливая мысль Мережковского исключительно билась около этихъ заповѣдныхъ и едва ли понятыхъ во всей ихъ интимной глубинѣ трагедій. Другой особенностью Мережковского является его открытая честность: онъ не прибѣгаетъ, подобно многимъ другимъ полу-декадентамъ, полуне-декадентамъ къ смутному, смѣшанному словарю мистикоэстетическихъ комбинацій, — онъ ясно, четко и опредѣленно выступаетъ противъ всей русской современной литературы, обвиняя ее въ легкости и несерьезности. Конечно, мы не согласны съ такимъ огульнымъ обвиненіемъ, зная, что и раньше верхній слой нашей литературы былъ почти хулиганскій; конечно, мы не пойдемъ за нимъ къ Чехову, какъ единственному положительному антиподу всей современной литературы, хотя мы умѣемъ воздать должное этому послѣднему изъ реалистовъ, чутко почувствовавшему вѣянія будущаго; мы не пойдемъ за Чеховымъ именно потому, что помнимъ апокалиптическій призывъ того же Мережковского быть лучше холоднымъ и горячимъ, но не теплымъ, каковымъ въ сущности и былъ всегда и вездѣ А. Чеховъ.

Мы думаемъ, что Мережковскій отъ сильной душевной боли какъ бы ослѣпъ временно и не видитъ спасительныхъ „оазисовъ“, въ пустынѣ современной нашей литературы. Тѣмъ не менѣе, во многомъ, — о какъ во многомъ! — правъ Мережковскій, бичующій современную русскую литературу. Не будемъ спорить съ нимъ о послѣднемъ, но лучше спросимъ его, если наша литература такъ низко пала, и современный читатель, дѣйствительно, чуть ли не папуасъ, то какимъ же образомъ долженъ именно сейчасъ совершиться никогда еще небывалый, почти волшебный, переворотъ общаго сознанія; и переходъ отъ литературы къ жизненному, коллективному „дѣйству“, и къ чему-то почти эсхатологическому? Какимъ образомъ на паденіе и измельчаніе художественнаго творчества можно отвѣтить не призывомъ къ его углубленію и пересмотру, не борьбой съ бактеріями, которыми дышитъ современный „литераторъ“ и читатель, не серьезной работой надъ первоисточниками того теченія, которое мы называемъ современнымъ“, а призывомъ всѣхъ и cadaго къ тому сверхъ-человѣ-

ческому подвигу, о которомъ великіе лишь смутно мечтали, на порывахъ къ которому погибали такіе гени, какъ Р. Вагнеръ, Фр. Ницше. Развѣ гибель Гоголя, практическая тщетность и бесплодность такъ называемой „философіи“ Л. Толстого, извращеніе идей Достоевскаго чуть ли не до смѣшенія ихъ съ „идеями“ нашихъ истинно-русскихъ патріотовъ, превращеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цѣлой мистической системы Вл. Соловьева въ какой-то жалкій компромиссъ синодальнаго стиля, а его социальныя, фантастическихъ грезъ—въ тощую партійную програмку, и многое, многое другое—развѣ все это не является цѣлымъ рядомъ симптомовъ, доказывающихъ лишь одно, а именно: что рано, безумно рано, преступно рано, превращать въ общественное слово, въ проповѣдь, въ коллективный призывъ — то, что живетъ и дышитъ только на высотахъ, на вершинахъ, недоступныхъ толпѣ? О какой „общественности“ безъ массъ и толпы, о какомъ дѣйствіи и безъ конкретной цѣли и опредѣленной программы можно говорить въ настоящее время?

Психологически, индивидуально мы понимаемъ крикъ Мережковскаго, какъ сознаніе, что и онъ дошелъ до края бездны, что и онъ, переживъ всѣ трагедіи индивидуализма, пришелъ къ великому зыбію небытія, къ с а м о о т р и ц а н і ю, подобно многимъ самымъ великимъ вождямъ индивидуализма; а *contra*rio, инстинктивно, быть можетъ діалектически, по гегельянски возопилъ онъ о спасеніи отъ этой бездны черезъ противоположное, черезъ „соборность“, но этотъ крикъ остался и всегда останется неуслышаннымъ той воющей стихіей, которая омываетъ великій утесъ его духовнаго одиночества.

Не первый, не послѣдній Д. Мережковскій убоялся и убьется безумія одиночества, не первый онъ сталъ порываться заговорить съ массой о „сокровенномъ“, не первый онъ останется безъ отвѣта. Не первый онъ не найдетъ словъ для выраженія своего безумнаго порыва „дѣйствовать“, лишь бы не молчать и не быть одному!

Мы говорили все это не со злорадствомъ или хохотомъ, но съ самымъ глубокимъ почтеніемъ и грустью, ибо мы знаемъ неизбѣжный конецъ всѣхъ такихъ не-человѣческихъ исканій, а еще и потому, что и у насъ въ глубинѣ души есть своя бездна, не менѣе ужасная, хотя, быть можетъ, и укрытая нашимъ молчаніемъ*.

Вотъ почему Мережковскій говорить о самыхъ даже „злободневныхъ“ вопросахъ изъ какой-то страшной глубины, которая слѣдуетъ за нимъ, подобно безднѣ Паскаля, всегда зыбшей въ его

* Отрицаая общественное значеніе идей Мережковскаго, мы не сомнѣваемся въ глубочайшемъ индивидуальномъ ихъ значеніи, какъ сложѣйшаго процесса самыхъ мучительныхъ и коренныхъ исканій.

душѣ. Вотъ почему понять смыслъ тѣхъ условныхъ, неизбѣжно-гуманныхъ, несоизмѣримыхъ почти ни съ чѣмъ, жестовъ, значковъ и терминовъ, которыми пытается Мережковскій сигнализировать намъ по поводу сокровеннѣйшихъ переживаній его „внутренняго опыта“ — оказывался возможнымъ лишь частично. Вотъ почему, притягивая почти магически смутнымъ сообщеніемъ намъ какой то скрытой въ немъ великой тайны, онъ роковымъ образомъ отталкиваетъ насъ, лишь начинаетъ говорить о ней, приспособляя свой языкъ къ понятіямъ и терминамъ уже избитымъ, уже обыденнымъ и многосмысленнымъ.

Путь отъ символа къ догмату — вотъ путь Мережковскаго.

Путь отъ созерцанія къ дѣйствию, отъ литературы къ новой церкви.

Въ этихъ формулахъ всѣ слова звучатъ иначе, всѣ термины переопѣнены. Десятилѣтія пройдутъ, прежде, чѣмъ Мережковскій сумѣетъ раскрыть смыслъ главнѣйшихъ изъ нихъ въ достаточной мѣрѣ.

Символически борьба Мережковскаго съ міровымъ зломъ выражается въ борьбѣ съ „чертомъ“.

Однако, и здѣсь онъ впалъ въ роковыя противорѣчія. Съ одной стороны, его борьба съ чертомъ похожа на гоголевскую иронію, высмѣиваніе черта, какъ чего-то серединнаго, грязнаго, комичнаго, шутовскаго, сходнаго даже съ датской собакой, во всякомъ случаѣ — чего то сѣренькаго; съ другой стороны, онъ, видя въ немъ главнога врага всего прекраснаго, главный узелъ всей мерзости и источникъ всѣхъ ужасовъ, — какъ бы соглашается вслѣдъ за христіанствомъ признать въ немъ „князя міра сего“. Какимъ же образомъ „что-то сѣренькое, комичное“ оказывается, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ вселенной и царствуетъ надо всѣмъ? Мы думаемъ что „высмѣиваніе черта“ — плохая штука, что не этимъ способомъ можно спасти свою душу, ибо при этомъ преуменьшается смыслъ міроваго зла, забывается Тотъ, Кто дѣйствуетъ за спиной черта, т. е. Сатана. Послѣдній же, что, впрочемъ, издавна замѣчено поэтами, едва ли можетъ вызвать смѣхъ. Борьба съ Сатаной должна вестись иными путями. Впрочемъ, не лучше ли все-таки Сатана, чѣмъ добрая часть того человѣческаго рода, который мы спасаемъ отъ него, не чужды ли именно ему тѣ низкія формы теплаго зла-добра, которыя горше абсолютнаго зла?

Андрей Бѣлый. Пепель. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Два направленія боролись нѣкогда въ нашей поэзи: на знамени одного написанъ былъ девизъ: чистый эстетизмъ; на знамени другого—общественность и тенденція. Вождемъ перваго движенія былъ Фетъ; второго—Некрасовъ.

Первому направленію суждено было скоро разложиться и затѣмъ явиться въ литературѣ прямо уже антиэстетическимъ факторомъ. Наслѣдники Некрасова покушались окончательно уничтожить поэзію во имя тенденціи. Между тѣмъ, единственная фаланга поэтовъ, за которую было будущее, пошла за Фетомъ: имя Фета — на ихъ знамени; ихъ девизъ — чистый эстетизмъ. Односторонность такого пониманія искусства скоро была признана самими символистами. „Кумиръ Красоты также бездушенъ, какъ и кумиръ Пользы“,—заявилъ Брюсовъ. Бальмонтъ написалъ восторженную статью о Некрасовѣ.

Съ книгой Андрея Бѣлаго „Пепель“ наша поэзія вступаетъ въ еще новый фазисъ развитія. Если символисты начали съ Фета и потомъ равно оцѣнили Некрасова, то теперь равновѣсіе нарушено въ пользу Некрасова.

Большое достоинство книги Бѣлаго въ томъ, что она реально связана съ современностью. Авторъ говоритъ въ предисловіи:

„Въ предлагаемомъ сборникѣ собраны скромные, незатѣйливые стихи, объединенные въ циклы; циклы въ свою очередь связаны въ одно цѣлое: цѣлое—безпредметное пространство, и въ немъ оскудѣвающій центръ Россіи. Капитализмъ еще не создалъ у насъ такихъ центровъ въ городахъ, какъ на Западѣ, но уже разлагаетъ сельскую общину; и потому-то картина растущихъ овраговъ съ бурьянами, деревеньками — живой символъ разрушенія и смерти патриархальнаго быта. Эта смерть и это разрушеніе широкой волной подмываютъ села, усадьбы; а въ городахъ вырастаетъ бредъ капиталистической культуры“.

Подобно Некрасову, подобно Мусоргскому, Андрей Бѣлый является здѣсь пѣвцомъ забитаго, обиженнаго человѣка. Вотъ телеграфистъ „стрекочетъ депешами“ и „колесо докучливое вертитъ“, а

Дѣтишки бьются въ школѣ
 Безъ книжекъ (гдѣ ихъ взять!);
 Съ семьей прожить легко ли
 Рублей на двадцать пять:—
 На двадцать пять цѣлковыхъ —
 Одежа, столъ, жилье.
 Въ краяхъ сырыхъ, суровыхъ
 Тянись, жите мое!

Вотъ каторжникъ, бѣжавшій изъ острога, бросается въ Волгу.
 Вотъ арестанты, бѣжашіе изъ тюрьмы, вспоминаютъ, какъ:

Заковали ноги намъ
 Въ цѣпи.
 Вспоминали по утрамъ
 Степи,
 За рѣшеткой въ голубомъ
 Быстро ласточки скользили.
 . . . . .
 Приносилъ намъ сторожъ водки.
 Тихій вечеръ золотилъ
 Окно ржавыя рѣсетки.

Эти отверженные способны къ нѣжнымъ и теплымъ чувствамъ.
 Трогательна пѣсня плотника, который видитъ „въ окнѣ, изъ-за
 банокъ, взглядъ подружки“, „поступившей въ услуженіе къ прачкѣ“.
 Вотъ закипающая нѣгою и зноемъ сцена свиданія „подъ плетнемъ—
 навѣсцемъ малымъ“...

Таетъ трепеть словъ медовыхъ
 Въ трепетныхъ устахъ —
 Въ блѣднорозовыхъ, въ вишневыхъ
 Въ сладкихъ лепесткахъ.

Вотъ злая пѣсня ревности и мести. И, наконецъ, „Висѣлица“,
 быть можетъ, самое сильное стихотвореніе книги, гдѣ звучатъ ноты
 некрасовскаго „Огородника“.

Не менѣе удачно изображенъ и „бредъ капиталистической куль-
 туры“ въ стихахъ „Маскарадъ“, „Праздникъ“ и др. Ядомъ разла-
 гающагося быта пропитаны всѣ стихи въ отдѣлѣ „Паутина“. Воз-
 духъ дворянскихъ парковъ, домовъ съ мраморными колоннами, со
 „старушкой, разрѣзающей тортъ“ и лакеемъ Акакіемъ, „боящимся
 ночныхъ громилъ“,—все это отравлено какъ бы дыханіемъ незримаго
 вампира, который иногда показывается то въ видѣ паука, высасы-

вающаго муху, то въ видѣ горбуна „съ угарнымъ запахомъ папирсъ“, „съ восковымъ лбомъ“ и въ „ярко-огневомъ галстухѣ“.

Такъ противопоставлены въ сознаниі поэта эти два міра: міръ городского пролетаріата и крестьянства, гдѣ среди безконечнаго страданія вспыхиваетъ пламя дѣйствительной жизни со страстями и радостями, и міръ аристократіи и капитализма, гдѣ жизнь давно уже умерла и на мѣстѣ великолѣпнаго маркиза тащится уродъ-вампиръ съ „угарной папирсой“. Но и тутъ нѣтъ-нѣтъ, да и запоетъ элегическая красота прошлаго, и мы различимъ пушкинскую метрику:

Тамъ въ бирюзовую эмаль
Надъ старой озлащенной башней
Касатка малая влетитъ —
И заюлить, и завизжитъ,
Не помня о грозѣ вчерашней:
За ней другая — и смотри:
За ней, повизгивая околь,
Въ лучахъ пурпуровой сари
Надъ глянцею колокольныхъ стеколъ —
Вся черная ея семья..

Россія съ ея разложившимся прошлымъ и нерожденнымъ будущимъ, Россія, какой она стала послѣ Японской войны и подавленной революціи — вотъ широкая тема трепещущей современностью книги Андрея Бѣлаго.

Недостатковъ въ книгѣ Андрея Бѣлаго много. Онъ неумѣренно пользуется слишкомъ звонкими приемами, алитераціями. Слишкомъ часто встрѣчаются: лапотъ—окопачъ, росахъ—посохъ, утонешъ—Воронежъ, сырости—вырости, Кіевъ—зміевъ, бродили—лилій, околь—стеколъ, лисій—выси, миѳомъ—лифомъ (!?!), погibli—библий и т. д. Безплодно хотеть стать приемой созвучіе—столицу—висѣлицу (64). И можно ли, не подавившись, прочесть стихъ:

Внизъ изъ избъ идуть?

Къ оригинальнымъ недостаткамъ Андрея Бѣлаго относится злоупотребленіе будущимъ многократнымъ, напр.:

Злое поле жуткимъ лаемъ
Всхлипнетъ за селомъ.

Надо бы: всхлипываетъ. При будущемъ получается ненужный отгѣнокъ многократности: нѣтъ-нѣтъ, да и всхлипнетъ. Примѣровъ такого будущаго много: просверкаетъ, тукнетъ, взмоется, прокружится, исчертитъ, взвѣетъ и т. д.

Андрей Бѣлый идетъ за Некрасовымъ въ изображеніи скорби народной. Въ безотраднѣхъ краскахъ является ему Россія.

И кабакъ, и погостъ, и ребенокъ,
Засыпающій тамъ у груди: —
Тамъ — убогія стаи избенокъ,
Тамъ — убогія стаи людей.

Характерно, что поэтъ видитъ въ Россіи все, что видѣлъ Некрасовъ, все, кромѣ храма, о камни котораго бился головой поэтъ народнаго горя. „Скуднаго алтаря“, „дяди Власа“, „апостола Павла съ мечемъ“ нѣтъ въ книгѣ Андрея Бѣлаго. Правда, есть дьяконъ, но:

Гомилетика, каноника —
Раздувай—дува—дувай, моя гармоника!

Это — озлобленный Некрасовъ „Послѣднихъ пѣсенъ“ и „Кому на Руси жить хорошо“.

Книга Андрея Бѣлаго называется „Пепель“. Пепель чего? Прежнихъ субъективныхъ переживаній поэта или объективной дѣйствительности,—пепель Россіи? И того, и другого. И если суждено поэту, подобно Фениксу, возстать изъ пепла для новыхъ пѣсенъ жизни и утвержденія, то будущая его книга можетъ быть только о „Богѣ угнетенныхъ, Богѣ скорбящихъ, Богѣ поколѣній, предстоящихъ предъ этимъ скуднымъ алтаремъ“. Безъ этого Бога и Россія, и народность, и наша личность могутъ быть только горстью „пепла“.

Сергѣй Соловьевъ.

Георгій Чулковъ. Покрывало Иѣиды. Критическіе очерки. Изданіе журнала „Золотое Руно“. Москва. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Со словомъ надо обращаться честно: оно есть высшій даръ“... Это изреченіе припоминается мнѣ невольно, когда перелистываю появляющіяся теперь вновь и вновь книги петербургскихъ модернистовъ. Слова все такія важныя; не противъ словъ самихъ по себѣ хочется спорить: противъ сочетанья словъ: оно такое пустое. Представьте себѣ списочекъ терминовъ изъ словаря: „символизмъ, реализмъ, агностицизмъ“ и т. д. Представьте себѣ такое сочетанье изъ терминовъ, чтобы медицинскій терминъ встрѣчался рядомъ съ терминомъ философскимъ, соединенный какимъ-нибудь публицистическимъ словечкомъ изъ газеты. Вы скажете: „Ужасное сочетаніе“. Я повторю это за вами. Не ждите отъ г. Чулкова „ужасныхъ“ сочетаній словъ. Фразы г. Чулкова имѣютъ смыслъ, взятыя порознь. Правда, встрѣчаются у него выстрѣлы словечками въ родѣ „Грааль“ и тутъ же тремя строчками выше „свобода общественная“;

но такой винегретъ, надо сознаться, не всегда характеренъ для г. Чулкова. Повторяю: не ждите отъ г. Чулкова пустыхъ сочетаній словъ. У него пустое сочетанье страницъ. И это хуже откровенной „чепухи“. Откровенная „чепуха“ невинна хотя бы уже потому, что она никого не проведетъ. Злостная „чепуха“, прикрытая смысломъ, куда нестерпимѣе: она обманываетъ, прикидываясь тѣмъ или инымъ идейнымъ содержаніемъ, той или иной глупокомысленной фразой.

Г. Чулковъ поступаетъ ловко, страницами пересказывая или просто списывая изъ Владиміра Соловьева, Мережковского, Ницше, Бакунина и т. д. Если принять во вниманіе, что есть разрядъ читателей, забывающихъ только-что прочитанное, требующихъ только того, чтобы во время самого процесса чтенія звучали бы умныя, широковѣщательныя слова, то г. Чулковъ поступаетъ весьма ловко: онъ рассчитываетъ на то, что фразы его не станутъ сопоставлять. Вотъ, напримѣръ, на страницѣ 22-ой онъ повѣствуетъ объ антиноміяхъ нашего разума, поправляя Канта мистицизмомъ Вл. Соловьева; а абзацомъ ниже на той же страницѣ толкуетъ о мнѣотворчествѣ, о мистеріяхъ, объ Озирисѣ, Горѣ, Аксиокерсахъ, о Деметрѣ, о Персефонѣ, о Діонисѣ, чтобы, начавъ страницу 23-ю упоминаніемъ о Софін, Христѣ распятомъ, продолжить ее заявленіями о „кризисѣ индивидуализма“ и окончить современной общественностью. Не правда ли, г. Чулковъ весьма остроуменъ? Кто станетъ спорить, что разсужденія Канта „О діалектическихъ умозаключеніяхъ чистаго разума“ (2-ая книга „Діалектики“) — разсужденіе серьезное, что критика Канта Вл. Соловьевымъ интересна, что по вопросу о самоэракійскихъ мистеріяхъ существуетъ литература, и что тенденція переоцѣнки современныхъ соціологическихъ ученій существуетъ дѣйствительно? И вотъ, опираясь на всѣ эти несомнѣнности, г. Чулковъ на 70 строчкахъ поднимаетъ и рѣшаетъ вопросы морали, религіи, общественности и теоріи знанія. „А хъ-какой образованный этотъ г. Чулковъ! — воскликнетъ наивный читатель, — соглашайтесь или не соглашайтесь съ нимъ, но онъ читалъ Канта, Соловьева, Маркса и т. д. и т. д.“ Вотъ на что бьетъ г. Чулковъ. Знаетъ ли онъ дѣйствительно то, чего касается, — не знаю: „сумлѣваюсь штопъ“. Знаю только одно, что и о Кантѣ, и о мистеріяхъ, и о Христѣ, и о Марксѣ говоритъ онъ словами послѣдней книжки „Золотоу Руна“ „Вѣсовъ“ и т. д., гдѣ пишутъ и о Кантѣ, и о мистеріяхъ, и объ индивидуалистахъ писатели, изучавшіе Канта, самоэракійскія мистеріи, индивидуалистовъ. И поелику г. Чулковъ имѣетъ тенденцію присваивать себѣ мысли писателей, обратившихъ на себя вниманіе, то и мысли г. Чулкова имѣютъ видимый интересъ при ихъ абсолютной пустотѣ.

Я не преувеличиваю. Чтобы слова мои не были голословны, открываю страницу книги г. Чулкова и читаю: „Стефанъ Маллармэ умеръ въ 1898 году...“ Что правда, то правда... Читаю далѣе: „Много событій совершилось за это время...“ Опять-таки правда: каждый годъ совершается много событій. Читаю далѣе: „Славянскій мѣръ, предвосхитившій въ лицѣ Достоевскаго и Тютчева сокровенное символизма“... Останавливаюсь и размышляю: г. Чулковъ вѣрно подмѣчаетъ связь нѣкоторыхъ идей и образовъ символистовъ съ идеями Достоевскаго и образами Тютчева; только по существу вѣрная мысль заимствована изъ 1-го тома книги Д. С. Мережковскаго „Левъ Толстой и Достоевскій“ безъ указанія источника... Читаю далѣе: „Славянскій мѣръ... выходитъ изъ декадентскаго лабиринта...“ Опять-таки вѣрно: только мысль эта принадлежитъ тому же Д. С. Мережковскому, у котораго особенно ярко она выражена въ его книгѣ: „Не мѣръ, но мечъ“: Г. Чулковъ опять ни слова о Мережковскомъ: все о себѣ и отъ себя. Читаю далѣе: „Мы уже не можемъ удовлетвориться формулами..., которыя предложили... теоретики новаго искусства... Афоризмы Маллармэ для насъ воистину лишь „разбродъ“. Опять-таки при всемъ желаніи спорить съ г. Чулковымъ я не могу съ нимъ спорить: высказанную мысль развивали въ „Вѣсахъ“ въ теченіе пяти лѣтъ въ рядѣ статей и замѣтокъ. Читаю далѣе: „Въ нихъ“ (т. е. въ афоризмахъ Маллармэ) еще нѣтъ той цѣльной эстетики, которой жаждетъ современная душа...“ Соглашаюсь и тутъ: цѣльная эстетика — лозунгъ идейной группы „Вѣсовъ“. Далѣе: „У насъ сложилось теперь прочное убѣжденіе, что на идеализмъ... построить цѣльной эстетики нельзя“... Не у васъ, г. Чулковъ, а у В. И. Иванова, высказавшаго свое убѣжденіе въ статьѣ „Двѣ стихіи современнаго символизма“.

Не стоитъ продолжать: вся книга г. Чулкова есть кружево изъ чужихъ мыслей, чужихъ выстраданныхъ убѣжденій; убѣжденія эти присваиваетъ г. Чулковъ съ легкостью поразительной. „Мы съ Кантомъ, Вл. Соловьевымъ, Ницше и В. Ивановымъ утверждаемъ то-то, и то-то“, кричитъ онъ каждой своей страницей. И поскольку Ницше, Кантъ, Соловьевъ и Ивановъ—писатели, вовсе не совпадающіе другъ съ другомъ, постольку г. Чулковъ, объединившій въ себѣ всѣ эти имена, вовсе не совпадаетъ самъ съ собой. „Аксиокерсъ“ у него не мирится со Христомъ, безрелигіозность его мистики не мирится съ не безрелигіозностью утвержденной соборнаго творчества. Анализировать бессистемное „попури“ изъ чужихъ мыслей нѣтъ никакой возможности. Основная же мысль (символизмъ возможенъ, какъ реалистическій символизмъ) раздѣляется веѣми (по существу противоположными) представителями новаго искусства. Мережковскій, Ивановъ, Брюсовъ высказали ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Она развита еще въ 1904 году въ „Миръ Искусства“. Г. Чулковъ это прекрасно знаетъ самъ: но онъ безсовѣстно спекулируетъ съ чужими мыслями.

З и г м у н д ъ .

Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1908 годъ. Книга XXIV. С.-Пб. Цѣна 1 р.

Главный интересъ настоящаго сборника, конечно, въ новой повѣсти Горькаго „Жизнь ненужнаго человѣка“ (заграницей вышедшей уже въ отдѣльномъ изданіи). Послѣ неоднократныхъ и неудачныхъ опытовъ въ драматической формѣ, послѣ всякихъ „Дѣтей солнца“, „Дачниковъ“, „Варваровъ“ и т. д. Горькій опять возвращается къ старому, къ повѣсти, и это возвращеніе все болѣе приобрѣтаетъ характеръ возрожденія. Появившаяся этимъ лѣтомъ повѣсть „Исповѣдь“ — сильная, яркая, подлинно-живая вещь, съ несомнѣнностью доказывающая, что Горькій далеко еще не „умеръ“, какъ возгласила-было критика, что, наоборотъ, его душа и творчество тѣсно связаны съ жизнью и современностью, что онъ еще очень способенъ быть тѣмъ художественнымъ медиумомъ, который нуженъ жизни, чтобы проявлять свой истинный обликъ и смыслъ. Все это вполне подтверждаетъ помѣщенное въ настоящемъ сборникѣ начало „Жизни ненужнаго человѣка“. И здѣсь захватываетъ творчески-созидающая сила художника, богатство его многоопытной и умудренной наблюдательности, большая проникновенность психологическихъ конструкций. Въ повѣсти встрѣчается нѣсколько яркихъ и красивыхъ описаній, какъ, напр., города въ дали туманнаго утра (стр. 16), деревенскаго пожара (стр. 13) и др. Сильной рукой вытѣплены фигуры стараго сыщика, Рансы, Доримедонта.

Кромѣ „Жизни ненужнаго человѣка“ въ книгѣ напечатанъ еще убійственно длинный, пошлый, фельетонно-плоскій „романъ для театра“ (что-то вродѣ комедіи) Амфитеатрова — „Княгиня Настя“, два посредственныхъ перевода изъ Рихарда Демеля („Демонъ желаній“ и „Освобожденный Прометей“), снабженные наивнымъ предисловіемъ, и четыре строго выдержанныхъ, хотя нѣсколько холодныхъ сонета Ив. Бунина...

Викторъ Гофманъ.

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Современный Миръ“ за июль—декабрь 1908 г.

Передъ нами три толстыхъ журнала,—три кита россійской либеральной журналистики. Громкія названія даютъ читателямъ право предполагать, что въ этихъ объемистыхъ сѣрыхъ книгахъ таится цѣйствительное „богатство“, что „современный миръ“ подлинно отразился въ почтенной грудѣ солидныхъ томовъ,—если не весь, то въ наибольшей своей части. И, однако, опытъ многихъ лѣтъ доказываетъ совершенно обратное. Чѣмъ дольше существуютъ заслуженные журналы, тѣмъ годъ отъ году все безнадежнѣе и скучнѣе ихъ внутренній миръ, тѣмъ все бездарнѣе и худосочнѣе ихъ содержаніе. И они становятся похожи уже не на часовыхъ, оберегающихъ хотя пустой, но все же „славный“ постъ, а на дряхлыхъ сановниковъ, сданныхъ за негодностью въ Государственный Совѣтъ.

Начнемъ съ консервативнѣйшаго лейбъ-органа нашей либеральной интеллигенціи,—„Русскаго Богатства“. Здѣсь попрежнему все обстоитъ благополучно. Тѣ же, никому невѣдомые, судя по именамъ, разные, но какъ будто все одни и тѣ же, за двадцать лѣтъ почти не измѣнившіеся беллетристы, описывающіе по требованію моды то поповъ, то казаковъ, то мастеровыхъ, и съ аккуратностью пишущей машины поставляющіе ежегодно нужное число страницъ. Тѣ же составители ризованныхъ строчекъ, именующіе себя „поэтами“, изъ твореній которыхъ никто никогда не въ состояніи привести ни одного стиха на память; тѣ же, никогда никѣмъ не читаемыя громоздкія статьи, то выдвигаемыя въ качествѣ тяжелой артиллеріи, то играющія роль тупыхъ полемическихъ стрѣлъ.

Въ послѣднихъ шести книгахъ „Русскаго Богатства“ свѣжему человѣку буквально не на чемъ остановиться. Какъ будто съ головой погружаешься въ рыхлый хламъ или дышишь воздухомъ затхлыхъ погребовъ, гдѣ свалены въ одну кучу убогіе лубочные манекены, истертые и затрепанные за долгіе года. Когда тщетно пытаешься выбрать что-нибудь выдающееся изъ обильной массы печатнаго матеріала, то по привычкѣ останавливаешься на „именахъ“. Самое

значительное имя „Русскаго Богатства“—это, конечно, имя г. Вл. Короленки. Этотъ, раздутый кружковой критикой, типично-провинціальный „быто“ - писатель - интеллигентъ, уже лѣтъ пятнадцать какъ заткнулъ начавшій изсякать фонтанъ своего писательства, окончательно перейдя на амплу журналиста. Неизвѣстно, за личныя ли свои добродѣтели, за гражданское ли постоянство, или за авторскія заслуги, — г. Короленко пользуется всероссійскимъ уваженіемъ и молчаливой славой. О немъ не говорятъ и его почти не читаютъ,— это правда, но признаютъ его всѣ, даже Академія Наукъ. Блестящая карьера г. Короленко совершилась, благодаря удачному стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ. Первые его произведенія, несмотря на всю свою приторность, обнаружили въ авторѣ такъ называемую „искру“, а народническія тенденціи помогли раздуть эту искру съ подвѣтренной стороны, чѣмъ и обратили на молодого беллетриста общее вниманіе. Но самъ г. Короленко раньше своихъ почитателей понялъ, что его „искрѣ“ никогда не удастся превратиться въ пламень, а потому, опять-таки во-время предпочелъ жечь людскія сердца глаголомъ публициста. Едва ли не послѣднія вспышки этой творческой искры представляетъ нудная „Исторія моего современника“. Можно догадываться, что многое почерпнуто авторомъ изъ собственныхъ воспоминаній, особенно, если вспомнить старый рассказъ г. Короленко „Въ дурномъ обществѣ“. Воспоминанія эти могли бы быть интересны, если бы ихъ не портила старая „беллетристическая“ привычка — вводить въ текстъ длинныя описанія природы и вымышленныя бесѣды,—привычка, сдѣлавшая изъ нихъ нѣчто среднее между мемуарами и рассказомъ. Въ общемъ, повѣсть-воспоминаніе г. Короленки оставляетъ томительно-скучное впечатлѣніе и какъ нельзя болѣе соответствуетъ общему сѣрому тону всего журнала.

Другой столпъ „Русскаго Богатства“ — г. Елпатьевскій—далъ еще болѣе нудное и скучное описаніе Италіи или, вѣрнѣе, политическихъ и общественныхъ настроеній, которыя ему пришлось наблюдать въ этой странѣ. Болѣе достойнаго вниманія ему ничего не удалось тамъ примѣтить. Замѣчательно, что и г. Елпатьевскій, вытряхнувъ изъ себя послѣднія впечатлѣнія сибирскихъ страховъ, давно уже превратился въ зауряднаго и узкаго публициста.

Довольно любопытенъ по содержанію очеркъ г-жи Е. Водовозовой „Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго“. Правда, г-жа Водовозова, подобно своимъ коллегамъ по журналу, не жалѣетъ черныхъ красокъ, описывая Смольный институтъ, о которомъ прежними институтками оставлены гораздо болѣе сочувственныя воспоминанія,—но сильная фигура знаменитаго педагога, ярко очерченная въ запискахъ г-жи Водовозовой, возбуждаетъ невольный

интересъ. Въ письмахъ изъ Англїи г. Діонео наиболѣе привлекаетъ вниманіе одно,—едва ли не самое интересное—объ О. Уайльдѣ.

Роль балласта въ журналѣ играютъ... а, впрочемъ, о балластѣ „Русскаго Богатства“ врядь ли надо говорить, такъ какъ весь журналъ ничто иное, какъ огромный балластъ на аэростатѣ русской литературы.

Но любопытные отгѣнки принимаетъ порой этотъ балластъ. Извѣстно, напримѣръ, что гг. критики изъ „Русскаго Богатства“ очень не любятъ представителей новаго искусства. Но совершать плагіаты въ области новой поэзіи почтенной редакціи не кажется предосудительнымъ. Приводимъ начальныя строки двухъ стихотвореній, принадлежащихъ перу присяжной поэтессы „Русскаго Богатства“ г-жи Ады Чумаченко (ноябрь, стр. 175—6):

За синѣющія горы свѣтлый день ушелъ отъ насъ,
Онъ помедлилъ на вершинахъ, улыбнулся и угасъ.
Но затеплилъ, умирая, онъ улыбкой золотой
Молодой прозрачный мѣсяцъ надъ зеркальною водой...

Ужъ первыя свѣтлыя звѣзды
Дрожать, опрокинуты въ морѣ,
Уставшемъ отъ блеска дневного
И слившемся съ далью небесъ;
И птицы вернулись въ гнѣзды,
И вспыхнулъ маякъ въ Ай-Тодорѣ,
И близокъ приходъ голубого
Желаннаго мига чудесъ...

Что это, какъ не грубая пародія на Бальмонта и на „Вечеровыя пѣсни“ Брюсова?

Въ „Русской Мысли“ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Въ то время, какъ „Русское Богатство“ упорно продолжаетъ „все въ той же позиціи на камнѣ сидѣть“, московскій журналъ еще года два назадъ счелъ нужнымъ сойти съ „поста“ и вмѣшаться въ жизнь. Первыя попытки его въ этомъ направленіи оказались не совсѣмъ удачными. Правда, за эти два года въ „Русской Мысли“ иногда мелькали имена Брюсова, Бальмонта, Мережковскаго, Гиппіусъ, Сологуба, но наряду съ ними продолжали печататься, казалось бы, совершенно несомѣстимые, прежніе сотрудники, примыкавшіе къ прямо противоположному направленію. Редакція, очевидно, хотѣла изловить сразу двухъ зайцевъ, съ намѣреніемъ угодить, какъ старымъ, такъ и новымъ читателямъ. Но смѣшать масло съ водой до сихъ поръ еще никому не удавалось, и немудрено, что книжки „Русской Мысли“ до послѣдняго времени представляли собою курьезный хаосъ. Въ са-

мое же послѣднее время на смѣну старымъ сотрудникамъ выступилъ новый рядъ лицъ, ровно ничѣмъ себя не ознаменовавшихъ въ литературѣ. Въ прежнія времена на страницахъ „Русской Мысли“ помѣщали свои произведенія (не говоря о покойныхъ Случевскомъ, Чеховѣ, Лѣсковѣ) гг. Боборыкинъ, Альбовъ, Маминъ-Сибирякъ. Мы далеки отъ мысли считать названныхъ писателей незамѣтными или ставить ихъ въ ряды крупныхъ талантовъ, но при видѣ явившейся имъ на смѣну „молодежи-модернъ“ невольно вспоминается поговорка: „промѣняль кукушку на ястреба“. Чѣмъ гг. Забѣжинскіе, Стражевы, Годины, Городецкіе, Муни, Зиловы etc. талантливѣе и „новѣе“ хотя бы г. Ладыженскаго, и чѣмъ гг. Первухинъ, Сахновскій и Малахіева-Мировичъ „выше“ г. Баранцевича или г. Тимковскаго? Еще вопросъ, чьи имена дольше запомнятся исторіей русской литературы.

Во второмъ полугодіи „Русской Мысли“ слѣдуетъ отмѣтить два интересныхъ разсказа г. А. Ремизова—„Судъ Божій“ и „Царевна Мыра“. Въ нихъ г. Ремизовъ уже не щеголяетъ своей чрезмѣрно-стильной изощренностью, но оба разсказа, въ особенности послѣдній, написаны въ свѣжихъ, искреннихъ тонахъ. Думается, что г. Ремизовъ въ послѣдствіи развернется въ настоящаго современнаго бытовика.

Интересенъ разсказъ К. Д. Бальмонта „Воздушный путь“. Онъ субъективенъ, какъ все, что пишетъ Бальмонтъ и въ качествѣ талантливо изложеннаго „человѣческаго документа“ имѣетъ нѣкоторую цѣнность, но какъ беллетристическая попытка лирика врядъ ли можетъ быть признанъ вполне удачнымъ.

Изящны стихотворенія Н. Гумилева. Безцвѣтны и безсодержательны анекдотики г. Осипа Дымова.

Во второмъ отдѣлѣ характерно разнообразіе именъ. Тутъ и Волжскій, и Бердяевъ, и Струве, и Мережковскій, и Лурье, и Тверской, и Гипсіусъ. Живописны, но нѣсколько односторонни критическіе фельетоны г. Айхенвальда. Надо ожидать, что съ этого года „Русская Мысль“ приметъ, наконецъ, опредѣленную программу. Руководительство Д. С. Мережковскаго въ отдѣлѣ беллетристики можно только привѣтствовать.

Что касается „Современнаго Мира“, то этотъ солидный органъ россійскаго марксизма въ отношеніи литературныхъ новшествъ давно уже избралъ надежную позицію, дающую возможность почти навѣрняка угодить и нашимъ, и вашимъ. Печатавъ въ крупныхъ дозахъ общепризнанные на всемъ лѣвомъ флангѣ стихи Бальмонта, редакция въ то же время радушно открываетъ объятія „молодымъ силамъ“. Но радушіе это только кажущееся. Въ силу пословицы, „по платю встрѣчаютъ“, почтенный журналъ отдаетъ предпочтеніе только тѣмъ писателямъ, въ произведеніяхъ которыхъ замѣчается

такъ или иначе выраженный уклонъ къ гражданственности. Оттого-то „Современный Міръ“ такъ любитъ помѣщать на своихъ страницахъ стихи добродѣтельныхъ особъ обоого пола, надежно зарекомендовавшихъ себя въ либеральномъ участкѣ—гг. Башкина и Лукьянова, г-жъ Галиной и Чюминой. По части беллетристики здѣсь упражняются гг. Купринъ, Юшкевичъ, Арцыбашевъ, Гусевъ-Оренбургскій и многіе прочіе, имъ подобные.

„Шуточное представленіе“ г. Леонида Андреева „Любовь къ ближнему“ — вещь, прямо чудовищная по своей безвкусицѣ, доходящей порой до комизма. Это какое-то сытно-самодовольное бормотаніе „генія“, объѣвшагося своей славой. Цѣль „представленія“—высмѣять праздное любопытство курортной публики. Это лишь внѣшняя оболочка, за которой, вѣроятно, должно прятаться глубочайшее содержаніе. Тѣмъ не менѣе, братья за разгадку андреевской аллегоріи или символа (г. Андреевъ полагаетъ, что это одно и то же) мы не рѣшаемся, предоставляя это поучительное занятіе охотникамъ до ребусовъ и шарадъ.

Г. Купринъ на трехъ страничкахъ изложилъ въ назиданіе потомству свою мимолетную встрѣчу съ Толстымъ на пароходѣ. Все, что онъ успѣлъ по этому поводу „продумать“ между вторымъ и третьимъ звонкомъ, сводится въ сущности къ тому, что „сладко и цѣнно чувствовать и себя также человѣкомъ въ то время, когда живетъ этотъ удивительный человѣкъ“ (т. - е. Л. Толстой). Въ общемъ же, было „смѣшно и трогательно“, какъ все, выходящее изъ подъ пера г. Куприна.

Пожалуй, всего интереснѣе въ „Современномъ Мірѣ“ романъ г. Потапенки „Ужасъ счастья“. По крайней мѣрѣ, это обширное произведеніе написано безъ особыхъ претензій.

Обычные выкрутасы г. Сергѣева-Ценскаго въ разсказѣ „Небо“, на этотъ разъ довольно вялы. Пѣвецъ Бабаева, видимо, чувствуетъ нѣкоторое утомленіе; должно быть „Береговое“ истощило всю его изобрѣтательность,—по крайней мѣрѣ, на лицахъ его героев не видно уже ни калитокъ, ни поросятъ, а замѣчается даже нѣкоторое поползновеніе къ простотѣ. Вѣрнѣе, это лишь временный отдыхъ исплясавшагося танцора и, лѣниво перебирая струны балалайки, г. Ценскій только готовится снова задать разухабистаго трепака.

Мертвою сочиненностью вѣетъ отъ романа г. Осиповича „Логика“, написаннаго на избитую тему о еврейскомъ юношѣ, который, пламенѣя вѣрой, „ищетъ“, претерпѣваетъ и находитъ, наконецъ, преждевременную смерть. Стилъ романа—плохое клише подъ „Пшибшевскаго“.

Во все продолженіе этого краткаго обзора, когда намъ впервые пришлось по обязанности перечитать необозримую массу печатной

бумаги,—навязчиво лѣзла въ голову обидная мысль: да неужели же наша такъ называемая интеллигенція дѣйствительно до такой степени оскудѣла, что въ серьезъ принимаетъ этотъ хламъ за свое умственное „богатство“? Право, въ концѣ концовъ интереснѣйшими журналами въ наше время остаются „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Историческій Вѣстникъ“. Въ высшей степени знаменательно преобразование „Вѣстника Европы“, единственнаго у насъ культурнаго журнала, въ историческій ежемѣсячникъ, лишь по привычкѣ слѣдящій за современностью. Тамъ, въ прошломъ, были люди, которые умѣли придавать своимъ словамъ непрерываемый смыслъ и значеніе на долгіе годы. Теперешніе же „современные міры“ — эти, мнящіе себя „последними словами“, склады кустарныхъ издѣлій, не переживаютъ и одного года, какъ залежавшійся товаръ, спускаемый „по дешевкѣ“ невзыскательному потребителю.

P t y r.

„Старые Годы“. Ноябрь—декабрь 1908 г.

Последній за истекшій годъ выпускъ „Старыхъ Годовъ“ всецѣло посвященъ устроенной редакціей журнала выставкѣ старыхъ мастеровъ. Какъ извѣстно, благодаря кознямъ и интригамъ quasi-„любителей искусства“, прикрывшихся какими-то противопожарными полицейскими предписаніями, выставка эта должна была закрыться сейчасъ же послѣ оффиціального ея открытія. Только что разосланный двойной выпускъ „Старыхъ Годовъ“ представляетъ собой объемистый томъ съ множествомъ прекрасно исполненныхъ иллюстрацій и рядомъ статей Джемса А. Шмидтъ, барона Н. Врангеля, А. Трубникова, Э. фонъ Липгарда, Александра Бенуа и Сергѣя Маковского, знакомящихъ съ содержаніемъ выставки по отдѣльнымъ школамъ. Какъ много на ней было интереснаго, сколько настоящихъ шедевровъ, и какъ глубоко прискорбно, что подобная выставка, которая должна была привлечь тысячи посѣтителей, могла лишь осматриваться тайкомъ, при помощи ручныхъ электрическихъ фонарей! Прямо не хочется вѣрить, что столько стараній, научныхъ изслѣдованій, художественнаго творчества и матеріальныхъ затратъ какъ-то наполовину пропали даромъ, что весь этотъ любовный трудъ неожиданно, *par ordie du mufti*, остался почти безрезультатнымъ.

П. Э.

ПИСЬМА О ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ.

Итоги прошлаго года.

A. Van Bever et P. Léautaud. Poètes d'aujourd'hui. Nouvelle édition corrigée et augmentée. (Mercure de France).—Etienne Bellot. Notes sur le Symbolisme. (Linard éditeur).

Минувшій годъ не вывелъ французской поэзіи изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ застала ее. Вся жизнь ея проходить на томъ среднемъ уровнѣ, который опредѣляется привычкой къ старому александрійскому стиху и пристрастіемъ къ чисто словесной риторикѣ, повторяющей всѣ общія мѣста. Эта поэзія сама не вѣрится въ себя, несмотря на всѣ свои упорныя попытки реакціи, направленные противъ школы „символистовъ“ и противъ идей „научной поэзіи“. И эту вѣру въ себя безсильны дать современнымъ поэтамъ какъ поддерживающіе ихъ университетскіе критики, такъ и вставшіе на ихъ защиту нѣкоторые ветераны поэзіи,—изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые никогда не могли возвыситься до истиннаго значенія этого имени, какъ г. Доршенъ, и тѣхъ, которые не сумѣли сохранить души поэта, какъ Катюль Мендесъ.

Изъ ряда „символистовъ“ еще продолжаютъ дарить намъ настоящія творческія созданія два истинно-великихъ поэта. Эмиль Верхарнъ и Фр. Вьеле-Гриффинъ, творчество которыхъ въ равной степени усвоило себѣ какъ принципы „символической“ школы, такъ и „научной поэзіи“. Это—два воистину прекрасныхъ образа въ нашей современной литературѣ, и въ отношеніи къ этимъ двумъ поэтамъ уже чувствуется нѣкоторое благоговѣйное почитаніе. Что касается остальныхъ „символистовъ“, то съ неизбѣжностью они перешли къ перепѣвамъ своихъ старыхъ темъ и къ повтореніямъ уже сказаннаго. Форма „свободнаго стиха“ сдѣлалась мало-по-малу ничѣмъ инымъ какъ сомнительнымъ приспособленіемъ, чѣмъ-то среднимъ между стихомъ и прозой, часто маскирующимъ невѣжество и отсутствіе чутья къ ритму. За послѣднее время заговорили о „нео-символизмѣ“,—жалкая этикетка, подъ которой хотятъ скрыть недостатокъ самобытности и индивидуальности. „Нео-романтизмъ“, „нео-парнас-

ство“, „нео-символизм“,—всѣ стали нео-что-то такое, потому что нѣтъ людей, способныхъ быть просто чѣмъ-нибудь!

Противъ этой безформенной массы стоитъ все то же ничтожное меньшинство молодыхъ искателей, стремленія которыхъ мы уже не разъ привѣтствовали на этихъ страницахъ:—Рене Аркосъ, Жоржъ Дюамель, Александръ Мерсеро, Шарль Вильдракъ, Джонъ Шарпантье, Тео Варле, Поль Кастю, Жанъ Оттъ... Къ этимъ именамъ надо присоединить еще два—Абеля Пеллетье и С. М. Савари, людей другого, старшаго поколѣнія, но выступившихъ въ литературѣ лишь въ самое послѣднее время. Во всѣхъ нихъ мы привѣтствуемъ большое напряженіе творческой дѣятельности, внутреннюю потребность итти впередъ.

Но какую тяжелую борьбу приходится вести и этимъ пионерамъ, чтобы заставить услышать себя! Существующіе журналы, всѣ въ рукахъ реакціонеровъ, въ томъ числѣ и „Mercure du France“, который относится ко всѣмъ молодымъ стремленіямъ съ явной враждебностью, допуская на своихъ страницахъ произведенія только тѣхъ „молодыхъ“, кто опредѣленно выказалъ себя въ искусствѣ консерваторомъ, напр. (называю поэтовъ, не лишенныхъ таланта), г. Деракса или г. Ларгье. Основать же собственный журналъ для „молодыхъ“, при всеобщемъ пренебреженіи къ литературѣ,—невозможно. Можно утѣшать себя только однимъ соображеніемъ, что тѣмъ больше будетъ чести въ побѣдѣ, ибо я глубоко увѣренъ, что никакое усиліе, направленное въ сторону эволюціи, не можетъ остаться бездѣйственнымъ. То меньшинство, о которомъ я говорилъ, стремится къ поэзіи мысли, къ поэзіи философской, и потому будущее должно быть за ними

Послѣ всего сказаннаго будетъ совершенно понятно, почему я считаю рѣшительно ненужнымъ второе изданіе, „значительно дополненное“, антологіи, изданной „Mercure de France“—„Poètes d'aujourd'hui“. Послѣ появленія антологіи Ж. Вальша, работы въ общемъ крайне добросовѣстной и очень важной *, имѣвшей заслуженный успѣхъ какъ во Франціи, такъ и за границей,—появленіе новой антологіи могло бы быть оправдано только исключительными ея достоинствами: рѣдкимъ критическимъ вкусомъ въ выборѣ образцовъ и выходящей изъ ряда полнотой сообщаемыхъ свѣдѣній. Ничего подобнаго не даетъ антологія „Mercure de France“, которая, напротивъ, является характернымъ симптомомъ современнаго паденія поэзіи во Франціи.

„Поэты сегодняшняго дня“, первое изданіе которыхъ появилось

* G. Walch. Anthologie des Poètes contemporains. Ch. Delagrave édit. P. 1907. См. „Вѣсм“ 1907, N 3 и 6.

въ 1900 году, были одной изъ первыхъ работъ въ этомъ родѣ. Тогда можно было простить этому сборнику недостаточную освѣдомленность его составителей, довольно случайный выборъ поэтовъ, неожиданное присутствіе въ немъ однихъ именъ и удивительную забывчивость по отношенію къ другимъ. Но совершенно непростительно, что второе изданіе, появляющееся черезъ восемь лѣтъ, притомъ „значительно дополненное“ составителями, вновь оказывается и весьма неполнымъ, и преисполненнымъ разнообразныхъ промаховъ. Если предположить, что составители имѣли въ виду дать выдержки лишь изъ самыхъ выдающихся поэтовъ нашего времени, станеть непонятно, какъ попали въ книгу гг. Барбюсъ (зять Катюлля Мендеса), Сушонъ, Ле Руа, Магръ, Депаксъ, Ларгье, Монтекиу. Столь же неоправдано будетъ присутствіе стиховъ А. Мокеля и Жана-Лоррена, литературное значеніе которыхъ никакъ не въ ихъ стихотворныхъ созданіяхъ. И придется спросить, кто такой г. Анри Шписсъ, нѣкій женевскій адвокатъ, и столь посредственный поэтъ, что въ „Mercure“ онъ рѣшительно никому неизвѣстенъ. Если же предположить, что издатели „Антологіи“ хотѣли безпристрастно охарактеризовать всѣ теченія современной поэзіи, чѣмъ оправдать явно-предназначенное отсутствіе въ книгѣ ряда именъ? Когда допущена г-жа Деларю-Мардрюсъ,—кстати сказать, по праву, какъ настоящій поэтъ,—когда приняты и графиня де Ноайль и даже г-жа д'Увилль, потому, конечно, что имя ея мужа Анри де Ренье,—то почему же пропущена г-жа Валентина де Сенъ-Пуанъ, проявившая поэтическое дарованіе во всякомъ случаѣ не меньшее, чѣмъ г-жа Мардрюсъ? Почему пропущены Аркосъ, Вильдракъ, Дюамель, Варлэ, Мерсеро, Кастио, Оттъ, Жувъ, Фонсъ и многіе другіе?

Что касается біо-библіографическихъ примѣчаній, то они далеко не на высотѣ тѣхъ требованій, которыя къ нимъ можно предъявить. Одни изъ нихъ сообщаютъ свѣдѣнія прямо ошибочныя, другія пропускаютъ даты крайне необходимыя, третьи до смѣшного кратки (какъ, напр., замѣтка о Вьеле-Гриффинъ). Иныя примѣчанія были пересмотрѣны и передѣланы для новаго изданія (даже до полного противорѣчія съ первымъ изданіемъ), но съ исключительной цѣлью — сказать что-нибудь осудительное о тѣхъ поэтахъ, кто и лично, и по своимъ идеямъ неугоденъ кружку „Mercure“. Такой способъ литературной критики и исторіи, выставяющей на первое мѣсто своихъ друзей, не взирая на всю посредственность ихъ дарованій, и замалчивающей (о, наивность!) своихъ литературныхъ непріятелей, — весьма не новъ, но врядъ ли достигаетъ своей цѣли. Замѣтимъ еще, что біо-библіографическія свѣдѣнія распределены въ книгѣ крайне неравномѣрно, повидимому, въ зависимости отъ совершенно случайныхъ причинъ, напр., отъ готовности авторовъ прійти на помощь

составителямъ; въ однихъ случаяхъ даны мелкія и даже излишнія детали, въ другихъ напрасно было бы искать самыхъ существенныхъ указаній.

Послѣ „Антологіи“ „Mercure de France“ съ особымъ удовольствіемъ прочли мы небольшую книжку г. Этьена Белло—„Замѣтки о символизмѣ“. Здѣсь въ первый разъ сдѣлана попытка намѣтить, въ общихъ чертахъ, литературную исторію тѣхъ годовъ, которые непосредственно предшествовали великому взрыву 1885 г.

Э. Белло беретъ за исходный пунктъ 1882 г. и слѣдитъ за первыми признаками поэтическаго пробужденія, связаннаго съ именемъ Верлена и поддержаннаго маленькимъ журнальчикомъ Латинскаго квартала „Lutèce“. Онъ отмѣчаетъ просодическіе споры того времени,—споры еще очень робкіе и узкіе. Далѣе онъ излагаетъ первые шаги литературной дѣятельности Жана Мореаса, Вьеле Гриффина, Анри де Ренье, и, рассказавъ исторію журнала „Le Scapin“, даетъ намъ присутствовать при возникновеніи „Ecrits pour l'Art“, „La Plume“ и, наконецъ, „Mercure de France“. Вполнѣ безпристрастно г. Белло освѣщаетъ дѣятельность „Ecrits pour l'Art“, показывая, что въ 1887 году новыя литературныя теченія еще не были дифференцированы и что большинство молодыхъ поэтовъ еще принимало тогда теорію „инструментализма“. Говоря о первыхъ годахъ изданія „La Plume“, г. Белло указываетъ на колебанія этого журнала между тремя поэтами, которыхъ онъ называетъ зачинателями всего движенія, —Верленомъ, Маллармэ и Рене Гилемъ... Наконецъ, выяснивъ степень вліянія, въ самой средѣ созданной Маллармэ „символической“ школы идей Мореаса и Гюстава Кана, г. Белло говоритъ совершенно справедливо, что всему этому теченію должно противопоставить идеи „научной поэзіи“.

Давъ общую характеристику Маллармэ, Верлена, Г. Кана, Вьеле-Гриффина, Верхарна (къ сожалѣнію, не обнаруживающую основательнаго знакомства съ ихъ позднѣйшими произведеніями), г. Белло въ яркихъ чертахъ показываетъ намъ отношеніе къ нимъ тогдашней критики, смѣшной, нелѣпой, забавно-озлобленной, и, попросту —тупой. Авторъ забавляетъ насъ цитатами изъ чревоушателя Сарсе, изъ Анри Фукье, Дешома и др. Въ самомъ концѣ книжки находимъ указанія на то вниманіе, какое встрѣтило движеніе 1885 года за границей, гдѣ въ различныхъ литературахъ оно породило аналогичныя движенія. Въ этой части своей работы г. Белло обнаружилъ недостаточную освѣдомленность въ томъ вопросѣ, который онъ взялся обсуждать. Точно также кажутся намъ слабыми тѣ страницы, гдѣ авторъ высказываетъ свои общія сужденія относительно значенія всей „символической“ школы. Намъ думается, что, будь г. Белло

знакомъ съ творчествомъ ея дѣятелей во всемъ его объемѣ, онъ долженъ былъ бы признать многихъ изъ нихъ истинной славой нашей литературной исторіи.

Книжка г. Белло, какъ указываетъ самъ авторъ, составилась изъ ряда его фельетоновъ, въ свое время печатавшихся въ ежедневной прессѣ; авторъ перепечаталъ ихъ безъ измѣненій. Этимъ объясняется отсутствіе соразмѣрности между отдѣльными частями книги и нѣкоторые стилистическіе промахи, неизбѣжные при спѣшной газетной работѣ. Особенно должны мы указать на недопустимое примѣненіе термина „декадентство“ ко всему поэтическому движению 80-хъ годовъ. Авторъ самъ указываетъ, что этотъ терминъ выдуманъ враждебной критикой и лишентъ смысла. Однако, въ иныхъ случаяхъ г. Белло пользуется этимъ терминомъ совершенно серьезно и пишетъ, напримѣръ, „Маллармэ былъ настоящимъ краеугольнымъ камнемъ декадентства“. Г. Белло хотѣлъ, вѣроятно, сказать—„символической школы“.

Несмотря, однако, на всѣ недостатки книги г. Белло и на неумѣніе автора проникнуть въ глубину и въ истинную психологію поэтическаго движенія конца прошлаго вѣка,—его работа заслуживаетъ вниманія, какъ серьезная попытка осмыслить и безпристрастно освѣтить недавно пережитую важную эпоху.

René Ghil.

О ДЕШЕВЫХЪ КНИГАХЪ.

Любовь къ книгѣ, какъ къ произведенію типографскаго искусства, стремленіе вставлять драгоценности литературы въ драгоценную оправу, однимъ словомъ то, что по-нѣмецки называется „Buchkunst“, существуетъ въ Германіи лишь недавно, всего лѣтъ десять. Цѣлый рядъ издательствъ, съ первокласснымъ Insel-Verlag во главѣ, поставилъ своей задачей возрожденіе книжнаго искусства путемъ изданія лучшихъ произведеній литературы, какъ старой, такъ и современной, въ формѣ, удовлетворяющей самымъ изысканнымъ художественнымъ и библиофильскимъ вкусамъ. Новыя изданія встрѣтили у публики самый сочувственный приемъ и вся новая книжная промышленность—Buchgewerbe — скоро достигла самаго цвѣтущаго состоянія. Появился цѣлый рядъ новыхъ издательствъ, культивирующихъ преимущественно красоту книги; выдающіеся между ними: Insel-Verlag и Julius Zeitler въ Лейпцигѣ, Hans von Weber и Georg Müller въ Мюнхенѣ, Diederichs въ Іенѣ, Julius Bard въ Берлинѣ. Нашлось нѣсколько выдающихся художниковъ, посвятившихъ себя почти исключительно книжному искусству, какъ Э. Р. Вейсъ, Карль-Вальзеръ и Вальтеръ Тиманъ. Наконецъ, нѣсколько типографій занялись исключительно печатаніемъ библиофильскихъ книгъ.

Всѣ новыя библиофильскія изданія ни въ чемъ не уступаютъ англійскимъ и французскимъ образцамъ, часто же превосходятъ ихъ: такъ, напр., новое полное собраніе „Сказокъ тысячи и одной ночи“, въ двѣнадцать томахъ, предпринятое Insel-Verlag, должно быть причислено къ самымъ совершеннымъ изданіямъ европейскаго книжнаго рынка. Цѣны же этихъ книгъ значительно ниже цѣнъ аналогичныхъ французскихъ и англійскихъ изданій: такъ, упомянутые двѣнадцать томовъ „Тысячи и одной ночи“ стоятъ въ кожаныхъ переплетахъ всего 84 марки.

Нѣмецкая предприимчивость не остановилась, однако, на этихъ, все же сравнительно дорогихъ изданіяхъ. Новые томики романовъ и стиховъ, стоящіе въ среднемъ 2—3 марки, скоро появились въ

преображенномъ видѣ. Всѣ новости литературы, выпускаемыя въ огромномъ количествѣ многочисленными нѣмецкими издательствами, стали соперничать между собой въ красотѣ шрифта, качествѣ бумаги, изяществѣ обложекъ и переплетовъ и въ общей изящности своего внѣшняго вида. Некрасивыя, скучныя и безличныя книги, въ родѣ столь распространенныхъ желтыхъ французскихъ томиковъ по 3 фр. 50 с., почти совершенно вывелись въ Германіи. Всѣ безъ исключенія романы, стихи и драмы, а также книги по литературѣ и искусству, выпускаемыя извѣстнѣйшими книгоиздательствами, какъ Фишеръ, Мюллеръ, Лангенъ, Шиперъ и др., т. е. издательствами преимущественно библиофильскими, отличаются красивой и для каждой книги индивидуальной внѣшностью. Въ этой области нѣмцы превзошли всѣхъ, но и на этомъ не остановились, а приступили къ облагораживанью самыхъ дешевыхъ книгъ. Объ этихъ совсѣмъ дешевыхъ, но красивыхъ книгахъ, я и хочу рассказать.

Типомъ нѣмецкой дешевой книги служила до сихъ поръ распространенная въ милліонахъ экземпляровъ оранжевая тетрадка изданія Реклама. Культурное значеніе этой коллекціи, заключающей въ себѣ уже болѣе пяти тысячъ номеровъ, чрезвычайно велико, но можно сказать, что она сыграла свою роль. Избалованная въ послѣдніе годы публика относится уже къ этимъ очень непритязательнымъ съ внѣшней стороны брошюркамъ съ извѣстной брезгливостью и многіе, не стѣснявшіеся прежде видомъ однообразно оранжевыхъ корешковъ на своей книжной полкѣ, прячуть ихъ куда-нибудь подальше. Пресловутая *Buchkunst* вторглась въ область, въ которой до сихъ поръ почти неограниченно царилъ Рекламъ.

Начало было сдѣлано въ концѣ прошлаго года замѣчательной „*Bücherei des deutschen Hauses*“. Это анонимное книгоиздательство, преслѣдующее, какъ говорятъ, не дѣловыя, а исключительно гуманитарныя цѣли, выпустило за одинъ годъ своего существованія свыше пятидесяти томовъ. Томы эти заключаютъ въ среднемъ по 300 страницъ прекрасной четкой печати на плотной не желтѣющей бумагѣ, переплетены въ англійскій коленкоръ и стоятъ по 75 пф., т. е. приблизительно по 30 копеекъ. Въ Россіи было бы невысказано, даже при массовомъ производствѣ, дать за эти деньги одинъ только переплетъ. Послѣдній, правда, не совсѣмъ удался; онъ не достаточно спокоенъ въ краскахъ и рисункѣ. За то каждый томъ украшенъ четырьмя иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ, воспроизведенныхъ съ рисунковъ, сдѣланныхъ для этого изданія лучшими нѣмецкими художниками, какъ Коринтомъ, Штерномъ, и другими. Изданы лучшія произведенія всѣхъ европейскихъ литературъ. Такъ, избранныя вещи Гете, Гофманна, Жанъ-Поли, Клейста; Бальзака, Мюрге, Мопассана; Стерна, Диккенса, Теккерея, По; Бьернсона и Сервантеса.

Изъ русскихъ писателей представлены въ образцовыхъ переводахъ Пушкинъ, Толстой и Гоголь. Изъ отдѣльныхъ сборныхъ томиковъ слѣдуетъ отмѣтить очень искусно составленную антологию „Gespensternovellen“, въ которую входятъ „страшные“ рассказы лучшихъ нѣмецкихъ и иностранныхъ писателей. Русская литература въ ней представлена гоголевскимъ „Віємъ“.

Едва ли не бѣльшимъ распространеніемъ пользуются книжки по 1 маркъ 80 пф. изданія Лангевиге въ Эбенгаузенѣ близъ Мюнхена. Эти томики по 500 страницъ гораздо изящнѣе предыдущихъ. Они переплетены въ папку съ тонкими виньетками Кете Вентигъ; этой же художницей исполнены скромныя заставки внутри книги. Бумага и типографская отдѣлка этой серіи, называемой „Die Bücher der Rose“, значительно лучше, чѣмъ въ „Bücherei des deutschen Hauses“. Серія состоитъ пока изъ шести номеровъ, но отдѣльныя книги разошлись въ количествѣ до 100 тысячъ экземпляровъ. Изъ книгъ изданія Лангевиге слѣдуетъ отмѣтить прежде всего антологию „Die Ernte“, заключающую въ себѣ свыше 400 стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ, начиная съ миннезенгеровъ 12-го вѣка и кончая Гофмансталемъ, Демелемъ и Шаукалемъ. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ и снабжены хронологическими указаніями о жизни авторовъ. Выборъ, произведенный Виль Весперомъ, можно назвать очень удачнымъ. Антологія эта, несомнѣнно лучшая изъ всѣхъ существующихъ, является прямо кладомъ для всѣхъ интересующихся нѣмецкой поэзіей. „Die Ernte“ создала славу издательства Лангевиге. За нею послѣдовала книга „Alles um Liebe“—собраніе писемъ Гете къ разнымъ лицамъ за первую половину его жизни: 1765—1807. Книга озаглавлена девизомъ, красовавшемся на печати Гете. Выборъ писемъ сдѣланъ Эрнстомъ Гартунгомъ чрезвычайно удачно; краткія примѣчанія сообщаютъ параллельно съ письмами о соответствующихъ имъ по времени событіяхъ въ жизни поэта: обликъ его изъ писемъ выступаетъ не менѣе ярко, чѣмъ изъ литературныхъ произведеній. Гете посвященъ еще одинъ томикъ той же серіи, озаглавленный начальной строкой его извѣстнаго стихотворенія: „Ueber allen Wipfeln“ и содержащій почти всѣ стихотворенія поэта. Особенную прелесть этого изданія составляютъ помѣщенные на заголовкѣ каждой страницы выдержки изъ писемъ и дневниковъ Гете, иллюстрирующія его личныя переживанія въ дни написанія даннаго стихотворенія; стихи Гете читаются поэтому въ этомъ изданіи гораздо пріятнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Кромѣ того, книга украшена тридцатью подлинными портретами Гете разныхъ періодовъ его жизни. Назову, наконецъ, еще сборникъ „Menschen und Mächte“, содержащій десять лучшихъ фантастическихъ рассказовъ Э. Т. А. Гоффманна.

Вполнѣ библиофильскій обликъ имѣютъ томики по 2 марки, изданные знаменитымъ Insel-Verlag. Они содержатъ по 300 страницъ на первоклассной бумагѣ, отпечатаны новыми шрифтами въ лучшей библиофильской типографіи и переплетены, на манеръ книгъ начала прошлаго вѣка, въ яркую глянцовитую бумагу. Шрифтъ, бумага, переплетъ и соотношеніе полей удовлетворяютъ самымъ строгимъ библиофильскимъ требованіямъ. Изданы пока слѣдующія вещи: рассказы Клейста, народныя легенды, собранныя Гриммомъ, извѣстный сборникъ народныхъ пѣсенъ „Des Knaben Wunderhorn“ и два сборника цитатъ изъ Гете. Послѣдніе заслуживаютъ особаго вниманія: „Goethes Sprüche in Prosa“, изданные Германомъ Крюгеромъ, и дополненіе къ нимъ „Goethes Sprüche in Reimen“, изданные Максомъ Гекеромъ, состоятъ изъ многочисленныхъ выдержекъ, съ большою тщательностью выбранныхъ какъ изъ извѣстныхъ, такъ и изъ мало извѣстныхъ вещей Гете. Обѣ книги снабжены цѣнными біографическими и библиографическими примѣчаніями.

Въ то время, какъ всѣ перечисленныя выше серіи состоятъ преимущественно изъ произведеній литературы прошлаго, „Библиотека современныхъ романовъ“, выпускаемая самымъ извѣстнымъ изъ чисто литературныхъ издательствъ—С. Фишеромъ въ Берлинѣ, состоитъ исключительно изъ лучшихъ произведеній современной литературы. Это—очень изящныя томики въ желтомъ коленкоровомъ переплетѣ, на тонкой легкой бумагѣ, стоющіе по одной маркѣ. Въ составъ этого собранія входятъ произведенія Фонтане, Шафнера, Томаса Манна, Кейзерлинга, Германа Банга, д. Аннунціо, Гейерстамма и многихъ другихъ. За одну марку даются, такимъ образомъ, красиво напечатанныя и красиво переплетенныя изданія лучшихъ современныхъ беллетристовъ, вещи, по большей части нигдѣ еще не появлявшіяся и оплаченныя высокими гонорарами. Столь низкая цѣна этихъ книжекъ, какъ всѣхъ разобранныхъ выше изданій, возможна только при массовомъ многотысячномъ сбытѣ, который, несомнѣнно, и имѣется. А массовымъ спросомъ и сбытомъ и обуславливается высокій уровень, достигнутый нѣмецкой книгой.

Александръ Элиасбергъ.

ИСКУССТВА

Поворотъ.

Каждый годъ, когда принимаешься за отчетъ о выставкахъ, даешь себѣ слово, что онъ будетъ послѣднимъ въ твоей жизни. Нѣтъ занятія, менѣе благодарнаго и болѣе тягостнаго, чѣмъ писаніе этихъ отчетовъ: сколько ненужныхъ обидъ, лишнихъ недоразумѣній и кажущейся несправедливости! Если больно писать о плохихъ вещахъ милыхъ и хорошихъ людей, то ужъ совсѣмъ невыносимо говорить изъ года въ годъ о неудачахъ художниковъ, которыхъ любишь и цѣнишь и отъ которыхъ все еще многого ждешь, или такихъ, у которыхъ есть большія заслуги передъ русскимъ искусствомъ. И все же садишься и пишешь, и говоришь горькія и, можетъ быть, жестокія вещи потому только, что вѣришь въ необходимость ихъ сказать.

На мое счастье, въ этомъ году я не испытываю знакомаго мучительнаго чувства и вывожу отсюда заключеніе, что на выставкахъ было много утѣшительнаго. Однако, перебирая въ своей памяти наиболѣе яркія минуты выставочныхъ впечатлѣній, я не въ состояніи назвать ни одного произведенія, которое повергло-бы меня въ трепетъ. Осталось только смутное чувство удовлетворенія, сохранилось впечатлѣніе, что разсѣялись какія-то тревожныя опасенія.

Въ послѣдніе годы въ средѣ новѣйшаго поколѣнія все чаще стали раздаваться рѣчи, призывавшія къ полному разрыву съ прошлымъ, съ „отжившимъ хламомъ“, съ „мертвечиной формулъ и непреложныхъ догматовъ“. Единственное спасеніе отъ этихъ неприятныхъ вещей видѣли подъ благодатной сѣнью всеильнаго индивидуализма. Теперь для всѣхъ уже ясно, что дѣло сводилось не столько къ освобожденію отъ формулъ, сколько къ замѣнѣ старыхъ новыми. И въ этомъ, конечно, не было ничего дурного. Ибо, какой-бы презрительный оттѣнокъ ни придавали этому словечку, но мы знаемъ формулы Микель-Анджело, Рафаэля, Тиціана и Рубенса. Бѣда въ томъ, что дѣло не ограничилось объявленіемъ войны „формуламъ вообще“, а привело очень скоро къ отрицанію какихъ-бы то ни было знаній: какія-тамъ знанія! знанія не только не нужны, но и прямо вредны; надо только „выразить себя“. На этой почвѣ выросъ такой чудовищный диллетантизмъ, что приходилось съ тоской поглядывать на художниковъ, еще вчера бывшихъ для насъ только олеографистами, и даже — стыдно признаться! — ловить себя на какомъ-то непристойномъ тяготѣніи къ ихъ бездушной умѣлости.

Выставки нынѣшняго года совершенно ясно говорятъ, что вѣра въ исключительную спасительность новыхъ формулъ въ значительной степени поколебалась, и, можно дать руку на отсѣченіе, что отъ недавнихъ грѣховъ скоро не останется и слѣда, и всѣ эти милые юноши и дѣвы либо начнутъ въ серьезъ учиться, либо скорѣе переженятся и повыходятъ замужъ. Особенно это бросалось въ глаза на „Ученической выставкѣ“, но было очень замѣтно и на выставкѣ „Золотоу Руна“.

„Союзъ“.

„Союзъ“ меньше всего можно обвинять въ шаловливыхъ увлеченіяхъ. Онъ грѣшитъ скорѣе обратнымъ, — нѣкоторой неподвижностью, излишней солидностью и наклономъ къ маститости. Въ противоположность „безразсудству“ юношей, не останавливающихся передъ задачей перевернуть вселенную, — когда-же ее и перевертывать, если не въ 18 лѣтъ! — онъ страдаетъ ненужной осторожностью, а иногда и старческой „разсудительностью“. Главнымъ образомъ это сказывается въ той неохотѣ, съ которой онъ выбираетъ новыхъ членовъ, или приглашаетъ экспонентовъ. А, между тѣмъ, какъ разъ эти новые члены и экспоненты очень замѣтно подняли интересъ нынѣшней выставки. Этотъ интересъ значительно возросъ-бы, если бы въ ней приняли участіе еще нѣсколько молодыхъ художниковъ, выставившихъ свои произведенія не въ „Союзѣ“. Я не хотѣлъ-бы быть понятымъ въ томъ смыслѣ, что считаю всѣхъ старыхъ участниковъ этой выставки неподвижно застывшими и только повторяющими самихъ себя, — однихъ изъ наиболѣе частыхъ и нелѣпыхъ упрековъ, раздающихся по адресу художниковъ, отъ которыхъ каждый годъ требуютъ непременно чего-нибудь „новенькаго“. Рембрандта давно-бы уже отпѣли въ наши дни, ибо этотъ несносный человѣкъ только и дѣлалъ, что писалъ собственные портреты. Я думаю иначе, и, если меня не очаровываютъ этюды Аладжалова, то не потому, что они, какъ двѣ капли воды, похожи на прежніе, а потому, что и въ этихъ и въ прежнихъ, при всей ихъ милой простотѣ, скромной незатѣйливости и несомнѣнной искренности чувства, я не вижу задачъ, выходящихъ за предѣлы случайно подвернувшася „мотивчика“. Печать случайности, хотя въ меньшей степени, лежитъ и на этюдахъ Клодта, очевидно, много поработавшаго въ этомъ году и значительно освѣжившаго свою живопись. Мнѣ нравится „Садъ“ Виноградова съ мастерски написанными цвѣтущими деревьями и удачно найденной и просто разрѣшенной игрой солнца на травѣ и дорожкѣ. Этому художнику, видимо, уставшему отъ своего собственнаго мастерства, можно отъ всей души пожелать

чтобы онъ очутился во власти какой-либо большой художественной идеи, способной всецѣло его захватить, увлечь и даже временно раздавить. Неудача никогда не означаетъ паденія и, можетъ быть, поднявшись, онъ выберется на такую высоту, о которой раньше ему и не грезилось. Въ творчествѣ Ап. Васнецова чувствуется нѣкоторая заминка, но вотъ художникъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ случайности его вдохновеній. Напротивъ, онъ неизмѣнно вѣренъ своему влеченію къ романтикѣ и ничто неромантическое его не трогаетъ и не задѣваетъ. Не случайны сѣверные этюды Архипова, уже много лѣтъ ищущаго передать наипростѣйшими средствами наибольшую силу свѣта. Ему слѣдовало-бы чуть-чуть сдвинуть мишень и перестать бить въ точку силы, а лучше-бы поискать иныхъ чаръ природы. Другой упорный „сѣверянинъ“, Переплетчиковъ, нашелъ минувшимъ лѣтомъ на Сѣверной Двинѣ того Переплетчикова, который отъ него временно, неизвѣстно куда, бѣжалъ и тщательно укрывался. Ихъ встрѣча дала поистинѣ благотворные результаты и оба они выставили рядъ серьезныхъ работъ, въ числѣ которыхъ есть и такая значительная картина, какъ „Надъ Двиной начинается буря“. Въ ней не совсѣмъ улаженъ верхъ, съ отлично задуманными облаками, но весь низъ, съ зловѣщей гладью грозной рѣки, по которой несетя уже съ того берега рябь, — удался блестяще.

Не совсѣмъ похожъ на себя нынче и Коровинъ, не даромъ вновь ѣздившій во Францію; онъ вывезъ оттуда нѣсколько отличныхъ вещей, послѣ долгаго промежутка, опять дающихъ глазу радость. Только кое-гдѣ хотѣлось бы меньшей „пріятности“ красокъ. То же пожеланіе можно высказать и Пастернаку, видимо, не всегда чувствующему ту огромную пропасть, которая лежитъ между только „пріятностью“ и красотой. Я хорошо понимаю, что значительную роль здѣсь играютъ особенности темперамента, и человѣка деликатнаго склада всегда будетъ коробить всякая суровость и жесткость и, наоборотъ, суровому человѣку все мягкое будетъ казаться сладкимъ и приторнымъ. Но уживались же рядомъ Зурбаранъ и Мурильо, Бронзино и Лотте. Изъ двухъ противоположныхъ дорогъ безконечно опаснѣе та, которая ведетъ не къ суровымъ, а пріятнымъ гармоніямъ, и побѣдителями остаются тутъ только гиганты. Въ нѣкоторыхъ пастеляхъ Пастернакъ не избѣжалъ опасности жонглированія пріятными цвѣтами; тѣмъ интереснѣе его просто и скромно взятый портретъ З. Н. Окуньковой—Гольдингеръ и мастерской собственный портретъ. „Петръ I на ассамблеѣ“, не смотря на самыя лучшія и серьезные намѣренія художника—дать картину жестокой азіатчины эпохи, не достигаетъ этой цѣли. Тогда какъ у Строва въ прошломъ году его „Петръ“ выросъ изъ иллюстраціи въ огромную

картину, у Пастернака изъ картины вышла иллюстрація. Этого избѣжалъ Ивановъ въ очень удачной „Встрѣчѣ воеводы“, но не избѣжалъ Малютинъ, въ „Въщемъ затменіи“ давшій тоже иллюстрацію. Его „Садко на Ильменѣ озерѣ“ — вещь красивая, заставляющая вспомнить лучшую эпоху художника.

Очень похожъ, но и совсѣмъ не похожъ на себя Мещеринъ. Похожъ потому, что онъ по прежнему любитъ поэзію тишины въ природѣ, любитъ то ея интимное очарованіе, которое доступно только натурамъ элегическаго склада. Не похожъ потому, что онъ измѣнилъ хмурымъ сумеркамъ и неожиданно взялся за солнце. Но въ томъ, какъ онъ почувствовалъ солнце, онъ опять прежній Мещеринъ и въ этой серіи солнечныхъ восходовъ онъ далъ самое сильное и индивидуальное изъ всего, что до сихъ поръ выставялъ. Его солнце встаетъ безъ пафоса и лишено всякой торжественности; оно не ослѣпляетъ свѣтомъ и не звенитъ красками, оно даже не слишкомъ весело, а скорѣе подернуто легкой грустью. Но это—подлинная „пѣснь восходящаго солнца“. Это—солнце, восходящее „подъ сурдинку“. Хотѣлось бы только меньшей анемичности красокъ.

Сѣровъ не такъ блестящъ, какъ въ прошломъ году, но выставленные имъ три портрета очень интересны и такъ разнообразны, что можно подумать, будто ихъ писали три разныхъ мастера. Лучшій изъ нихъ портретъ М. Н. Акимовой. Въ немъ съ ненужной размашистостью написана фигура, очень не строго прорисованная и взятая въ какихъ-то приблизительныхъ краскахъ, въ которыя не слишкомъ вѣришь, но зато голова написана такъ, какъ Сѣрову рѣдко удавалось. Каждый миллиметръ здѣсь прочувствованъ и живетъ, но не жизнью двойника, а жизнью новаго бытія. Портретъ Ленскаго и Южина очень благороденъ по своей новой для Сѣрова, почти гобеленовой гаммѣ; въ немъ смятъ нѣсколько рисунковъ, но это не слишкомъ бередитъ глазъ. Гораздо слабѣе общая его композиція, или, вѣрнѣе, отсутствіе ея. Чувствуется, что художникъ создаетъ свою композицію прямо на холстѣ во время перваго же сеанса. Композиція въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понималъ Веласкесъ, или Ван-дейкъ, или наши Левицкій и Боровиковскій, — композиція общаго силуэта, линий, массъ—мало трогаетъ Сѣрова. Прежніе мастера никогда не писали сложнаго портрета, не разработавъ во всѣхъ деталяхъ предварительный эскизъ. Портретъ Е. С. М.—вой написанъ очень виртуозно и жизненно. Совершенно непонятно, для чего было художнику выставять такую слабую вещь, какъ небольшая акварель „Деревенская масляница“?

Очень опредѣленно идетъ къ намѣченной цѣли Юонъ, снова вернувшійся къ захолустной Руси и Москвѣ, но нашедшій теперь ту ѣдкость, которой не хватало его прежнимъ захолустьямъ и ко-

торая неизбежна тамъ, гдѣ „Русью пахнетъ“. Можетъ быть, это еще не совсѣмъ тотъ языкъ, который здѣсь нуженъ, но онъ, несомнѣнно, его найдетъ и, если будетъ держаться линіи, приведшей его къ „Ночи“, или „Сценкѣ у трактира“, то вскрыетъ никѣмъ еще не затронутыя стороны современности.

Среди художниковъ, обновившихъ въ послѣдніе годы составъ участниковъ выставки, особенно выдѣляются Сапуновъ, Судейкинъ и Крымовъ. Всѣ они дали очень для себя неожиданныя вещи, чрезвычайно выгодно отличающіяся отъ того, что ими выставялось раньше. Сапуновъ изъ нихъ—самый большой мастеръ, съ большой свободой примѣняющей свои знанія къ такимъ темамъ, которыя иногда рискуютъ потерять всю пикантность отъ одного прикосновенія умѣлыхъ рукъ, почти всегда ихъ засушивающихъ. Сапуновъ сумѣлъ помирить грамотность съ необходимой долей свободы выраженія и далъ нѣсколько блестящихъ вещей. Изъ нихъ лучшая — „Ночной праздникъ“. Судейкинъ далъ очень искренно написанный „Фарфоръ“ на фонѣ гобелена, очаровательныя и очень „русскія“ вещи, навѣянные нашими венеціановцами 30-хъ годовъ и совсѣмъ великолѣпныя саргіссіо на разныя темы, полу-миеологическаго, полу-аллегорическаго характера. Честное слово, пора перестать стыдиться аллегорій! Эти саргіссіо мнѣ показались какимъ-то неожиданнымъ воскрешеніемъ забытыхъ гаммъ Сальватора Розы. Крымовъ, покинувъ кисельные берега и молочныя рѣки, съ успѣхомъ облачаетъ свои дѣтскія переживанія въ формы взрослога художника. Будемъ ждать, что онъ сдѣлаетъ на слѣдующій годъ, который покажетъ, есть ли это начало новаго осознаннаго движенія, или было только случайнымъ экспериментомъ. Къ картинамъ этихъ трехъ художниковъ, можетъ быть, наиболѣе интригующимъ среди всѣхъ выставленныхъ, надо прибавить еще плѣнительную по красотѣ зеленой гаммы „Восточную сказку“ Николая Миліоти и нѣсколько солнечныхъ „Парижей“ Тархова. Его находятъ однообразнымъ и скучнымъ; это очень несправедливо: онъ не стоитъ на мѣстѣ и, видимо, идетъ къ большему покою и концентраціи своихъ хаотическихъ впечатлѣній.

Срединъ выставилъ мало. Я все жду, когда этотъ тонко чувствующій художникъ дастъ *interieur*, который не имѣлъ бы характера наброска, а выразилъ бы все его благоговѣніе къ умирающей красотѣ „дворянскихъ гнѣздъ“. Это произойдетъ лишь тогда, когда онъ отважится взять въ руки „мушкетель“ добраго стараго времени и весь уйдетъ въ любовную, кропотливую выписку каждаго завитка акамеа на колоннѣ.

Петербургскихъ художниковъ на выставкѣ почти нѣтъ: все интересное они выставили въ петербургскомъ „Салонѣ“. Исключеніе составляетъ Лансере, давшій рядъ превосходныхъ рисунковъ и ак-

варелей на разные темы изъ придворной жизни Царскаго Села въ 18 в. и незначительную картину „На молу“ изъ жизни Италіи въ 17 в. Другое исключеніе — Сомовъ, у котораго, по счастью, нашлась цѣлая серія рисунковъ для книги „Das Lesebuch der Marquise“, уже бывшихъ въ прошломъ году на выставкѣ въ Петербургѣ и потому только теперь попавшихъ въ Москву. Это не лучшее, что сдѣлано Сомовымъ. Портретъ А. Блока для „Золотого Руна“ меня не радуешь; зато очень радуетъ отлично нарисованный и красиво сдѣланный портретъ Лансере для того же журнала. „Пейзажъ съ радугой“ очень свѣжъ по краскамъ и сдѣланъ съ завидной легкостью большого мастера. Мнѣ нравятся двѣ композиціи Бакста въ стилѣ декораторовъ 17 в., обнаруживающія въ немъ тоже мастера съ огромными знаніями. Если въ нихъ угаданъ стиль 17 в., то стиль *quattrocento* совсѣмъ не дался Стеллецкому. Никто изъ очаровательныхъ мастеровъ эпохи, ни Дезидеріо, ни Мино, ни ранній Донателло или Вероккіо не вспоминаются, когда глядишь на золоченую бороду „Ліонардо“. Въ этомъ бюстѣ есть что-то неприятно бутафорское, есть какая-то противность папье-маше. И все же онъ очень значителенъ и интересенъ. Я бы сказала только, что интересъ этого произведенія лежитъ не въ скульптурѣ, а въ какой-то другой области, со скульптурой даже не смежной. Можетъ быть, я очень не правъ, но люблю, какъ писалъ нѣкогда Герценъ, чтобы „каждая вещь пахла сама собой“. Люблю, чтобы скульптура была прежде всего скульптурой и среди всѣхъ выставленныхъ „скульптурныхъ произведеній“ скульптуру я нашелъ только на выставкѣ „Золотого Руна“ въ большой группѣ Матвѣева. Вотъ, скульпторъ „милостію Божьей“!

Мнѣ не хотѣлось бы пропустить отличныхъ рисунковъ Билибина къ постановкѣ „Чести и мести“, милыхъ вещей Луговской, мрачныхъ „Похоронъ“ изъ серіи „Смерть“ — Бенуа, рисунковъ Добужинскаго, гравюръ Остроумовой и эскизовъ къ декораціямъ—Головина. На всемъ этомъ стоило бы остановиться подробнѣе. Изъ вещей Кустодіева мнѣ нравится маленькій эскизъ къ картинѣ „Праздникъ въ деревнѣ“. На выставкѣ есть нѣсколько *interieur*'овъ Петрова, въ противоположность Срединскимъ очень детально выписанныхъ. Упаси Богъ Средина отъ этой мертвой скуки и дай ему живого веселья Федора Толстого, Плахова и Зеленцова!

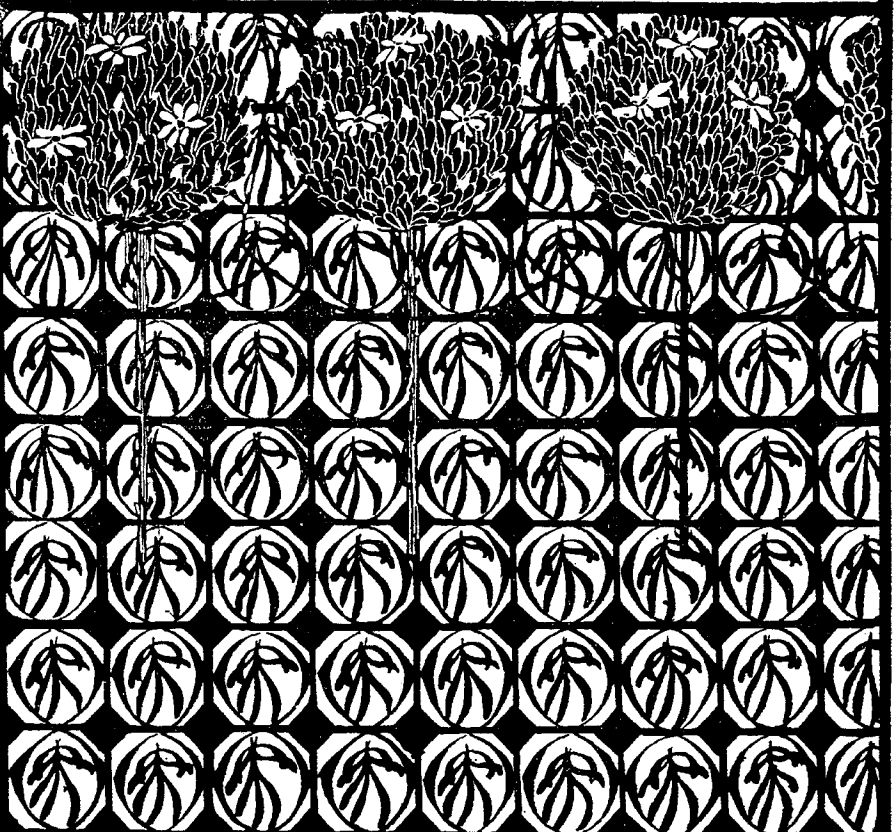
Игорь Грабарь.

1909 г.

ВЪСЫ-СКОРПИОНЪ

КАТАЛОГЪ №8.

ВѢСЫ

1909. ИЗДАНІЯ ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Программа „Вѣсовъ“ обнимаетъ литературу, пластическія искусства, науку, философію и вопросы общественной жизни. Но преимущественно „Вѣсы“ посвящены искусству въ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ нимъ: поэзію, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку и театр.

„Вѣсы“ признаютъ безусловную самоцѣнность искусства, какъ одного изъ высшихъ проявленій человѣческой жизни.

Понимая, что то міросозерцаніе передовыхъ умовъ недавняго прошлаго, которое можно опредѣлить названіемъ „крайняго индивидуализма“, нынѣ отжило свой вѣкъ.—„Вѣсы“ присоединяются ко всемімъ исканіямъ новыхъ кругозоровъ духа. Въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія „Вѣсы“, въ рядѣ статей, стремились освѣтить свершившійся „кризисъ индивидуализма“ и найти новые пути къ гармоническому міровоззрѣнію.

Но „Вѣсы“ рѣшительно отдѣляютъ отъ вопроса объ индивидуализмѣ вопросъ о символизмѣ, какъ методѣ творчества. „Вѣсы“ полагаютъ, что то движеніе въ искусствѣ и литературѣ, которое возникло въ концѣ XIX вѣка и извѣстно подъ именемъ „символизма въ искусствѣ“, еще далеко не исчерпано, и что нужна еще долгая работа, чтобы осуществить задачи, намѣченные первыми символистами. Теоретической разработкѣ вопросовъ символизма посвящается въ „Вѣсахъ“ рядъ статей.

Эта точка зрѣнія опредѣляетъ отрицательное отношеніе „Вѣсовъ“ къ двумъ группамъ дѣятелей искусства.

Во-первыхъ, къ тѣмъ, которые до сихъ поръ не хотятъ понять, что единственная дорога истиннаго художественнаго развитія идетъ черезъ символизмъ, и что только сознательнымъ усвоеніемъ уроковъ прошлаго художникъ становится нужнымъ членомъ въ общекультурной работѣ человѣчества.

Во-вторыхъ, къ тѣмъ, которые съ легкомысленной поспѣшностью, не вникнувъ въ громадное значеніе символизма, какъ метода, стремятся поставить на его мѣсто нѣчто новое, что до сихъ поръ всегда оказывалось и не новымъ и не состоятельнымъ.

Однако, „Вѣсы“ постоянно старались справедливо оцѣнивать непосредственное художественное дарованіе, хотя бы и въ чуждой имъ литературной школѣ, и остерегались смѣшивать съ легкомысленными теоретиками—серьезныхъ искателей, хотя бы и стоящихъ на другой точкѣ зрѣнія. Во всякомъ случаѣ критика „Вѣсовъ“ никогда не бываетъ продиктована партійной нетерпимостью.

„Вѣсы“ въ отдѣлѣ беллетристики даютъ только произведенія чисто-художественныя, отвергая всякое полу-искусство, всѣ созданія, въ которыхъ художественность является лишь средствомъ. Въ этомъ отдѣлѣ „Вѣсовъ“ принимаетъ участіе какъ та группа писателей, которая въ теченіе восьми лѣтъ образовалась вокругъ книгоиздательства „Скорпионъ“ и занимаетъ въ современной литературѣ достаточно опредѣленное положеніе, такъ и многіе дѣятели другихъ литературныхъ группъ, причемъ этотъ кругъ постоянно пополняется молодыми силами.

„Вѣсы“ даютъ также переводы наиболѣе интересныхъ новинокъ западно-европейской литературы, причемъ нерѣдко, по соглашенію съ авторами, переводы эти появляются въ печати раньше оригинала.

Въ критическомъ и библиографическомъ отдѣлѣ „Вѣсы“ оцѣнивають со своей точки зрѣнія всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія литературы, русской и иностранной. Въ этомъ отдѣлѣ приглашены къ участію въ „Вѣсахъ“ дѣятели литературъ французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, скандинавской, польской и др. благодаря чему „Вѣсы“ могутъ знакомить читателей со всѣми теченіями художественной жизни Европы одновременно съ западно-европейскими изданіями. Въ наиболѣе значительныхъ городахъ Европы, въ Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Флоренціи, Афинахъ, у „Вѣсовъ“ есть свои корреспонденты.

Въ отдѣлѣ художественномъ „Вѣсы“ даютъ характеристики современныхъ дѣятелей искусства, критическіе отчеты о художественныхъ выставкахъ, наиболѣе замѣчательныхъ спектакляхъ и концертахъ, и библиографію новыхъ художественныхъ изданій.

Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ помѣщаются снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполняемые какъ въ черныхъ тонахъ, такъ и въ нѣсколько красокъ (литографіей, фототипіей, трехцвѣтной автотипіей и т. д.).

„Вѣсы“ печатаются на лучшей бумагѣ верже, специально изготовленной для этого изданія, и выходятъ ежемѣсяно (12 №№ въ годъ) книжками въ 100 страницъ и болѣе.

Программа „Вѣсовъ“.

1. Стихи, рассказы, повѣсти, романы, сказки, драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя.

2. Руководящія статьи по вѣмъ вопросамъ общественной жизни, литературы и искусствъ; біографіи и критическія характеристики писателей, художниковъ и композиторовъ.

3. Критическія и бібліографическія замѣтки о новыхъ книгахъ, появляющихся на языкахъ: русскомъ, польскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, норвежскомъ, шведскомъ, греческомъ и др. Обзоръ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ.

4. Критическіе обзоры художественныхъ выставокъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненій въ Россіи и за-границей.

5. Хроника литературы и искусствъ.

6. Рисунки художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Въ «Вѣсахъ» принимаютъ участіе:

Общій отдѣлъ: С. Ауслендеръ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Эмиль Верхарнъ, Ю. Верховскій, М. Волошинъ, З. Гиппиусъ, В. Гофманъ, Н. Гумилевъ, проф. Ѳ. Зѣлинскій, Вяч. Ивановъ, А. Кондратьевъ, М. Кузминъ, Д. Мережковский, Н. Минскій, Одинокій, Н. Петровская, С. Позняковъ, Ст. Пшибышевскій, А. Ремизовъ, В. Розановъ, Иванъ Рукавишниковъ, Б. Садовой, С. Соловьевъ, Ѳедоръ Сологубъ, С. Соколовъ, Евг. Тарасовъ, гр. А. Н. Толстой, К. Чуковский, Эллисъ и др.

Библіографическій отдѣлъ: Аврелій, В. Бакулинъ, И. Бороздинъ, С. Ещбоевъ, В. Каллашъ, Антонъ Крайній, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, С. Рубановичъ, В. Саводникъ, В. Станюковичъ, Г. Шпетъ, А. Яценко и др.

Отдѣлъ искусствъ: Лорансъ Биньонъ, Игорь Грабарь, М. Кальвакоресси, Н. А. Поповъ, С. Рафаловичъ, Альдо де-Ринальдисъ, А. Ростиславовъ, П. Эттингеръ и др.

Французская литература: Ренэ Аркосъ, Ренэ Гиль, Реми-де-Гурмонъ, Жанъ де-Гурмонъ, Эмеръ-Вальдоръ (А. Мерсеро), Ж. Шарпантье.

Нѣмецкая литература: В. Гофманъ, А. Лютеръ, М. Шикъ, А. Элиасбергъ.

Англійская литература: Осбертъ Бёрдетъ, Лордъ Альфредъ Дёгласъ, В. Морфилъ, С. Мэзонъ, Робертъ Россъ, А. Симонсъ.

Итальянская литература: Дж. Амендола, Ф. Джолли, Дж. Палини, Энрико Р.

Скандинавскія литературы: Ю. Балтрушайтисъ, А. Иенсенъ, Дагни Кристенсенъ, С. Поляковъ.

Славянскія литературы: В. Маковский, Г. Касперовичъ.

Греческая литература: М. Ликиардопуло, П. Нирванасъ.

Латышская литература: В. Эглитисъ.

Художники: А. Араповъ, Л. Бакстъ, В. Дриттенпрейсъ, Оскаръ Гилла, Е. Инго, Карлъ Вальзеръ, А. де-Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофъ, Н. Крымовъ, Гордонъ Крэгъ, Павелъ Кузнецовъ, Мельхиоръ Лехтеръ, Николай Милиоти, Одилонъ Редонъ, Н. Рерихъ, Тео ванъ-Риссельбергъ, А. Рувейръ, Н. Сапуновъ, А. Силинь, К. Сомовъ, Т. Стерджъ-Муръ, С. Судейвинъ, В. Сѣровъ, А. фонъ-Визинъ, Фидусъ, К. Юонъ, Г. Якуловъ, И. Фодотовъ, Н. Теофилактовъ и др.

✱

Въ „Вѣсахъ“ 1909 г. будетъ, между прочимъ, помѣщено:

1. Повѣсти, рассказы, драмы, стихи и др.

М. Кузминъ. Подвиги Александра. (Повѣсть).

К. Бальмонтъ. Глаза въ глаза. Пытка. На волчьей шубѣ (Три рассказа).

Валерій Брюсовъ. Семь смертныхъ грѣховъ. (Повѣсть изъ жизни будущаго времени).

Валерій Брюсовъ. Женщина съ бичемъ. (Драма изъ итальянской жизни VI вѣка). *

Федоръ Сологубъ. Новая повѣсть.

Андрей Бѣлый. Дитя Солнца. (Драма).

Сергѣй Соловьевъ. Старый Ямъ. (Повѣсть).

Ю. Балтрушайтисъ. Капитанъ. (Рассказъ).

А. Ремизовъ. Жертва. (Рассказъ).

А. Блокъ. Сказки.

С. Позняковъ. Діалоги.

Н. Гумилевъ. Новеллы.

Новые стихи: К. Бальмонта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, З. Гиппиусъ, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуба и др.

Кромѣ того, предполагается дать неизданные стихи и письма А. Пушкина, В. Жуковскаго, Е. Баратынскаго, Вл. Соловьева и др., а также отрывки изъ переписки недавняго прошлаго: изъ писемъ К. Бальмонта 1895 — 1897 г., Ив. Кожевскаго 1900 — 1901 г. и др.

* Драма эта была обѣщена нами въ 1908 г., но не закончена авторомъ. Въ 1909 г. мы дадимъ изъ нея нѣсколько, болѣе обработанныхъ сценъ.

Г. Робертъ Россомъ обѣщаны неизданныя письма Оскара Уайльда, съ личными воспоминаніями объ О. Уайльдѣ.

II. Статьи.

Эмиль Верхарнъ. Лекціи о искусствѣ. (Переводъ съ рукописи).

Д. Мережковскій. О Лермонтовѣ.

Андрей Бѣлый. Космогонія искусствъ.

Валерій Брюсовъ. Основы поэзіи.

Эллисъ. О методахъ символизма.

В. Бакулнъ. „Трагизмъ“ и „легкость“. Наблюденія надъ современной литературой.

Рядъ статей, посвященныхъ писателямъ прошлаго:

Валерій Брюсовъ. Поэзія кн. П. Вяземскаго.

Андрей Бѣлый. Гоголь и будущее.

Эллисъ. Лермонтовъ и романтизмъ.

С. Соловьевъ. Этюды о нѣкоторыхъ греческихъ писателяхъ.

Ренэ Гиль. Литературныя школы 80-хъ годовъ во Франціи.

По личнымъ воспоминаніямъ.

Въ то же время будутъ продолжать свои отчеты о французской литературѣ: Ренэ Гиль (поэзія), Ж. Шарпантье (романъ) и Ренэ Аркосъ (общіе вопросы); о нѣмецкой литературѣ:—А. Эліасбергъ, А. Лютеръ, М. Шикъ; о англійской—О. Бёрдеттъ; о итальянской—Дж. Папини и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ „ВѢСЫ“.

Въ Россіи на годъ (12 №№) пять рублей съ пересылкой; на полгода три рубля съ пересылкой.

За-границу семь рублей (18 фр.).

Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ на 1909 годъ пользуются: при выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпіонъ“ — скидкой отъ 15 до 50%, изданій к—ва „Грифъ“ скидкой 25%, и к—ва „Оры“ скидкой 15%.

Гг. годовые подписчики „Вѣсовъ“, доставившіе полностью подписныя деньги до выхода № 1 (конецъ января 1909 г.), имѣютъ право получить бесплатно изъ прилагаемаго списка книгъ (к—въ „Скорпіонъ“, „Грифъ“ и „Пантеонъ“), по ихъ выбору, на сумму до трехъ рублей.

Габріэль д' Аннунціо. Франческа да Римини. Трагедія въ 5 д.

Перев. съ итальянскаго размѣрами подлинника Валерія Брюсова и Вячеслава Иванова. К-во „Пантеонъ“. Ц. і р. 50 к.

- С. Ауслендеръ.** Золотыя яблоки. Разказы, Обложка и фронтисписъ А. Силина. К-во «Грифъ». Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Съ приложеніемъ факсимиле рисунковъ и рукописей Пушкина. К-во «Скорпионъ». Ц. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. К-во «Скорпионъ», Ц. 2 р.
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я героическая) въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. К-во «Скорпионъ». Ц. 75 к.
- Жагадись.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. К-во «Скорпионъ». Ц. 65 к.
- А. Кондратьевъ.** Сатиресса. Мифологическій романъ. Обложка Я. Бельзена. К-во «Грифъ». Ц. 1 р.
- Иванъ Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. К-во «Скорпионъ». Ц. 2 р.
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. К-во «Скорпионъ». Ц. 60 к.
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. К-во «Скорпионъ». Ц. 70 к.
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. К-во «Скорпионъ». Ц. 1 р.
- Нина Петровская.** Sanctus Atrog. Разказы. К-во «Грифъ». Ц. 60 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Обложка Н. Ѳеофилактова. К-во «Скорпионъ». Ц. 2 р. 40 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Pro domo mea. De profundis. У моря. День Вознесенія. Вигиліи. Аметисты. Сыны Земли. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. К-во «Скорпионъ». Ц. 2 р. 40 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Дѣти сатаны. Романъ въ 4 частяхъ Пер. Е. Троповскаго. Обл. Н. Ѳеофилактова. К-во «Скорпионъ». Ц. 1 р. 30 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и др. Обл. Фидуса. К-во «Скорпионъ». Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Обложка Брунелески. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. К-во «Скорпионъ». Ц. 50 к.
- Ведоръ Сологубъ.** Жало смерти. Разказы. К-во «Скорпионъ». Ц. 1 р. 50 к.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ к-ва «Скорпионъ» на 1901 г. Стихи, разказы, статьи. Обложка К. Сомова. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ к-ва «Скорпионъ» на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе. Альманахъ к-ва «Скорпионъ» на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Обложка и есъ украшенія Н. Фесфилакста. Ц. 3 р.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. «Парашельс». «Подруга», «Зеленый попугай». Перев. съ вѣмецкаго. К-во «Скорпионъ». Ц. 60 к.

Пересылка всѣхъ этихъ книгъ на счетъ заказчика по дѣйстви-
тельной ея стоимости.

Если стоимость избранныхъ книгъ превыситъ 3 р., гг. подписчи-
ки съ большей суммы будутъ пользоваться скидкой въ 15%.
Гг. подписчики благоволятъ при указаніи избранныхъ ими книгъ
прилагать причитающіяся съ нихъ деньги, какъ на пересылку,
такъ и на покрытіе цѣнъ, превышающихъ 3 р. Въ противномъ слу-
чаѣ слѣдующая сумма будетъ вѣдаться—наложеннымъ платежомъ.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ изданій имѣются въ распоряженіи
конторы „Вѣсовъ“ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и могутъ
быть предоставлены лишь первымъ по очереди, изъ числа заявив-
шихъ желаніе получить ихъ. Поэтому контора „Вѣсовъ“ предлагаетъ
гг. подписчикамъ указывать выбранныя ими книги одновременно
съ подпискою и во всякомъ случаѣ не позже марта для Европей-
ской Россіи и 15 марта для Азіатской Россіи.

ПОДПИСКА НА „ВѢСЫ“ ПРИНИМАЕТСЯ:

1) въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала,—Театральная пло-
щадь, домъ Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-89); 2) въ С.-Петер-
бургѣ, въ т-вѣ Складчина, Екатерининская, 4, и въ книжномъ
складѣ Комиссіонеръ, Садовая, 18; 3) въ Кіевѣ — въ магазинѣ
Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29; 4) въ Берлинѣ—у Edm. Meyer,
Buchhandl., Berlin W., Potsdamerstrasse, 24 в; 5) во всѣхъ большихъ
книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и провинціи.

Гг. иногороднимъ во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній пред-
лагается присылать подписныя деньги непосредственно въ главную
контору журнала.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

СКОРПИОНЪ

Книгоиздательство „Скорпионъ“ одно изъ первыхъ въ Россіи посвятило свою дѣятельность преимущественно новымъ теченіямъ въ литературѣ русской и западно-европейской. Оно первое издало на русскомъ языкѣ замѣчательнѣйшія произведенія Кнута Гамсуна, Ст. Пшибышевскаго, Г. д'Аннунціо, Эмиля Верхарна, Шарля ванъ Лерберга и др. нынѣ получившія широкую извѣстность.

Въ русской литературѣ книгоиздательство „Скорпионъ“ одно изъ первыхъ сгруппировало вокругъ себя такія имена, какъ: К. Бальмонтъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Вячеславъ Ивановъ, З. Гиппиусъ, М. Кузминъ, Д. Мережковскій, Федоръ Сологубъ. Книгоиздательству „Скорпионъ“ принадлежитъ въ Россіи починъ въ заботѣ о соотвѣтствіи внѣшности книгъ съ ихъ содержаніемъ. Обложки книгъ, выпущенныхъ к-вомъ „Скорпионъ“, большей частью исполнены выдающимися художниками и представляютъ самостоятельный художественный интересъ.

Подписчики „Вѣсовъ“ пользуются при выпискѣ черезъ редакцію изданій к-ва „Скорпионъ“ скидкой отъ 15 до 50% при пересылкѣ за счетъ книгоиздательства. Въ настоящемъ каталогѣ, послѣ продажной цѣны изданія, въ скобкахъ указана его цѣна для подписчиковъ „Вѣсовъ“. Изданія, при которыхъ уменьшенная цѣна не обозначена, остались на складѣ въ небольшомъ количествѣ и на нихъ скидка не можетъ быть сдѣлана.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики. Провинциальные книжные магазины, при наличномъ расчетѣ, пользуются уступкой въ 30%, но должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50—89). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. дня до 6 ч. вечера. Изданія к-ва „Скорпионъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Складчина“, Петербургъ, Екатерининская, 4, и въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“: Петербургъ, Садовая, 18.

КАТАЛОГЪ КЪ ЯНВАРЮ 1909 г.

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ.** Жатва Дня. Печатается.
- Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина).
М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
(1 р. 28 к.).
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908.
Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
Томы IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.
Томъ VII. (Жарь-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.
(1 р. 70 к.).
Томъ X. (Хороводъ временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 25 к. (1 р.).
- Александръ Блокъ.** Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Валерій Брюсовъ.** Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. 1892—1908 г.
Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
Томъ II. Стихи 1902-1905 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908.
Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
Томъ III. Стихи 1906-1908 гг. (Всѣ Напѣвы). Поступить въ продажу въ февраль 1909 г. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р. (85 к.).
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1 р.).
- Поль Верлэнъ.** Гимны, пѣсни и исповѣдїи. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к. (68 к.).
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Вячеславъ Ивановъ.** Cor Ardens. Speculus Speculorum. Эросъ. Обложка К. Сомова (хромолитографія). Выдетъ въ февраль 1909 г.
- М. Кузминъ.** Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1р.).
- Д. С. Мережковский.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к. (35 к.).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Валерій Брюсовъ.** Огненный Ангель. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. 2 т. Обложка по современной гравюрѣ. М. 1908—9. Ц. за оба тома. 3 р. (2 р. 55 к.).
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к. (38 к.).
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Федотова. М. 1908 Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р. (85 к.).
- М. Кузминъ.** Разказы и повѣсти. 2 тома. Готовятся къ печати.
- Жагадись.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к. (33 к.).
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Печатается второе изданіе.
Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).
Томъ III. Страшные разказы, гротески. Печатается.
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій.
Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к. (2 р.)
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к. (2 р.).
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р. (85 к.).
Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Шибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к. (25 к.).

Федоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р.).

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый Городъ“, „Джіоконда“, „Слава“. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. (87 к.).

Эмилъ Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Поступить въ продажу въ февраль 1909 г. Ц. 80 к. (70 к.).

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 к. (40 к.).

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к. (45 к.).

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.).

Шарль Ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почувяли. М-ше Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. (85 к.).

Шарль Ванъ-Лербергъ. Они почувяли. М-ше Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к. (34 к.).

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и Стихи. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка. и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Ст. Шибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. Ц. 80 к. (68 к.).

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. (Парадельсъ, Подруга, Зеленый попугай). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к. (30 к.).

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Андрей Бѣлый. Арабески. Сборникъ статей по теоріи символизма. Печатается.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к. (35 к.).

- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. (50 к.).
- Д. С. Мережковскій.** Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.).
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (75 к.).
- Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ.** Обри Бердслея. Авториз. перев. М. Ликиардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты** на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты** на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Ц. Мережковского. Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста. М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе** на 1901—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе „Три Разцвѣта“ драма К. Бальмонта, „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова, стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всё украшенія Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).

VI. АЛЬБОМЫ.

- Н. Теофилактовъ.** 65 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).

VII. ЖУРНАЛЫ.

- Вѣсы** за 1904, 1905, 1906 1907 и 1908 гг. Каждый годъ 12 №№, свыше 1000 стр. текста, съ рисунками (черными или въ нѣсколько красокъ) на отдѣльныхъ листахъ, художественными обложками и оригинальными виньетками. Каждый годъ представ-

ялетъ обзоръ культурной жизни всей Европы и подробную библиографію книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ на европейскихъ языкахъ. При каждомъ годѣ данъ алфавитный указатель помѣщенныхъ произведеній и разобранныхъ книгъ. Цѣна комплекта: за 1904, 1905 и 1906 г. безъ пересылки по 6 р. (5 р.); за 1907 г., въ виду незначительнаго числа оставшихся экземпляровъ, 10 р. (8 р.) безъ пересылки: за 1908 г. — 7 р. (6 р.) безъ пересылки. При покупкѣ полнаго комплекта, за всѣ пять лѣтъ, цѣна 32 р. (25 р.) безъ пересылки. Пересылка за счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

РАСПРОДАНЫЯ ИЗДАНЫЯ.

- К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. М. 1903 г.
 Валерій Брюсовъ. *Tertia Vigilia*. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901 г.
 Валерій Брюсовъ. *Urbi et Orbi*. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.
 Валерій Брюсовъ. *Stephanos*. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906.
 Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902.
 А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.
 Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.
 Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. С. А. Полякова и Ю. Валтрушайтиса. Изд. I и II. М. 1900 г.
 Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.
 М. Кузминъ. Крылья. Изд. I и II. М. 1907.
 Д. Мережковский. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
 М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Пер. Вал. Брюсова. М. 1904 г.
 А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.
 Э. По. Рассказы и стихи. Перев. К. Бальмонта. Т. I. М. 1901 г.
 Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

Объ условіяхъ выписки книгъ см. стр. 10 этого каталога.

